Вопросы марийской ономастики

МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МАРИЙСКОЙ АССР

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Выпуск 2

48981
МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЙОШКАР-ОЛА 1980

Ш 166.32
В 74

Печатается по решению Ученого совета
Марийского научно-исследовательского
института при Совете Министров
Марийской АССР

ТРУДЫ, ВЫПУСК 45

В настоящий сборник вошли статьи, касающиеся самых различных аспектов марийской ономастики: топонимики, фитонимики, антропонимики. Все они представляют большой интерес не только для лингвистов, но и историков, этнографов и др.: в них впервые наиболее аргументированно, с использованием богатых архивных документов даны этимологии рассматриваемых собственных имен.

Этим прежде всего и отличается данный сборник от первого выпуска «Вопросов марийской ономастики» (1978).

Научный редактор
профессор И. С. ГАЛКИН

© Марийский научно-исследовательский институт, 1980

В. В. Кузнецов

ОЙКОНИМЫ МАРИЙСКОЙ АССР С ТОПОФОРМАНТОМ *-МАС*

На территории Марийской АССР встречается большое количество названий населенных пунктов (ойконимов), которые не поддаются объяснению данными современного марийского языка. К их числу отнесены И. С. Галкиным географические названия с формантом *-мас-(-маш)* (Галкин 1967:204).

В Марийской республике, по данным АТД 1969 года, ойконимы на -мас(-маш), зафиксированы 17 раз: дд. Большой Карамас (Кугу Корамас), Новый Карамас (Усола Корамас), Малый Карамас (Корамас кутыр) в Волжском районе; дд. Большие Маламасы (Кугу Моламас), Малые Маламасы (Изи Моламас) в Звениговском районе; дд. Мари Возармаш (Марий Озармаш), Русский Возармаш (Руш Озармаш) в Мари-Турекском районе; дд. Мари Адымаш (Марий Одымаш), Русский Адымаш (Руш Одымаш), Малый Карамас (Изи Корамас), Нуръял Карамас, Маламаш (Муналмаш) в Моркинском районе; д. Пигильмаш (Пӱгыльмаш) в Параньгинском районе; д. Карамас в Сернурском районе; дд. Большой Ашламаш (Кугу Ашламаш), Малый Ашламаш (Изи Ашламаш) и п. Моталмаш в Советском районе. Чередование *с* и *ш* в конце названий можно объяснить историческим звукопереходом *с>ш* (Грузов 1969:154).

Интересующий нас топоформант привлекал внимание многих исследователей-языковедов, т. к. ареал его распространения прослеживается и за пределами Марийской АССР: топоним *Орзамас* — ныне с. *Арзамас* — зафиксированный в Архангельской губернии еще в 1475 году, Ф. И. Гордеев считает перенесенным (Гор-

деев, 1979:143). Так, например, Б. А. Серебренников говорит об угорском происхождении названий на *-мас-(маш)*, сравнивая *-мас* с венгерским словом *mezö* «поле» (Серебренников 1969:35). Такого же мнения придерживается в своих тезисах И. С. Галкин (Галкин 1965:8). Отметив, что компонент *-мас* нельзя выводить из балтийского *Maže «малый»* в ойконимах *Маламас* и *Карамас* (ср. *Maž-ире* букв. «малая река» и *Мажа* — притоки Морочи, Случи, Припяти), Ф. И. Гордеев оставляет вопрос открытым (Гордеев 1967:191).

Мордовские ученые-языковеды, проанализировав топонимику Мордовской АССР с топоформантом *-мас*, пришли также к различным выводам. Н. Т. Надькин в статье «Мордовские дохристианские личные имена с суффиксом *-мас*» (известно, многие топонимы возникли от антропонимов) предлагает два возможных решения в выявлении значений *-мас:* 1) из сочетания типа *Тиремаска (тири* «кормилец»+мар. *маска* «медведь»), где компонент *-ка* совпал с русским по происхождению уничижительным суффиксом *-ка, -ко*, что дало возможность употреблять рассматриваемые названия без компонента *-ка;* 2) при помощи именного суффикса *-с*, который был весьма продуктивным и выступал самостоятельно (*Вечкас* от *веск* «любить», *Кемас* от *кем* «верить», *Коломас* от *колмо* «три», *Молемас* от *молемс* «идти» и т. д. (Надькин 1969:108—113). А Р. Б. Бабушкина, указав на несостоятельность научного обоснования точки зрения возникновения названия *Арзамас* от *эрзя мазы* «красивый эрзя», выделяет в морфологическом способе образования топонимов Мордовского края суффикс *-мас* (Бабушкина 1969:275).

Компонент *-мас* встречается также в тюркских личных именах и в отантропонимических топонимах. Например, тат. *Таймас* от *таймас* «не оступаться», *Алмас* — букв. «не возьмет», т. е. «смерть не возьмет»: башк. *Таймас* «не будет», *Эталмас*>*эт* «собака»+*алмас* «не возьмет» (Саттаров 1973: 46—47).

Не вступая в полемику с вышеуказанными учеными, мы предлагаем иной вариант решения истории возникновения топонимов Марийской АССР с формантом *-мас (-маш)*, хотя, как нам кажется, некоторые топонимы, например, ойконимы *Арзамас* в Мордовской и Татарской АССР (ср. также г. *Арзамас* в Горьковской обла-

сти), гидроним *Арзамаска* в Мари-Турекском районе Марийской АССР аналогичны по происхождению.

Образование топонимики Марийской республики в своей сущности не одинаково. Здесь сказывались влияния различных племен, этнических групп, народов и исторических условий. Поэтому нельзя рассматривать происхождение форманта *-мас(-маш)* в ойконимах края как единое целое: один и тот же топоформант может восходить диахронически к различным источникам (языкам).

В современном марийском языке самым распространенным и продуктивным является суффикс *-мас(-мäш)*, который встречается во всех диалектах (Галкин 1966: 40). При его помощи образуются имена существительные от всех глагольных основ и имеют значение отвлеченного действия или состояния (СМЯ 1961:86). По происхождению суффикс *-мас(-мäш)* сложный: он сложился из причастного суффикса *-ма(-ме, -мо, -мӧ)* и суффикса существительных *-ш<киш* (Галкин 1966:41). Может участвовать в образовании сложных топонимов, например: *Микипыр ышты маш* (Карам.). *Микипыр* — собств. имя+*ышты маш* («священная роща, мольбище») местн., ср. Л. *кӱсото* («мольбище»); *ышташ* «делать»>*ышты ме* «сделанный»>*ышты маш* «делание, совершение»<*Микипыр ышты маш* — роща, где совершались религиозные обряды родом Никифора (следует отметить, что кроме родовых мольбищ имелось и общее — *кӱсото*). По всей вероятности, этот суффикс выступает в ойкониме *Моталмаш* — в названии лесоучастка Ронгинского сельсовета Советского района. Поселок образовался в советский период и в настоящее время не существует. Происхождение этого ойконима, на первый взгляд, нельзя объяснить на материале современного марийского языка, т. к. нет в нем никакого созвучного с этим названием слова. Ойконим *Моталмаш* образовался от диалектного слова *мото* «черника» (лит. *модо*) и *налмаш* «взятие, получение: снятие, сбор (урожая); набор (воды); *мотоналмаш>моталмаш* «место сбора черники». Характер местности соответствует названию: в окрестностях поселка действительно много черники. Выпадение слога *-на-* легко объяснимо: «выпадение согласных или даже целых слогов происходит при образовании сложных слов... *куголя* «крыса» (*куго*

«большой (-ая, ое)+*коля* «мышь»), *намияш* «принести» (*налын* «беря»+*мияш* «прийти») и др. (Грузов 1965: 230). Подобное образование зафиксировано в дер. Шӱргӧял Куженерского района: один из ключей здесь называют *Вӱтналмаш* (*вӱд* «вода»+*налмаш*), т. к. жители брали отсюда воду.

Итак, первоначально *Моталмаш* был микротопонимом и только позже, когда рабочие-лесорубы основали поселок, стали называть его по названию местности.

Предположить, что все рассматриваемые нами ойконимы возникли при помощи этого суффикса, мы не можем: во-первых, суффикс современного марийского языка выступает только в сложных топообразованиях (ср. *Микипыр ыштымаш, Вӱтналмаш, Моталмаш,* а также *Осман кыне чыкымаш* (д. Купсола, Куженерского района, где *Осман* — собств. имя+*кыне* «конопля»+*чыкымаш* «вкладка, вкладывание: помещение чего-л. куда-л.»), т. к. в простых морфологических образованиях существительные называют процесс действия, а не объекты и переход первого на второе в топонимах очень сомнителен; во-вторых, формант *-мас(-маш)* в остальных рассматриваемых названиях (за исключением *Пӱгылмаш*) относится, как показывают исследования, к наиболее древнейшему пласту марийского (и, возможно, финно-угорского) топообразования.

Компонент *-мас(-маш)* в остальных ойконимах по происхождению, как мы полагаем, сложный: *ма*+*с*. Это подтверждает сравнение топонимов в историческом плане. Например: «А ниже Кашина 70 верст пала в Волгу р .Молога», дальше читаем «...а ниже Василия города 30 верст с луговой стороны пала в Волгу р. Ветлуга, притоку Ветлуги 180 верст, течет от Моломы реки» (КБЧ 1950:133, 136), ср. д. *Моломас* в Звениговском районе; дер. и р. *Вочарма* в Мари-Турекском районе и дер. *Возармаш* в том же районе (см. приложение).

Среди суффиксов, образующих имена существительные от именных основ, был суффикс *-ме(-мо, -мы, -мы)*, который в современном марийском языке относится к числу мертвых: его можно выделить лишь в единичных словах путем сравнения диалектных данных (Галкин 1966:22). В марийских диалектах встречается этот суффикс крайне редко, например: *Гпӹзӹл-*

мӹ, СЗ шаран. *пизӹлмӹ* «рябина», ср. Л морк.-серн. *пызле,* Л волж. *пизле,* СЗ тонш. *пӹзли* «тж»; Л морк., серн. *пӱкшкерме,* В *пӱкшерме,* Л волж. *пышкерме,* СЗ *пӱкшермӹ* «орешник», ср. Г *пӱшкер* «тж.». Генетически суффикс *-ме* отнесен И. С. Галкиным к уральскому *-т*-овому суффиксу для отыменных имен существительных. Соответствия имеются во всех родственных языках, включая самодийские (Дьерке 1934:43—44; Галкин 1966:22—23).

Учитывая то, что *-ма(-мо, -мы, -мӹ)* имеет локальный оттенок (ср. фин. *saaremaa* «место, образованное наносной землей» от *saari* «остров»; венг. *orom* «вершина», ср. манс. *ур;* мар. *пӱкшерме* «орешник», *пӱкш* «орех» — общеперм. **pāčk* «орех, ягода» (Лыткин, Гуляев 1970:217) + *ер* — суффикс имени существительного с собирательным значением > *пӱкшер* — ср. красноуф. *пӱкшвондо* «орешник» > *пӱкш* «орех» + *вондо* «куст» (МДЭ—78: № 178, 136) + *ма* > *пӱкшерме* «орешник», первонач. «место, где растут орешники»), автором было сделано предположение о происхождении этого суффикса от финно-угорского слова *та* «земля» — ср. фин. *maa* «земля», эст. *maa* «земля, страна, край», манс. *ма* «земля, место, страна» (Кузнецов 1975:23—24).

Известно, что происхождение прафинно-угорских словоизменительных и формообразовательных суффиксов шло двумя путями: агглютинационным и адаптационным. При помощи агглютинационного способа вспомогательные слова, утратив ударение, присоединялись к основе главного слова. При этом они еще долгое время употреблялись в значении соответствующего вспомогательного слова или в близком к нему значении (ОФУЯ, 1974:217). Но из-за отсутствия достаточного материала для решительных выводов мы этот вопрос оставляем открытым, тем более, как считает Хакулинен, значение уральского *-т*-ового суффикса было уменьшительным (Хакулинен 1953:113); И. С. Галкин отмечает, что «первоначальное значение суффикса определить не представляется возможным» (Галкин 1966:23). Кроме того, в других родственных языках значение данного суффикса не всегда имеет локальный оттенок: коми *гожом* «лето» ср. *гож* «жара, жар», морд. *качамо* «дым» ср. фин. *katku* «чад», мар. *кочо* «едкий,

горький» и др. Что касается марийского слова **ма,* обозначающего землю, то оно в древнемарийском языке было. В современном марийском языке понятия «земля», «страна», «местность», «край» обозначают одним словом *мланде.* Как мы полагаем, *мланде* состоит из двух компонентов: *м*—корневой звук общефинноугорского слова и *ланд* — балтийское заимствование «земля, страна» (ср. *Финляндия* «земля финнов»). О сложном образовании *мланде* говорят диалектные данные (волж. *миланде>mi (>mӱ>ma)+land,* малм. *мӱланде>mӱ (>ma)+land*) и источники письменных памятников: древний вариант *мӱ (mӱ)* записан у представителей горномарийского и восточного наречий марийского языка (Штейниц 1944:59). Не исключено, что оно выступает и в другом марийском слове—*ошма* «песок»: *ошо* «белый», ср. морд. *ашо,* коми *езыд* «белый», венг. *оос* «серый»+*ма* «земля»<*ошма* букв. «белая земля».

По всей вероятности, в первой части компонента *-мас* выступает не суффикс, а топоформант *-ма,* характерный для финно-угорской топонимии. Происхождение этого топоформанта опять-таки не ясно и мнения большинства исследователей по данному вопросу расходятся (Матвеев 1971:7—34). Не поднимая этот сложный вопрос историографии, отметим лишь мнение А. Кривощековой-Гантман, которое заслуживает внимания. Она пишет: «...Вполне логично предположить существование рядом с такими гидронимами (с гидроформантом *-ма* — К. В.) и топонимов со значением «такая-то земля». Название подобной структуры знают многие языки мира, например, германские. Общефинно-угорский корень со значением «земля, участок земли» сохранился почти во всех финно-угорских языках: в финском — *maa,* в мансийском *-ма,* в удмуртском, коми и, следовательно, общепермском *-му,* которое восходит к более древнему *ма.* При помощи этого слова древние люди создавали названия для своих родоплеменных территорий. Слова, устойчиво привязанные к конкретной местности, превращались в собственные имена, топонимы. Впоследствии названия на *-ма* могли быть перенесены и на протекающую по данной местности реку (Кривощекова-Гантман 1973:18). Как уже отметили, топоформант *-ма* весьма характерен для финно-угорской топонимии и ареал его распространения очень об-

ширен. Нередко встречается и на территории Марийской АССР, например д. Нурма в Медведевском районе, д. Большая Нурма в Новоторъяльском районе (ср. дд. Нурмучаш в Волжском, Новоторъяльском, Сернурском, Советском районах: дд. Нурсола в Куженерском — 2, Сернурском, Моркинском районах); д. Новая Кушма в Медведевском районе (ср. дд. Кушнур в Куженерском, Звениговском, Медведевском районах), д. Турма в Новоторъяльском районе (ср. ст. Турша в Медведевском районе) и др.

Второй компонент *-ас(-аш)* является, по всей вероятности, суффиксом имени существительного и указывает на назначение предмета, на материал, для чего он служит или предназначен. Кроме того, имена существительные, образованные от существительных же, имеют уменьшительно-ласкательное значение (Галкин 1966: 18—19). Возможно также, что в рассматриваемых нами ойконимах выступающий топоформант *-ас,* как считает Е. М. Поспелов, в финно-угорскую эпоху имел значение «река» (Гордеев 1979:156), т. к. топонимы на *-ас* широко распространены в гидронимах бассейнов Северной Двины, Онеги, Выги, Москвы, Волги (Поспелов 1970:98—100). На территории Марийской АССР названия на *-ас(-аш)* встречаются нечасто. В указанных в статье ойконимах, как мы думаем, выступает суффикс *-ас(-аш),* а не топоформант *-ас,* т. к. они не указывают на гидроним. Полагать, что ойконимы возникли от названий рек (ср. р. Илеть и ст. Илеть Звениговского района) нет оснований, ибо отсутствуют аналогичные гидронимы за исключением р. Арзамаска и дер. Арзамас (см. выше).

Итак, компонент *-мас(-маш)* в рассматриваемых нами названиях не одинакового происхождения. В названии поселка *Моталмаш* выступает суффикс современного марийского языка *-маш,* а в других ойконимах — сложный топоформант *-мас-(маш),* который образовался из характерного для финно-угорской топонимии и форманта *-ма* и суффикса современного марийского языка *-аш<-ас.* В ойкониме *Пӱгыльмаш* выступает только суффикс *-аш* (см. дальше).

Топоформант *-мас,* следует полагать, присоединился к словам не сразу, т. е. не в целом сочетании, присоединение шло последовательно — сначала компонент

-ма, затем — *-ас(-аш)*. Схематически этот процесс можно обозначить так: *Д* (детерминатив) + *ма* = *Т* (топоним) + *ас* = *НТ* (новый топоним) или *Д* + *ЛТ* (любой топоформант) = *Т* + *ма* = *НТ* + *ас* = *ТО* (топоним-описание). Название типа *НТ* и *ТО* можно объяснить стремлением человека передать все его содержание, т. е. показать все признаки топонима. В то же время *НТ* более конкретизирован, чем *Т*, а *ТО* еще более уточнен, чем *НТ* (см. подробно приложение).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Ашламаш: дд. *Большой* и *Малый Ашламаш* в Ронгинском с/совете Советского района. Этот ойконим связан с названием р. *Ошла*, (ср. *Ошламучаш* в Оршанском районе): *Ошла* + *маш*, где *а/о* (Грузов 1965: 103). В свою очередь в названии р. *Ошла* вычленяется *ош*) ср. дд. *Ошурга* мар. *Ошшӱргӧ* в Советском и Медведевском районах — *ош* + *шӱргӧ* «лес», ср. Г *шыргы* «лес», р. *Ошыт* < *ош* + *ыт*; *Ошкуп* в Волжском районе < *ош* + *куп* «болото») + *ла* — гидроформант (ср. *Вӱтла*). Этимологию *ош* (ср. в Волжском районе *Ошкуп* — «болото с питьевой водой») и *ла* пока установить не удалось. Таким образом, можно полагать, номинация этого ойконима произошла так: *Ошла* «название реки» + *ма* > *Ошлама* «название местности» + *ас* > *Ошламаш* ~ *Ашламаш* «название н. п. этой местности». Что касается названий дд. *Большой (Кугу)* и *Малый (Изи) Ашламаш*, то они позднего образования.

2. Возармаш: дд. *Мари* и *Русский Возармаш* — мар. название *Озармаш* — в Мари-Турекском с/совете Мари-Турекского района. Расхождение рус. Возармаш и мар. Озармаш объясняется тем, что «в начале слова утрачивается билабиальный согласный *в*, что, очевидно, обуславливается качеством последующего огубленного гласного» (Грузов 1965:227—228). В русском варианте Возармаш сохранилась древняя огласовка названия деревни. Топооснова *Возар* также сложная: *воз* (по всей вероятности, тополексема *воз-* связана с *вож* «развилка», ср. удм. *вож* «перекресток, перепутье», мар. *вож* «корень», но *корнывож* «перекресток дорог, развилка» < *корно* «дорога» + *вож*) + *ар* — конечный фор-

мант в составе топонимических названий финно-угорских племен, этимологически восходящих к финно-угорскому аппелятиву со значением «река; лужа» (Гордеев 1979:126).

Итак, название д. Возармаш произошло так: *вож* «развилка»+*ар*=*Вожар||Возар* «река с развилками»+*ма*=*Возарма* (ср. р. и д. *Вочарма* в Мари-Турекском районе) «местность у этой реки»+*ас*=*Возармаш* ~ *Озармаш* «деревня на этой местности».

Нужно полагать, что конечный звук в тополексемах *Воз-* (ср. д. Возармаш), *Воч-* (ср. р. и д. Вочарма) и слове *вож* «корень» восходят к доперм. **ѡ8c̄з-* «корень» (Лыткин, Гуляев 1970:69—70). Аффрикатизированный согласный в дальнейшем в первом названии перешел в *з*, во втором — в *ч*, а в лексеме *вож* — в *ж*. Возможно также, что в названии *Вочарма* сохранилась наиболее древняя форма *Воч- (Woc̄-);* в таком случае топоним *Вочарма* может быть отнесен к наиболее древнему пласту топообразования. Что касается *Воз-* (ср. *вож*), где *з*>*ж*, то такое чередование могло происходить позже: ср. малмыж. (соседний говор) *нузгол* вм. *нужгол* «щука», *пузлаш* вм. *пужлаш* «портиться», *кенгез* вм. *кенгеж* «лето» и др. Но так или иначе, все вышерассматриваемые названия, как мы полагаем, генетически взаимосвязаны. Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» находят для коми *туйвеж* «разветление дорог, развилка, развилина, перекресток», где *туй* «дорога» (ср. удм. *вож.* «перекресток, перепутье») и *вуж* [*вужй-*] «корень, корешок», *вужъя* «коряга»; *-вуж : рӧдвиж* «родня, родственники» (ср. удм. *выжы* «корень, род, родство») две праосновы: -общеперм. **vēž* (мар. *важык* «криво, кривой», мар. Г *важык* «развилина (дерева, дорог)»<-доперм. **ѡ3ś3-* или? **ѡ3c̄3-* (Лыткин, Гуляев 1970:49—50) и -общеперм. **vиз3* «корень» (мар. *вож,* мар. Г *важ* «корень, основание»<-доперм. **ѡ8c̄3* «корень» (Лыткин, Гуляев 1970: 69—70). Но не восходят ли они диахронически к одной праформе — **ѡ8c̄3* предположительно «корень, разветление»? В дальнейшем развитии языков могло быть расширение значения. Первоначально было только одно название — *Возармаш,* где жили марийцы. С приходом русских, которые поселились рядом, появились названия *Русский Возармаш* и *Марий Возармаш.*

3. Корамас: дд. *Большой Карамас (Кугу Корамас), Новый Карамас (Усола Корамас), Малый Карамас (Корамас кутыр)* в Волжском районе; дд. *Малый Карамас (Изи Корамас), Нуръял Карамас* в Моркинском районе; д. *Карамас* в Сернурском районе. Ф. И. Гордеев связывает топооснову *кара-* в ойкониме *Карамас* с иранским словом со значением «гора» (Гордеев 1967:189). На наш взгляд, *кора* финно-угорское слово со значением «низина», ср. *кора* ~ манс. сев. *хори* «низина», фин. *kaara* «миска, корыто», саам. «тж», морд. *корамс* «углублять, рыть», ср. также: к. саам. *куур* «длинное узкое углубление, заливчик, ложбина», фин. *kuru* «тж» (Матвеев 1980:153). Возможно, подобное слово было и в марийском языке, ср. *кораш* «бороздить, рыть (канаву)», *корем* «овраг» от *кораш*. Глагол *кораш*, в свою очередь, образовался от *кора* предположительно «углубление, низина» с помощью инфинитивного суффикса. Известно, что он образует глаголы от имен существительных, без словообразовательных суффиксов, ср. *лум* «снег» — *лумаш* «идти, падать (о снеге)», *йӱр* «дождь»—*йӱраш* «дождить» (Учаев 1976:42). Характер местности соответствует названиям: так, например, д. *Большой Карамас* расположена в низине, как бы в котловане. У местных жителей бытует предание, где говорится, что на месте нынешней деревни раньше было море. Аналогичное расположение имеет также д. *Малый Карамас* Моркинского района. Названия (волости) *Большой Карамас* и *Малый Карамас* «за рекой Илетью» зафиксированы еще в 17 веке (Айплатов 1967:145). Интересно отметить, что названия *Карамас* распространяются прямо к северу от Казани: *Большой Карамас* находится на 40 км севернее от столицы Татарской АССР, далее с промежутками 20—30 км следуют *Малый Карамас* Моркинского района, *Корамас курык (курык* «гора») и *Корамас Чодыра (чодыра* «лес») в Куженерском районе, наконец, д. *Корамас* в Сернурском районе. В связи с этим возникает вопрос: не являются ли д. *Малый Карамас, Корамас курык* и д. *Корамас* перенесенными? Учитывая то, что марийцы старались избегать невыносимое татарское насилие, такую возможность можно допустить. Правда, в побеге участвовали не все.

Названия типа *Усола Карамас* и *Нуръял Карамас*

возникли позже в результате переселения на более свободные земли, а *Карамас кутыр* возник в начале нашего столетия во время столыпинской аграрной реформы.

Итак, *Корамас*>*кора* «низина» (Д)+*ма*=*Корама*— название низины (Т)+*ас*=*Корамас* — деревня в этой низине (НТ).

4. Моламас: дд. *Большой* и *Малый Моламас* в Звениговском районе, д. *Маламаш* в Моркинском районе. Этимология топоосновы *Мола* очень сложна и поэтому мы ее не затронем. Что касается варианта *Муналмаш,* то он, по всей вероятности, переплетается с позднейшей номинацией: *мун (муын)* «находя»+*налмаш* «взятие». Но такое решение ближе к народной этимологии. Возможно, *Муналмаш*>*муна*= ? +*ал*— топоформант+*маш*. Но так или иначе, можно предположить, что жители переселились сюда из *Моламаса,* при этом не сохранили древний звук *с* в топоформанте *-маш*.

5. Моталмаш: поселок Ронгинского с/совета Советского района. В настоящее время не существует. Название произошло от *мото* (лит. *модо*) «черника»+*налмаш* «сбор, собирание» (см. выше).

Весьма заманчиво связывать ойконим *Моталмаш* с *мото* «черника, ягода»+*ал* — топоформант, встречающийся в ареале «расселения и былого пребывания восточных финно-угров» (Гордеев 1979:77)+*маш*. Но, вполне возможно, под этим сложным решением скрывается простая ошибка.

6. Одымаш: дд. *Мари Адымаш (Марий Одымаш)* и *Русский Адымаш (Руш Одымаш)* Кинерского с/совета Моркинского района. Этимология первой части *одо* затемнена: возможно, *одо* — марийское название удмуртов+*маш*. Расхождение между официальным и марийским названиями объясняется чередованием *о/а* (Грузов 1965:103). Варианты *Мари А.* и *Русский А.* зависят от национальности жителей, населяющих деревни.

7. Пӱгыльмаш: д. в Куракинском с/совете Параньгинского района. Ф. И. Гордеев считает, что данный ойконим образовался при помощи словообразовательного суффикса *-аш: Пӱгыльмӧ* «собственное имя, образованное от нарицательного имени существительного *пӱгыльмӧ* «шишка хвойных деревьев» (Гордеев 1964:49), что вполне вероятно. В таком случае здесь

выступает не топоформант *-маш,* а словообразовательный суффикс *-аш,* аналогичный рассматриваемому нами суффиксу *аш<ас.*

ЛИТЕРАТУРА

Айплатов Г. Н. 1967, Расселение марийцев во второй половине XVI начале XVIII вв.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Бабушкина Р. В. 1973, Топонимика в словообразовательной системе современного мокша-мордовского языка.—Ономастика Поволжья, вып. 3. Уфа.

Галкин И. С. 1965, Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа.— Научная сессия по этногенезу марийского народа (тезисы докладов и сообщений). Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. 2. Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1967, Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1964, Русская топонимика Марийской АССР.— В кн.: Вопросы марийского языкознания, вып. I. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И., 1979, Этимологический словарь марийского языка. т. I. Йошкар-Ола.

Грузов Л .П., 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола.

Грузов Л. П., 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола.

Кривощекова-Гантман А. С. 1971, Об одной топонимической загадке.— В кн.: Ономастика Поволжья. Горький.

Кузнецов В. В. 1975, Топонимы на *-мас-(маш)* и их происхождение.— Вторая студенческая научная конференция. Тезисы докладов. Йошкар-Ола.

Лыткин В. И., Гуляев В. И. 1970, Краткий этимологический словарь коми языка. М.

Матвеев А. К 1971, Из истории изучения субстратной топонимики русского Севера.— Вопросы топонимики, № 5. Свердловск.

Матвеев А. К. 1980, Географические названия Урала. Свердловск.

Надькин Н. Т. 1973, Мордовские дохристианские личные имена с суффиксом *-мас.*— Ономастика Поволжья, вып. 3. Уфа.

Поспелов Е. М., 1970, Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера.— В кн.: Местные географические термины. М.

Саттаров Г. Ф. 1973. Отглагольные антропонимы в татарском языке.— Ономастика Поволжья, вып. 3. Уфа.

Серебренников Б. А., 1967, Происхождение чуваш по данным языка.— В кн.: О происхождении чувашского народа. Чебоксары.

Учаев З. В., 1976, Кызытсе марий йылме. Ончылмут. Мут ышталтмаш. Горький.

Хакулинен Л. 1953, Развитие и структура финского языка, ч. I. М.

АТД — Административно-территориальное деление Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1969.

КБЧ — Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950.

МДЭ — Марийская диалектологическая экспедиция.

ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания. М., 1974.

СМЯ — Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.

Györke G., 1934, Die Wortbildungslehre des Uralischen (primäre bildungssuffixe). Tartu.

Steinitz W., 1944, Geschichte des finnischugrischen Vokalismus. Stockholm.

И. С. Галкин

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

I. д. и с. Килемары

По существующему преданию название села *Килемары* — центра Килемарского района Марийской АССР — возникло от одноименной марийской деревни *Мари Килемары,* расположенной в нескольких километрах севернее от села. Село основано русскими переселенцами с территории нынешних Горьковской и Кировской областей.

Саму же деревню *Мари Килемары,* по-марийски *Маре Кӹлемар,* как гласит предание, основали несколько сот лет тому назад марийцы, бежавшие от эпидемии чумы из одноименных же деревень *Большие* и *Малые Килемары (Кого Кӹлемар, Изи Кӹлемар),* расположенных на территории Шарангского района Горьковской области.

Несомненно, предание имеет под собой реальную историческую основу, только, возможно, в народных устах хронологические рамки несколько сдвинуты. Истории известны несколько различных эпидемий в Поволжье. Так, в 1672—1675 годах Поволжье было охвачено страшной чумой. Почти подобного характера эпидемии охватывали эту территорию и в последующем, возможно, были и раньше. Поэтому вполне естественно, что народ мог хронологические рамки подобных явлений немного перепутать, но само явление в памяти народной хранится и весьма долго.

Ойконим *Килемары (Кӹлемар)* несомненно состоит из двух элементов: топоосновы *Киле-* и топоформанта *-мары.* Что же они в действительности значили? Объяснение этому вопросу можно дать двоякое. В совре-

менном марийском языке топооснова *Киле-(Кыле-)* конкретного лексического значения не имеет, поэтому, исходя из данных современного марийского языка, решить ее этимологию нет возможности. Для этого необходимо обратиться к данным родственных языков. Из родственных языков в этом случае территориально наиболее близки удмурты и мордва эрзя.

Действительно, в эрзя-мордовском языке есть подобное слово *Килей* «береза». Да и топоформант *-мары* в эрзя-мордовском языке находит себе соответствие в слове *мар* «куча земли, холм, курган». Эти соответствия кажутся весьма правдоподобными, если учесть, что недалеко от названных марийских деревень Б. и М. *Килемары* находится другая деревня *Килеево,* которую по данным эрзя-мордовского языка можно бы считать «Березово» при *килей* «береза».

Таким образом, ойконим *Килемары (Кылемары)* первоначально означал бы «березовый холм». Но возникает справедливый вопрос: почему данный ойконим объясняется на материалах эрзя-мордовского языка, а не марийского, ведь мордвы в настоящее время на данной территории нет? Как объяснить то, что большинство марийских ойконимов на *-мары (-мар)* связаны с гидронимами *(Кокшамары—Какшамари, Кужмара—Кужмари,* ср. *Куженер—Кужегер, Лумарь—Лумари,* ср. рч. *Лум* и т. д.), а здесь мы связываем ойконим *Килемары* с березой? Если учесть, что на территории Горьковской области эрзя-мордва и поныне живет чуть ли не вперемежку с марийским населением, а передвижение представителей городецкой культуры с Запада на Восток в Поветлужье, по данным археологов, происходило и часть их участвовала в образовании марийского народа, в то время как большая часть их явилась основой эрзя-мордвы, то использование данных эрзя-мордовского языка в этом случае вполне возможно. С другой стороны, то обстоятельство, что почти все марийские ойконимы на *-мары, -мар* связаны с гидронимами, хотя и несколько настораживает нас, но такой ойконим, как *Кукмарь (Кукмари),* в основе которого не усматривается гидроним, наше объяснение как бы подтверждает. Если это так, то и деревни *Килемары* обозначали просто «Березовый холм».

Однако возможна и другая, более вероятная трак-

ГАРШИИ
НАУЧНАЯ
Н 8981

товка, допускающая в топооснове гидроним *Килей,* ср. эрзя-мордовское *лей* «река», что позволяет ойконим *Килемары* этимологизировать совершенно по-другому: *Ки* «камень»+*лей* «река», т. е. речка Каменка, а *Килемары* «Марийцы на речке Каменке» по аналогии с *Кокшамарами* от *Какшан+мари* «Марийцы на Кокшаге». Но, к сожалению, в эрзя-мордовском языке для обозначения камня употребляется слово *кевь,* не созвучное с топоосновой *ки-*. Поэтому второе объяснение не возможно без марийского и пермского, где мар. *кӱ* «камень», удм. *ки* «камень».

Надо полагать, что когда-то и в марийских диалектах, особенно западных, близких к мордве, существовало слово *лей* «речка, ручей», как существует, например, в северо-западном наречии слово *лампа* «ручеек», восходящее к одному корню с финским *lampi* «пруд , лесное озеро, старица» (об этом см. *лӓм*).

2. с. Косолапово

В народной трактовке слово *Косолапово,* по-марийски *Косолоп,* исходя из русского его варианта, этимологизируется очень просто. Предание говорит о том, что якобы первым поселенцем и основателем этого села был некий русский человек из деревни *Косолапово* из-под г. Уржума, от которой и возникло название села *Косолапово.* Такое объяснение было бы вполне обоснованным, если бы действительно это поселение было основано русскими и преобладающей в этом селе была бы фамилия *Косолапов.* В таком случае и марийский вариант этого ойконима должен был бы звучать не иначе как *Косолапово,* по типу *Иваново, Сидорово* и т. д. Однако в этом селе нет ни одного хозяйства, где фамилия была бы *Косолапов.* Наоборот, преобладающей фамилией в ней является *Попов,* а не *Косолапов.* И первопоселенцем, как гласит предание, был *Попов.* А старожилы не помнят, чтобы в селе жили *Косолаповы.*

Все это дает основание думать, что этимологически рассматриваемый ойконим является чисто марийским образованием и состоит из двух самостоятельных слов: *Косо* «гоголь (дикая утка)» и *лоп* «низина, лощина», ср. с. *Лопьял* «Лопово» в Уржумском районе Кировской области, где родился известный русский художник

Верещагин. В переводе на русский язык ойконим *Косолоп* «Косолапово» означает, таким образом, «низину, где водились гоголи». Очевидно, на данном месте до образования поселения было низкое пойменное место, где выводили своих детенышей гоголи, а кругом шумел дремучий лес. Даже сегодня в самом селе имеется лощина, видимо, остаток прежней низины, заливавшейся водой и послужившей основой для названия современного села. Здесь произошел перенос названия с лощины на поселение. А русские, пришедшие на это место, занятое марийцами, позднее название адаптировали на свой лад по очень близкому созвучию марийского названия *Косо лоп* к русской прозвищной фамилии *Косолапов*. В данном случае, таким образом, мы имеем дело с простой народной этимологией.

3. Лäм «трясина, жидкая грязь»

Это слово обнаруживается в калтасинском говоре восточного наречия марийского языка. По-видимому, оно одного происхождения с *лампа* «ручеек», встречающемся в северо-западном наречии марийского языка, которое Ф. Гордеев сравнивает с финским *lampi* «пруд, лесное озеро, старица» (Гордеев 1979:146).

В восточном наречии произошло передвижение по ряду гласного *а*>*ä* (ср. *käрäндäш*<*карандаш*) и отпадение конечного слога *-па*.

4. Верх-Ушнур

Рассматриваемый ойконим в марийском варианте выглядит следующим образом: *Ушнӱр*, который обычно население пытается объяснить как сложное слово, состоящее из *Уш* «колотушка»+*нур* «поле». Фонетический вариант *-нӱр*<*нур* объясняется прогрессивной ассимиляцией. Однако очень трудно поверить подобной народной этимологии, ибо с никакой колотушкой название поля связывать нельзя, хотя слово *Ушнӱр* действительно состоит из двух композитов *Уш*+*нур*. Но в первом компоненте, как нам кажется, не следует усматривать слово *Уш* «колотушка»: оно представляет собой, скорее всего, усеченный вариант слова *Кӱш* «верх, верхний». Таким образом, марийский вариант ойконима

Верх-Ушнур, мар. *Ӱшнӱр* восходит к сложному слову *Кӱшнур<Кӱш+нур* «Верхнее поле».

В русском варианте ойконима *Верх-Ушнур* мы наблюдаем слияние марийского *Ӱшнур<Кӱшнур* с русским *верх,* которое является переводом марийского *кӱш* «верх, верхний». Слияние русского слова *Верх* с марийским *Кӱш* «верх» произошло вследствие отпадения из марийского слова начального согласного *К-* в слове *Кӱш* «верх» и затемнения его семантики, которая впоследствии стала пониматься как *ӱш* «колотушка».

Итак, ойконим *Верх-Ушнур* развился из *Верх+кӱш+нур,* что, по сути дела, означало *Верх+Верх+поле,* т. е. «Верхнее поле». Действительно, это село расположено на высоком берегу реки Малый Кундыш, а за селом широкое ровное поле.

5. д. Верка

В двух километрах от села Верх-Ушнур, по Сернурскому тракту, еще недавно была деревня *Верка,* теперь ее нет: процесс урбанизации и развития крупных сельскохозяйственных усадеб затронули и ее. Правда, эта деревня никогда большой не была, а в 1804 году, по данным экономических примечаний Уржумского уезда, в ней всего было два дома, в которых проживало 7 мужчин и 8 женщин. Тогда эта деревня именовалась *починком по речке Верке.*

Действительно, еще не так давно возле этой деревеньки протекала небольшая, но невероятно быстрая речка *Верка.* Почему она так называлась? Не женское же имя носила эта речка! Сама же деревня несомненно была названа по речке, о чем свидетельствует запись в экономических примечаниях 1804 года. Раз в начале XIX века эта деревня состояла лишь из двух домов, то можно смело утверждать, что она была основана не раньше конца XVIII века пришлыми русскими людьми.

Река же свое название сохраняла веками и, по-видимому, она имеет финно-угорское происхождение. В марийском языке для названия реки слова *Верка* нет. Это название в современном марийском языке ничего не означает. Поэтому, надо думать, что или подобное слово утрачено марийским языком или же это

название дано очень близким по языку к мари родственным племенем, участвовавшим в образовании марийского народа, которое археологи видят в так называемой городецкой культуре.

В эрзя-мордовском языке есть слово *верка* «быстрый», которое, на наш взгляд, вполне соответствует рассматриваемому названию. Поэтому надо полагать, что речка *Верка* означала «быструю речку», а деревенька на ее берегу не случайно в XIX веке называлась *починком по речке Верке,* т. е. *починком по речке Быстрой.*

ЛИТЕРАТУРА

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка. Т. I. Йошкар-Ола.

А. Н. Куклин

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ТЮРКИЗМОВ В МАРИЙСКИХ ФИТОНИМАХ

В красноуфимском говоре, как и в других диалектах марийского языка, существует довольно большое количество слов, вошедших в разное время из разных тюркских языков. Поэтому для выяснения закономерностей фонетической адаптации иноязычных слов марийского языка необходимо учитывать не только современное, но и более раннее или даже древнее состояние контактирующих языков и их диалектов.

По своим лексико-семантическим признакам заимствования делятся на многие разряды или тематические группы лексики. При этом надо учесть, что слова, относящиеся к одному разряду, могут участвовать в обогащении словарного состава другой тематической группы, например, слова, обозначающие предметы питания, употребляются в номинации трав.

В предлагаемой статье в этом плане рассматриваются два фитонима.

Чындара'н лышта'ш «щитовник мужской или мужской папоротник» — Dryopteris filix mas. Schott. (Aspidium filix mas. Sw.) (Нейштадт 1963:51, 52).

Такое название дано растению за характерный рисунок листьев, который напоминает узоры. Слово *чындара'н* является определяющим элементом в составе атрибутивной конструкции, представляет собой имя прилагательное в форме именительного падежа, образованное морфологическим способом посредством словообразовательного суффикса *-ан* от имени существительного *чында'р* «узор»<тат. *челтәр* «кружево». Более древняя форма этого слова сохранилась в других диалектах восточного наречия как *чылдыр* (Paasonen 1948:

161), из тат. *челтәр* «кружево, тюль, решетка, сеть». Переход *т>д* в слове *чылда·р* может быть объяснен ассимилирующим влиянием сонорного *л*, который в процессе дальнейшего развития был замещен согласным *н*. Узкий палатальный гласный *е* языка-источника перешел в гласный смешанного ряда *ы*. Говоря о субституции татарского *ä (ә)*, надо учесть время заимствования: в словах, вошедших в ранний период, гласный *ä* языка-источника замещается гласным *а* языка-рецептора; в поздних заимствованиях, как правило, сохраняется переднерядный *ä* языка-источника (Исанбаев 1964:27—33, 1979:54; Куклин 1979:159—163).

Второй компонент рассматриваемого фитонима *лышта·ш* «лист» является финно-угорским, так как соответствия ему имеются в прибалтийско-финских и в саамском языках: фин. *lehti*, эст. *leht*, саам. Н. *läs'ta* «лист» (SKES:284). В инлауте рассматриваемого марийского слова выступает древний **ш*, в финском языке ф.-у. **ш* перешел в *х*. В то же время финское слово *lehti* сохраняет в первом слоге древний гласный **е* финно-угорского праязыка. В диалектах марийского языка этот гласный развился в *ӹ/ы* через промежуточную ступень *и*, которая сохранилась в кильмезском говоре (Куклин 1979:226—231). Ср. переход **е>и>ӹ/ы:* кильм. *лишташ*, СЗ *лӹштäкш*, КУ, Л *лышташ* «лист». Таким образом, становится вероятным предположение, что мар. *лышта·ш* и фин. *lehti* развились из более древнего архетипа **leśtä* — или **leśte-*.

Туарашу·до «просвирняк пренебреженный» — *Malva neglecta Wallr.* «просвирняк приземистый» — *Malva pusilla With.* (Нейштадт 1963:385, 386).

Название **туарашу·до** растение получило за схожесть плода с творожным сырком круглой и приплюснутой формы. Слово-композит: *туара·+шудо*. Компонент *туара·* «творожный сырок круглой и приплюснутой формы» представляет собой древнее заимствование из волжско-булгарского (древнечувашского) языка. В современных диалектах чувашского языка сыр домашнего изготовления обозначается лексемами *тăвара (тывара), тора* (Ашмарин 1937:153, 240; Сергеев 1968:71), которые восходят к древнечувашской форме **тăвар-аг*. По предположению М. Рясянена, указанная форма развилась из тюркской праформы **tuγrak* или **tuγarak* (Rä-

sänen 1920:223, 224; 1969:490). Вариант **tuγarak* в фонетическом отношении больше тяготеет к марийским диалектным словам: СЗ *тугаᵓра* «творожник, крендель домашний», серн. *тугараᵓ*, КУ, Л *туараᵓ* «творожный сырок круглой и приплюснутой формы».

Л. П. Грузов, исследуя фонетические особенности современных марийских диалектов, пришел к выводу, что в слове *тугараᵓ* вставочный согласный *г* появился на марийской почве (Грузов 1965:231; 1969:189). При объяснении фонетических явлений в заимствованных из чувашского языка словах Л. П. Грузов ориентировался в основном на данные современного чувашского языка. В истории чувашского языка, как и в некоторых тюркских языках, древнетюркский фрикативный **г* в интервокальной позиции развился в *в* (Егоров 1971:196) или выпал (Щербак 1970:170, 171; Хакимзянов 1978:44). Например, чув. *ав*<**ääγ* (Щербак 1970:171) «гнуть, согнуть»>мар. волж. *агуаш, авуаш,* Г *айаш* «гнуть, сгибать» (Гордеев 1979:47). Следовательно, слово *тугараᵓ* было заимствовано некоторыми диалектами марийского языка еще в ту эпоху, когда оно в языке-источнике звучало как **тугарак*. Глухой ауслаутный согласный *-к* при фонетической адаптации утратился, а данные некоторых говоров лугового и восточного наречий показывают исчезновение инлаутного *-г-*.

Компонент *шуᵓдо* «трава» относится к древнемарийской лексике.

Таким образом, изучение тюркизмов в диалектах марийского языка имеет важное значение как для исторической лексикологии, так и для исторической фонетики контактирующих языков.

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н. И. 1937, Словарь чувашского языка XIV. Чебоксары.

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка, т. I, А—Б. Йошкар-Ола.

Грузов Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола.

Грузов Л. П. 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола.

Егоров В. Г. 1971, Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары.

Исанбаев Н. И. 1964, О происхождении гласного переднего ряда *ä* в калтасинском говоре марийского языка.— В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.-Л.

Исанбаев Н. И. 1979, Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка.— В кн.: Вопросы марийского языка (Вопросы истории и диалектологии). Йошкар-Ола.

Куклин А. Н. 1979, Гласный *ä* в красноуфимском говоре марийского языка.— СФУ XV.

Куклин А. Н. 1979, Гласный *i* в красноуфимском говоре марийского языка.— СФУ XV.

Нейштадт М. И. 1963, Определитель растений средней полосы Европейской части СССР. М.

Сергеев Л. П. 1968, Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары.

Хакимзянов Ф. С. 1978, Язык эпитафий волжских булгар. М.

Щербак А. М. 1970, Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.

Paasonen H. 1948. Ost-tscheremissischen Wörterbuch. Helsinki.

Räsänen M. 1920, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki.

Räsänen M. 1923, Die tatarischen lehnwörter im tsceremissischen. Helsinki (MSFuL). 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki (LSFU XVII).

Räsänen M. 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türkiscken. Helsinki.

В. И. Вершинин

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *ШЕМЕР*

В современном марийском литературном языке слово *шемер* является социальным термином и означает «трудящийся». Среди марийского населения распространено мнение, что *шемер* происходит от слова *шеме* «черный» и представляет собой суффиксальное образование, возникшее в результате присоединения (прилепления) к нему суффикса собирательной множественности *-ер*. Такое объяснение может показаться вполне обоснованным, если учесть, что у многих народов Евразии, в частности у тюрок и монголов, имеется противопоставление социального характера типа *черная кость—белая кость, черный народ* (ср. чув. *хура халăх* «черный народ» или рус. *чернь*) — *белый царь*. Но, как известно, мари обычно называли себя «белыми» — *ош марий*. Следовательно, выводить шемер из *шеме* неправомерно. Этноним *шемер* не может иметь основой слово *шеме* «черный» и потому, что суффикс собирательности *-ер* вообще не присоединяется к прилагательным, он прилепляется лишь к названиям деревьев для обозначения их групповой множественности: *ломбер* «черемушник», *пистер* «липняк», *тумер* «дубрава», *кожер* «ельник», *вондер* «кустарник» и т. д.

Слово *шемер* в диалектах может иметь и другое звучание — *шимер* и *шимел*. Это свидетельствует о том, что оно не может быть неологизмом, созданным из слова *шеме* и суффикса *-ер* для обозначения социального термина. Слово *шемер*, как нам кажется, когда-то было этнонимом, теперь почти полностью вышедшим из употребления в значении самоназвания мари, но используемым в качестве термина «трудящийся». Что касается вариантов слова *шемер*, *шимер* и *шимел*, то

следует отметить, что звукосоответствие *е||и* в марийском языке довольно распространено: *шипка — шепка* «зыбка», *вим—вем* «мозг», *сир—сер* «берег» и т. д. Звук *р* в последнем варианте, по всей видимости, перешел в *л*, такое изменение вполне возможно, ср. *тӱлма* «тюрьма», *тӱлеген||тӱргене* «сокол», *мерла||мелла||мелна* «блин», *нӧрпӧ||нӧлпӧ* «ольха» и т. д.

Этимологизацией слова *шемер* занимался К. А. Четкарев, который выводил *шемер* из *шем* «черный»+*мыжер* «кафтан» (Четкарев 1953:117). Но тут, кажется, прав Ф. И. Гордеев, который считает ошибочной этимологизацию К. А. Четкарева (Гордеев 1967:197). Действительно, меря вряд ли могла иметь самоназвание, исходящее от цвета своей одежды и передать ее марийцам, как это предполагал К. А. Четкарев. У финно-угров нет этнонимов такого типа. Кроме того, нельзя с полной уверенностью утверждать, что значительная группа мерян вошла в состав мари. Если же допустить, что меря называла себя по черному цвету своей одежды, что значительная ее часть влилась в марийский этнос, то станет непонятным, почему этноним смог закрепиться, а сам черный цвет одежды был отвергнут марийцами. Сам К. А. Четкарев в той же статье указывает, что любимый цвет у мари — белый. А если судить по фанатической приверженности марийской религиозной секты «Кугу сорта» к белой одежде (эта секта считала себя ревностной защитницей старых марийских обычаев), то можно полагать, что традиция ношения белой одежды у мари достаточно древняя.

Откуда же пришел этноним *шемер* в марийский язык? По мнению Ф. И. Гордеева, это слово проникло в марийский из иранских языков. Для сравнения он приводит курдское слово *шамер* «хороший (человек)» (Гордеев 1967:197). В курдском языке «человек» звучит как *meriyê, mariv*. Может показаться, что предки мари восприняли этот этноним из языка, близкого к курдскому, в форме, напоминающей *шемер марий*. Но этому противоречит тот факт, что в курдском языке (как и в старописьменных персидском и таджикском языках) порядок слов в подобных словосочетаниях иной: *meriyê, ûris* «русский», *meriyê tatar* «татарин». А это наводит на мысль, что слово *шемер* может быть и не иранского происхождения. Поэтому не будет из-

лишним рассмотрение и других возможностей возникновения этнонима *шемер*.

Начнем с выяснения вопроса о том, могло ли вообще существовать марийское самоназвание в форме *шемер марий*. Для этого рассмотрим этимологии двух групп финно-угорских этнонимов на *мари* и на *морт*— *мордва, удмурт, коми морт*.

Мордва распадается на очень близкие между собой этнические общности эрзя и мокша. Как самоназвание *мордва* современными мордвинами не употребляется. Тем не менее можно предполагать, что этноним *мордва* (по-видимому, в несколько ином фонетическом оформлении) был в составе самоназваний *эрзи* и *мокши*. Это подтверждается тем, что, во-первых, этноним *мордва* зафиксирован в исторических документах очень рано (VI, X и XIII вв.). Во-вторых, сами эрзя и мокша не относятся с отчуждением к этнониму *мордва*. В-третьих, что кажется наиболее существенным, имеются этнонимы общего корня у других родственных народов: *уд-мурт* и *коми (морт)*, что исключает возможность возникновения имени *мордва* как прозвища или ненационального названия. А так как и этнонимы *эрзя* и *мокша* достаточно древние, то мы с достаточной вероятностью можем полагать, что эрзя и мокша в древности называли себя *эрзя морт* и *мокша морт* (Мокшин 1971:287). Возможно, раньше были и другие этнические общности со вторым компонентом этнонима на *морт*. У эрзи и мокши компонент *морт* вышел из состава самоназвания, что кажется вполне естественным, так как это слово не было собственно племенным названием. А то, что в русском языке остался в употреблении компонент *морт* «муж» с добавлением суффикса мн. числа *-ва*, вполне понятно (Гордеев 1967:192). Вероятно, русские (и не только русские, возможно, и сарматы) обратили внимание на повторение слова *морт* при этнонимах и объединили под этим названием мордовские племена.

Таким образом, этноним *мордва (морт)* не являлся самоназванием в полном смысле этого слова, а был словом, обозначающим «муж» (в значении «человек») при этнонимах эрзя и мокша (ср. *русский человек> русский)*. Самоназвания народов племен, образованные по модели: племенное название+человек [муж] были

широко распространены в Восточной Европе и западной части Азии (Гордеев 1968:12). Коми также иногда называют себя *коми морт*. У удмуртов самоназвание легко делится на два компонента: *удмурт уд+мурт* (<*од+морт*).

Напрашивается вывод: у финно-угров Волго-Камья самоназвания строились по схеме: собственно название племени (этноса)+человек, точнее: муж. Из всех сохранившихся финно-угорских народов Волго-Камья только у мари сохранился и стал этнонимом второй компонент самоназвания. Но элемент *мари* в древности не мог быть племенным названием марийцев. На это указывает несоответствие близости этнонимов *мордва — уд-мурт — мари* с языковой близостью их носителей. Мари более близкородственны мордве, чем удмуртам, но этнонимы *мордва* и *удмурт* более созвучны между собой, чем с мари. То, что мари раньше называли удмуртов *одомарий*, а чувашей — *суасламары*, также указывает на то, что слово *мари* у древних марийцев (как и у древних эрзи, мокши, коми и т. д.) было лишь словом при этнонимах. Но сказать «татар марий» или «руш марий» по-марийски невозможно (Иванов 1978: 47). Видимо, этнонимы *суасла мары* и *одо марий* сохранили древнюю форму благодаря значительной культурной близости чувашей, мари и удмуртов. Кроме того, возможно, этноним *суасла мары* указывает на участие древних мари в этногенезе северных чувашей-вирьялов.

Этноним же *одо марий* в настоящее время вытеснен названиями *одо* и *удмурт*. Слово *марий* употребляется в современном марийском языке в двух значениях 1. национальность мари: «мариец, марийка» и 2. «мужчина-мариец». В значении же «мужчина» чаще всего употребляется слово *пӧръен*.

К началу XX в. мари сами себя часто называли *ош* («белый») *марий, чи марий*. Слово *чи, чий* К. А. Четкарев связывает с *ший* «серебро, серебряный» (Четкарев 1953:118). Но, хотя слово *ший* как эпитет весьма распространено в марийском фольклоре, более вероятной представляется этимологизация Ф. И. Гордеева, *чи* или *чий*<*чын* (Гордеев 1964:210). Ср.: *чи каче*—незапятнанный жених (сернурск. говор). Названия *ош марий* и *чи марий*, по всей вероятности, появились в

ходе борьбы марийского язычества с исламом, а затем и с наступающим официальным православием царской России. Мари и сейчас называют себя *ончыл марий* «передние» и *шенгел марий* «задние мари» — относительно г. Казани. Все эти названия не воспринимаются марийцами в качестве племенных названий.

Кроме того, у мари очень распространены самоназвания по модели: географическое название (район, бассейн какой-либо реки, деревня)+марий. Например: *кук марий, эрвел марий, олык марий, курык марий, шернур марий, морко марий, элнеттӱр марий, петнур марий* и т. д. Такую модель обычно переводят как мариец такого-то района или диалекта, мариец такого-то говора, мариец такой-то местности, мариец такой-то деревни. Но следует заметить, что слово *марий* во всех этих случаях может иметь не только признак национальности, но и половозрастной. Так, про женщину или девочку деревни Варале нельзя сказать *варале марий*, необходимо сказать *варале вате* или *варале ӱдыр*, а при необходимости подчеркнуть национальность мари: *варале марий вате* или *варале марий ӱдыр*. Но в сочетаниях *курык марий, олык марий, эрвел марий* половозрастной признак часто полностью отсутствует: так можно сказать и про мужчин, и про женщин, и про детей обоего пола. Половозрастной признак в слове *марий* может и присутствовать, и не присутствовать, признак же национальности никогда не исчезает. Это показывает, что этнический признак у слова *марий* постепенно усиливался, а половозрастной — соответственно уменьшался.

Причиной перехода самоназвания этнической общности на постоянно употреблявшееся рядом слово *марий*, как нам кажется, мог быть раскол и последующее обособление марийской этнической общности на земляческие объединения. Возможно, слово *марий* начало получать признак этнонима уже многие столетия тому назад.

В марийском языке нет слов, фонетически и по смыслу близких к этнониму *шемер*, кроме мужского имени *Самар*. Но, кажется, нет достаточных оснований для их сближения.

Если обратиться к материалам близкородственных языков, то со словом *шемер* с известной осторожностью

можно сближать этноним *мещера*. Этимологизация слова *мещера*<*месь*+*чера*, где *месь* (или *мось*) — этноним, а *чера* (или *чора*) — «муж, человек, парень» (Иванов 1978:47, 48; Гордеев 1968:22, 23), хорошо объясняет появление *щ*<*сь*+*ч* в русском языке. Не исключена возможность сближения русского слова *пращур* со словами *чера (чора, чур, цора)*.

Как известно, удмурты и сейчас называют марийцев этнонимом *пор*. А род манси состоит из двух супружеских фратрий: *пор* и *мось* или *монсь* (Тепляшина 1967: 263). Но трудно согласиться с мнением Т. И. Тепляшиной, считающей, что удмурты в древности могли называть всех людей не своего племени этнонимом *пор* (Там же). Вряд ли предки удмуртов путали марийцев и манси. Ведь в удмуртском языке сохранился древний этноним *бигер* (булгар) — «татарин». Кроме того, мари жили к западу от удмуртов, а предки манси — к северо-востоку. Кажется, трудно называть два соседних народа, живущих в противоположных направлениях, одним и тем же этнонимом. Кроме всего этого, на территории Удмуртии имеются топонимы не только на *пор* (пос. Пурга и т. д.), но и на *мось*, например, город и село *Можга*.

Нам кажется, удмурты вовсе не случайно называли мари этнонимом *пор*. Возможно, по местам обитания предков удмуртов и мари прошла мощная угорская волна по направлению с северо-востока на юго-запад, дошедшая до Мещерского края. В марийском языке имеется слово *пӧръен*, где *ен* означает «человек». Ср. венг. *pór* «крестьянин». Об этнониме *пор* Ф. И. Гордеев говорит, что «*-пор*» неясного происхождения» и указывает на возможность его этимологизации из иранских языков: из этнонимов *парт, парс* (Гордеев 1968:20). Этноним *пор*, кажется, действительно индоевропейского происхождения, ср. литов. *výras* «мужчина», латышск. *vīrs* «муж, мужчина».

Этноним *мось* можно сближать, кроме *месь (монсь)*+*чера, чере*+*мись (мось)*, и с этнонимом *мокша* (в древних памятниках *моксель*). Об угорской подоснове материальной культуры мари и мокши в какой-то мере говорит Т. А. Крюкова (Крюкова 1967:124). Кажется, мы можем говорить об участии угров в этногенезе ма-

ри, мещеры, мордвы-мокши, удмуртов и, возможно, других народов Волго-Камья.

Поражает близость этнонимов *месь чера* «мещера» и *чера месь* (*черемись* — в ранних русских исторических документах представлена такая форма). Возникает подозрение: а не являются ли они вариантами одного и того же этнонима? Имеется принятая многими лингвистами этимологизация *черемис*<*чере* (название племени)+*мис* (фин. *миэс* «мужчина», эст. *мээс* «мужчина»). При этом не учитывается факт полного отсутствия следов существования слова *мис* «мужчина» в языках финно-угров Волго-Камья. Поэтому нам кажется более вероятной перестановка двух компонентов одного этнонима *мось чера*. Такая перестановка не является невозможной, так как она наблюдается и в марийском языке, например: *кайык комбо*||*комбо кайык* «дикий гусь», *кайык лудо*||*лудо кайык* (калтас. гов.), *пижгом*||*ком пиж* (елаб. гов.). Кроме того, надо учесть, что в XIII—XVI вв. шел процесс ассимиляции мещерского племени. А почти обрусевшая часть мещеры могла некоторое время называть себя *чера месь* (или *мось*), что соответствует порядку слов в русском языке в таких случаях: *чера мось* «народ мось». Ср.: страна Суоми, земля Северный Рейн-Вестфалия, Республика Коми и т. д.

То, что этноним *черемись* первоначально относился к мещере (или же к ее обособленной группе), подтверждается многими обстоятельствами:

1) первые русские летописцы в своих сообщениях не указывали на факт существования мещеры, хотя мещера не была очень маленьким народом и географически была расположена намного ближе к массе русского населения, чем предки мари; 2) поэтому русские должны были знать мещеру гораздо лучше, чем предков мари; 3) в исторических документах местного характера мещеру неоднократно называли «черемисой» и «новокрещеной луговой черемисой» (Кирьянов 1971: 150); 4) мари никогда не называли себя «черемисой» и чуждались этого названия; 5) в марийском языке и фольклоре нет следов существования этого имени.

По всей видимости, этноним *черемись* был перенесен на предков мари извне, во всяком случае, он мог быть самоназванием финно-угорского племени, находящего-

ся к западу или к юго-западу от предков мари. Не случайно он закрепился за марийцами в тот период, когда мещера и меря уже почти исчезли как этнос, хотя, вероятно, еще долго существовали как особые этнографические группы русских. До этого «черемисой» называли и чувашей, хотя возможно, что северные чуваши еще сохраняли свой финно-угорский язык.

Из истории известно, что очень многие народы, кроме национального названия, имели этнонимы, не имеющие ничего общего с их самоназваниями. Например, поляков часто называли литовцами, северокавказцев (не только тюркоязычных) — татарами, чувашей и сейчас очень многие (не специалисты) считают финно-уграми, а многие малые народы Сибири не имели официального самоназвания. Но поляки и литовцы в глазах более восточных народов и сейчас кажутся людьми одинаковой культуры, их речь кажется близкой по произношению, у них как будто очень сходная манера держаться, они, в отличие от русских, католики и так далее. Русские сравнительно хорошо знали казанских татар и не могли не замечать различий между татарами и кавказцами. Но бросалось, видимо, в глаза и много общего в них: религия и соответственно ей поведение, нам и сейчас кажется, что у мусульман различных наций много общего в культуре, в поведении и в морали, имеется какая-то близость языка: имена в основном арабского происхождения, в речи употребляемые весьма часто. Хотя до революции почти все этнонимы Сибири не отражали самоназваний, все же трудно представить, чтобы русские первопроходцы начинали выдумывать впервые встреченным народам имена или прозвища. Даже пренебрежительное название евреев, в прошлом весьма распространенное в России,— *жид*—трудно оторвать от слов *йидиш, йуде*. Первоначально оно было нейтральным. Кажется, что этнонимы-прозвища, возникшие для подчеркивания пренебрежения, редко могли получать широкое распространение. Чаще всего оттенок пренебрежительности вкладывался в эмоционально нейтральный этноним. Можно утверждать, что этноним *черемис* вначале был нейтральным словом.

Но то обстоятельство, что мари получили этноним *черемис* от другого народа, может указывать на то, что эти два народа могли быть весьма близкими по куль-

туре и по языку. Нам кажется, что в походах русских на Казань мещера не могла не участвовать, следовательно, русские вместе с мещерцами (отдельные села мещеры сохраняли свои этнические особенности, как показывают исторические документы, вплоть до XVII в.) проходили по земле мари. Русские с помощью еще необрусевшей мещеры могли получить надежные сведения о мари и о других народах Волго-Камья. В этом регионе этнических общностей не так уж много, чтобы что-то напутать. К тому же трудно сомневаться в коллективном разуме и памяти больших групп населения. Высказывалось мнение, что для русских черемиса была лишь собирательным названием нерусских или же собирательным названием восточных финно-угров. Но мордву никогда не называли черемисой. Правда, имеются единичные случаи, когда удмуртов в документах называли черемисой. Но тот факт, что такие случаи были единичными, указывает на то, что недостаточность сведений о названиях народностей Волго-Камья вскоре была исправлена. Удмурты получили в дореволюционной России официальное название *вотяки,* что, по всей вероятности, является искажением марийского названия удмуртов *одо,* которое, вероятно, отражает древнее состояние самоназвания *уд(мурт).*

Но можно ли на основании вероятной близости предков мари и мещеры сближать также этнонимы *мещера* и *шемер?* Кажется, нет достаточно веских оснований для отрицания близости этнонимов *шемер—мещера—мадьяр (мод'ор) — мокша — черемис.* Близок к ним, по всей видимости, и татарский этноним *мишари* или *мишәр,* что с большой долей вероятности свидетельствует об участии угров в этногенезе татар-мишарей.

Этноним *шемер* отличается от группы этнонимов типа *мещера* лишь (переставленным) порядком двух первых слогов. В марийском языке имеется значительное количество слов, где звуки или слоги переставлены, например: *умша‖шума* «рот», *нӧртмӧ‖мӧртньӧ, чукай‖ачук* «миленький» в говорах Башкирии и т. д. Конечно, самоназвание племени является одним из признаков этнической общности, а они, как известно, стойко сохранялись. Но нужно учесть, что слово *шемер* было почти забытым словом, что указывает на то, что

оно уже многие столетия не было самоназванием для большинства мари, а к началу XX в. было уже почти забытым словом. Этимологизация же из иранских языков (из скифо-сарматского) вызывает сомнения: порядок слов в древнеиранском языке в подобных случаях был другой (изафетная конструкция), чистое заимствование (без крупных включений иноэтнических групп) самоназвания племени очень маловероятно. Нам кажется, что более вероятным является сближение этнонима *шемер* с этнонимом *мещера*.

ЛИТЕРАТУРА

Гордеев Ф. И. 1964, К истории этнонима «черемис».— В кн.: Вопросы диалектологии и истории марийского языка. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1968, О происхождении тюркских этнонимов.— В кн.: Вопросы марийского языкознания. Вып. 2. Йошкар-Ола.

Кирьянов И. А. 1971, Топонимия Волго-Окского междуречья и история его аборигенного населения.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький.

Крюкова Т. А. 1967, Материальная культура марийцев как один из источников решения вопроса об этногенезе.— В кн.: Происхождение марийского народа.

Иванов И. Г. 1978, Еще раз об этнониме «черемис».— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола.

Мокшин Н. Ф. 1971, Этнонимы *мордва, эрзя* и *мокша*.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 2.

Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М. 1976.

Четкарев К. А. 1953, Племенные названия марийцев.— Труды МарНИИ. Вып. 5. Йошкар-Ола.

С. Я. Черных

МАРИЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЭТНОНИМАМИ (ЭТНОАНТРОПОНИМЫ)

Антропонимия имеет важное значение в деле изучения исторического прошлого, культуры и языка каждого народа. Настоящая статья написана на основе документов переписи марийского населения Казанской губернии в XVII и XVIII вв., хранящихся в Центральном Государственном Архиве Древних Актов (г. Москва, ЦГАДА). «Ландратские книги и ревизские сказки», представляющие огромную историческую и научную ценность, дают богатый материал для решения многих проблем из истории и языков народов Среднего Поволжья. Большое значение имеют для нас антропонимы десятков и сотен тысяч марийцев, проливающие свет на сложные жизненные и языковые процессы прошлых веков, в том числе на этнические взаимоотношения народов Поволжья.

Марийский народ на протяжении тысячелетнего исторического пути был в тесном контакте со многими племенами и народами. С глубокой древности его близкими соседями были представители в основном трех языковых групп: финно-угры (мордва, удмурты, меря, мурома), тюрки (булгары, татары, башкиры, чуваши), русские. Каждый из них сыграл определенную роль в этногенезе марийского народа, в становлении и развитии его культуры и языка. Исключительный интерес в этом плане представляют переписные книги XVII и XVIII вв. В них в качестве собственного имени марийцев многократно фигурируют этнонимы соседних племен и народов, что свидетельствует о сложных этнических процессах в прошлом среди марийского народа и его соседей в Среднем Поволжье.

О происхождении этнонима марийского народа писали как отечественные, так и зарубежные исследователи. Их высказывания и мнения подытожены и углублены в трудах советских исследователей последних лет: этноним *мари* (с фонетическими вариантами в луговом наречии *марий, маре,* в горном наречии *мары*) тесно связан с самоназванием этого народа и издавна воплощал в марийском языке значение «человек, муж, мужчина», «люди, принадлежащие к народности мари» (Основы 1976:3, 4; Гордеев 1964: 63—65). Его образование относится к I тысячелетию до нашей эры, когда предки современных мари и других финно-угров имели связь с ираноязычными племенами.

В подтверждение вышесказанного весьма показательно то, что слово *мари,* ставшее в определенный исторический период этнонимом целого народа, с древних времен употреблялось в качестве личного имени марийцев. Так, в переписи 1678 г. по Галицкой дороге (ЦГАДА, ф. 1209, МАМЮ, оп. 1, ед. хр. 6447) записаны антропонимы *Марычка, Марычко, Марик, Марис.* Они даны, как, впрочем, и другие личные имена, в уменьшительной форме, т. е. с суффиксами *-ычка, -ычко,* характерными в то время для записи простых, «смертных» людей, а также в ласкательной форме на *-ик, -ис.* В бессуффиксной форме это имя встречается в переписи 1747 г. в Козьмодемьянском уезде, где упомянут Мари Янахматов, т. е. *Мари,* сын Янахмата, живший в деревне Шалдыкове (ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 1421).

Однако марийский народ в прошлом был известен своим близким и далеким соседям не своим самоназванием, а под совершенно другими этнонимами. В старинных письменных источниках (арабских, тюркских, древнерусских) марийцы упоминаются как *черемисы, цармисы.* У татар они были известны как *чирмыш,* у чуваш как *çармăç,* а у удмуртов как *пор.* Наиболее известным и распространенным этнонимом был *черемис,* который встречается уже с XI в. в «Повести временных лет», а затем твердо вошел во все последующие русские летописи, в дореволюционную историческую и научную литературу.

О происхождении термина черемис также немало толкований среди исследователей. Наиболее убедитель-

ным и близким к истине, как нам представляется, является предположение И. Г. Иванова (Иванов 1978: 44—48). Он считает, что слово черемис возникло среди финноязычных народов еще в древнейшую эпоху. Оно состоит из двух компонентов: *чере* (предположительно со значением 'человек, мужчина'; возможно, что это было и самоназвание какого-то марийского племени, полагает автор)+*mees, mies* (прибалтийско-финское слово 'человек'). Став этнонимом марийцев среди финноязычных племен, оно затем перешло к соседним народам, к славянам и тюркам.

Присоединяясь к мнению исследователя, в данной статье мы хотим конкретно и документально подтвердить, что не только среди других финно-угорских племен, но и в древнемарийском языке действительно бытовало слово *чере*, как предполагает И. Г. Иванов. Более того, у древних мари был род *чере*. Так, в переписях XVIII в. по Алацкой дороге, например, в ревизских сказках 1722—1727 гг. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 2 (ч. 1), ед. хр. 1132, лл. 35—40), три раза записаны марийские волости под одним и тем же названием *«Волости Черенур черея»* (с указанием количества мужчин и их личных имен). Две из них входили в «Еманаковы сотни Еманова», а третья (вместе «с волостью по Немде речке, с деревней Оду беляк с починками») входила в «Афонкины сотни Апаева». В некоторых документах встречаются записи в варианте «Волости Черенур череязь».

Рассмотрим более подробно эти странные топонимические названия *Черенур* и *Черенур черея*. Первый топоним *Черенур*, включающий две лексические единицы *чере+нур* 'поле', выражает понятие: участок земли (поля), принадлежащий его владельцу — первопоселенцу *Черею*. Именем Черея и его рода был назван населенный пункт (вероятно, современный Большой Чарнур Куженерского района). В выражении «В волости Черенур черея...» (как это записано в документе переписи) ясно видно, что Черей имел непосредственное отношение не только к основанной им деревне, но и к относительно обширной территории, впоследствии разделенной при русском царе на три волости.

В связи с этим уместно вспомнить тот факт, что в XVI в. и позже в Царевококшайском уезде была Ма-

мич-Бердеева волость, названная именем марийского сотника Мамич-Бердея. В XVIII в. в Козьмодемьянском уезде отдельной административной единицей была Акпарсова сотня, включавшая около 30 деревень (Там же, оп. 1, ед. хр. 192 (1717 г.), лл. 1—806). Она была названа именем национального героя марийского народа сотника Акпарса, под руководством которого произошло присоединение Марийского края к России в середине XVI в. Хотя исторический и реальный сотник и он марийцев Акпарс жил в эпоху Ивана Грозного, сотня, которой он некогда правил, продолжала называться по традиции Акпарсовой вплоть до 2 половины XVIII в. Очевидно так получилось и с одним из видных онов (руководителей, вождей) луговых мари Череем, в честь которого были названы марийские волости, территории и люди которых некогда подчинялись его власти и воле.

Но нас прежде всего интересует древнее слово *чере*. Его следы сохранились не только в вышеназванной топонимике, но также в многочисленных антропонимах типа *чора, чура*. Это исконно марийское слово некогда выражало понятие 'мальчик, подросток'.

Последующую фонетическую трансформацию антропонима *чере* можно представить в следующей форме: *чере, чера, чора, чура*. Марийская антропонимия необыкновенно богата именами с компонентами *чора, цора*. Ими пестрят все переписные документы до середины XVIII в.

К ним относятся имена луговых мари: Чора, Чорай, Чорбай, Чорак, Чоран, Чораней, Чораш, Чорабаш, Чорагай, Чоракай, Чоразей, Чорапай, Чорка, Чормак, Чорпай, Чорагоза, Чорашка, Чура, Чурай, Чуразик, Чурам, Чурашка, Ешчора, Ошчора, Ошчюрка, Шемчура и горных мари: Цора, Цора батыр, Цорадаш, Цорай, Цорак, Цоракай, Цоракан, Цораки, Цорама, Цоран, Цоранбай, Цорандай, Цорандей, Цораней, Цоранрака, Цорантай, Цоранцей, Цорапай, Цоратай, Цоратей, Цорати, Цораш, Ешцора, Изицора, Ошцора. Все вышеуказанные имена выражали понятие 'мальчик, молодой человек', но с разными оттенками в сложных именах, например, типа *ошчора (ош* 'белый'+*чора* 'мальчик').

Ясно одно: слово *черемис* такого же древнего, до-

исторического происхождения, как и *мари*. Так же, как это было с этнонимом мари, который с древних пор употреблялся в качестве антропонима, в далеком прошлом и в памятные исторические времена многие марийцы носили личные имена, основанные на этнониме черемис или являющиеся его вариантами. В переписных документах луговых мари они фигурируют в формах *Чермыш, Чормыш,* а у горных мари в виде *Цермыш, Цырмыш, Цормыс.*

Так, в указанной переписи 1678 г. по Галицкой дороге «в волости по речке Малой Кордем Кужуморе» записан *Чермышка* Алпаев, т. е. *Чермыш,* сын Алпая. Затем это имя несколько раз фигурирует при записи других лиц. Классическим примером является *Цормыс Черемисов,* т. е. *Цормыс,* сын *Черемиса;* который отмечен в книге выбывших Козьмодемьянского уезда, он жил в деревне Шалдыково и умер в 1723 г. в возрасте 102 лет (Там же, оп. 2, ед. хр. 1433 (1747 г.), л. 225).

В переписи 1747 г. (Там же, ед. хр. 1421, лл. 1—1011) в том же уезде зафиксированы *Цермыш, Чермыш* Семикаев. В 1762 г. записан другой «Чермыш, а по крещении Фома». В Горномарийском районе есть деревня Чермышево, названная по антропониму Чермыш. По одному разу нам встретились антропонимы *Чермас, Чермат.*

Профессор В. В. Мавродин указывает, что уже в глубокой древности финно-угорские и славянские племена соседствовали друг с другом (Мавродин 1978:29). Контакты марийцев с русскими, о которых нам немало интересного сообщают русские летописи, особенно усилились и углубились в результате добровольного присоединения Марийского края к Русскому государству. Они приобрели постоянный и многообразный характер после того, как среди мари стали поселяться русские крестьяне, многие из которых были беглыми, скрывшимися от тяжестей крепостного гнета из центральных уездов и губерний. Не случайно то, что еще в XVII столетии среди мари бытует антропоним, связанный с этнонимом русского народа, возникший, возможно, еще в предыдущие века.

Марийцы называют русских людей словом *руш,* что точно соответствует значению *русский.* На его основе сложились собственные имена *Руш, Рушинга, Русенга,*

Русинга (-енга, -инга—суффиксы). В переписных документах наиболее часто встречается антропоним *Русак*, который, очевидно, в ряде случаев является формой записи этих имен в восприятии и записи русского переписчика. В связи с тем, что в разговоре звук *ш* легко переходт в *с*, на этой основе возникли новые звучные имена с корнем *рус: Русай, Русан, Русек, Русен, Русеп, Русий, Рускин*. Некоторые из них в прошлом широко бытовали среди мари (например, Русий). Все они первоначально выражали в себе понятие 'мариец на русский лад', 'мариец русского происхождения', впоследствии утратив свое изначальное значение в связи с изменением их формы и звучания.

В свете вышесказанного понятно происхождение названия деревни *Рушродо* в нынешнем Моркинском районе, основателем которой был мариец по прозвищу (имени) *Руш*, хотя там нет никаких русских. Слово *родо*, тесно слитое с ним, ныне употребляется в марийском языке в значении 'родственник', подчеркивает близкие или далекие родственные узы определенного круга людей. В древнюю эпоху его смысл был более конкретным, более узким, обозначавшим принадлежность к одному роду, ведущему начало от одного предка, к одной кровно-родственной семье. Эта идея воплощена прежде всего в вышеуказанном топониме, связанном с антропонимом.

Древнейшая история марийского народа тесно связана с историей других финно-угорских племен и народностей, которые были аборигенами огромной территории от побережья Финского залива до лесостепной полосы правобережья Волги. В «Повести временных лет», составленной монахом Киево-Печерского монастыря Нестором около 1113 г., все они названы данниками Руси. В их числе упоминаются чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, корсь и некоторые другие (Повесть временных лет 1950:13, 209—210). Никоновская летопись прибавляет мещеру, выделяя ее в особое племя (ПСРЛ IX:8). Земли, заселенные многими этими племенами (весью, мерей, муромой, мещерой), были колонизированы восточными славянами уже к концу I тысячелетия н. э., которые впоследствии полностью ассимилировали их.

Обитая в Среднем Поволжье, в бассейнах рек Вет-

луга и Вятка, а также в районе Нижней Оки и Суры, древние марийцы вступали в контакты со многими родственными племенами и народностями. Об этом свидетельствуют древние марийские антропонимы.

Многих ученых привлекала «мерянская проблема», всплывшая еще в прошлом веке, в тесной связи с которой стали рассматриваться и вопросы истории марийцев. Основанием для этого послужило созвучие их этнонимов. По этой сложной проблеме ученые высказывали противоположные мнения: одни отождествляли мари с мерей, другие полностью отрицали связь материальной культуры меря с культурой мари. Оказалось, что обе эти крайние точки зрения не соответствуют действительности. Много нового, свежего и интересного дали в этом отношении материалы научной сессии по этногенезу марийского народа (Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967).

Член-корреспондент АН СССР Б. А. Серебренников утверждал о возможности контактов древних марийцев с мерей, муромой и древним волго-окским населением. Он подчеркивал, что остатки мерянской топонимики и гидронимики обнаруживают некоторые общие черты с марийской топонимикой и гидронимикой (Серебренников 1965:10). Это говорит о том, что мерянский язык во многом был близок к марийскому языку.

В. Ф. Генинг на основе изучения археологических материалов IX—XI вв. пришел к выводу о родственности ростовской и костромской мери, муромы и марийцев. Эти родственные группы он называет мерянской этнической общностью, происхождение которой им увязывается с восточным вариантом дьяковской культуры (Генинг 1967·52—70).

Е. И. Горюнова, исследовавшая проблему «меря и мари», говорила о том, что в материальной культуре и идеологии костромской мери есть черты, роднящие ее с ветлужской группой мари (Горюнова 1967:70—78).

Дополнительный интересный материал для выяснения взаимоотношений меря и мари дают нам марийские легенды и предания (Тошто марий ой-влак 1972: 215), в которых рассказывается о родственном, близком и соседнем марийцам племени *мере,* об их жизни, быте, верованиях. В слове *мере* в них нетрудно узнать этноним исчезнувшего племени меря.

Наиболее содержательной и поэтической из них является легенда «Мере сражаются с шайтаном» («Мере-влак шайтан дене кредалыт») (Там же: 76—77). Здесь мы узнаем, что мере жили в лесу около рек; озер. Они выращивали зерновые культуры на своих клочках земли, охотились на диких зверей. Занимались также коневодством. Основными оружиями их были лук, стрелы и топор. Мере имели своих богатырей, которые искали повод померяться силой с противником. Любимым украшением женщин были серебряные монеты, звучно гремящие на их одеждах. Будучи язычниками, мере молились и приносили жертвы шайтану-керемету, прося лучшей доли и избавления от многих бед и болезней, от которых издавна страдали. Однако шайтан, обитавший рядом и постоянно сопровождавший их везде и всюду, был неумолим, жесток и коварен. Обозленные мере однажды в дремучем лесу вступили с ним в решительное сражение. Сеча была злой, ужасной. Летели стрелы из луков, как птицы, но они поражали не шайтана, а почему-то самих мере... Многих славных воинов лишились они к вечеру в этот черный день. Слезы женщин, потерявших близких, смешались с кровью погибших и потекли ручьем. Мать земли, видя такое великое горе мере, не вынесла этого и провалилась сквозь Землю. И на этом месте образовалось огромное озеро. Как бесконечно несчастна доля мере, точно так же неизмерима глубина этого водоема, вода которого была черной, смешавшей кровь погибших, и чистой, как слезы меренских женщин. Оставшиеся в живых мере после этого перестали чтить и уважать шайтана, который от позора вскоре скрылся на дне озера и остался там на вечное жительство. Шайтан лишился своего прежнего могущества и только иногда в порыве гнева мутил воду озера, волны которого пенились и струей фонтана рвались вверх, к небу.

В этой легенде отражены многие подробности и особенности из жизни меря. Не случайно то обстоятельство, что она сложилась и записана среди мари нынешней Кировской области, пограничной с Костромской, аборигенами которой была часть меря. В древности здесь обитали также рядом марийцы, хорошо знавшие о радостях и горестях своих соседей и рассказавшие о них своим потомкам.

Меря в основном были ассимилированы русскими уже в XII в., однако отдельные их островки, т. н. «мерские станы» сохранились на территории Костромского Поволжья еще в XVI—XVII вв. (См. указ. раб. Горюновой Е. И.). Можно предположить, что некоторая часть меря слилась и с марийцами, т. к. антропоним *Мере* в различных своих вариантах прочно бытовал среди марийского населения главным образом Галицкой дороги в XVII и XVIII вв., а проник он, конечно, гораздо раньше. На основе этого имени получили развитие другие личные имена с компонентом *мер, мере: Мерей, Меренча, Мерес, Мереш, Мерешка, Мерзон, Меркей, Мерлукей, Мерон, Мерсит.* Они встречаются и в Козьмодемьянском уезде. В первоначальной своей форме они несомненно употреблялись со значением «мариец мерянского происхождения», были прозвищами. Думается, трансформацией имени Мерсит является антропоним *Мырсит,* неоднократно встречающийся в документах.

Родственное древним марийцам племя мурома жило в IX—XII вв. по нижнему течению реки Оки и в районе нынешнего города Муром. Оно, как и меря, имело свой язык, свои этнические и племенные особенности. Растворившись, подобно мере, в основном среди русских, а может быть и среди других родственных племен, мурома оставила о себе память потомкам в названии одноименного города, ныне расположенного в Горьковской области.

Некоторые ученые считают, что мурома и мари связаны общим происхождением от городецких племен раннего железного века. Этноним *мурома* состоит из двух компонентов: *муро+ма* ф.-у. «земля племени муро».

Среди древних мари были широко распространены атропонимы, основанные на этнониме этого соседнего племени. Это является дополнительным конкретным материалом в пользу мнения исследователей о том, что оба племени в древности поддерживали устойчивые, тесные связи между собой (антропоним *Муро* встречается в легендах). Переписные книги сохранили нам богатый набор личных марийских имен с компонентами *мур, муро, мура* в значительно большем количестве, чем это было с именами типа *мере.* Так, антропоним

Мурай записан в переписи марийского населения Арской дороги Казанской губернии в 1748 г. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 1140). Среди мари Алацкой дороги Казанского уезда мы встретили несколько таких имен: *Мураш, Муршат,* записанных в том же году (Там же, оп. 2, ед. хр. 1136). А в Царевококшайском уезде в переписи 1747 г. были имена *Мурасан, Мурти* (Там же, ед. хр. 3989).

Однако подобного типа антропонимы широко бытовали прежде всего среди горных мари, в Козьмодемьянском уезде. И это не случайно. Будучи ближайшими соседями муромы, они в древности были более тесно связаны с ней, чем луговые мари, и это получило отражение в их антропонимии, передающей нам эти особенности их исторической жизни в эпоху раннего средневековья. Компоненты *мур, муро, мура* содержат имена горных мари *Мура, Мурай, Мурадяк, Мурак, Мурас, Мурика, Муримей, Муроска, Мурсет, Мурсит, Мурсике, Мурсут, Мурской, Мурсучка, Мурулький, Мурцышка, Мурша, Муршак, Мурыкай, Мурышка, Мурыка* (Там же, оп. 2, ед. хр. 1421). Первоначально подобные имена возникли со значением «мариец, происходящий из племени муро», они были прозвищами, связанными с теми или иными событиями в жизни конкретных людей. Однако, бытуя в широком масштабе, впоследствии стали употребляться как личные имена, утратив исходный смысл.

Следует отметить, что при выявлении этимологии подобных имен есть одна трудность: в древнюю эпоху слово *мура* употреблялось и в значении 'каменная стена' (отсюда тюркский антропоним *Муралей* 'мастер каменного дела' (Веселовский 1974:208).

Некоторые сложные марийские антропонимы с компонентом *мур* содержат тюркские элементы, которые могли явиться более поздним наслоением, возникли в другую историческую эпоху. Например, *Мурбай* возник, очевидно, путем слияния двух слов: *мур(о)+бай* 'богач'. Компонент *мур* образовался вследствие выпадения гласного *о* между двумя согласными. Некоторые подобные имена с корнем *мура* могли иметь у других народов иное значение: *Мур(а)+бай* 'крепкий человек, как каменная стена'.

Пробным камнем для проверки их значения, этимологии является историческая жизнь самого народа. Марийцы, живущие издревле в глухом лесу, плохо были знакомы со строительством «каменных стен». Слово *мура* в этом смысле в их языке не бытует. Кроме того, имена с компонентом *Мура,* имевшие прямое отношение к племени *мурома,* бытовали в эпоху средневековья и среди русских. Например, фамилия *Мурашкин* Иван, крестьянин, 1606 г., Арзамас, не случайно возникла на муромской земле (Веселовский 1974:208). Она образовалась на основе прозвища *Мурашка,* весьма напоминающего марийский антропоним *Мурышка.* Употребленные в уменьшительно-ласкательной форме, оба эти имени первоначально указывали, очевидно, на происхождение этих людей из племени *муро, мура (мурома),* а фамилия Мурашкин уже только отдаленно напоминает об этом. Более того, не искушенный в языке, в антропонимии человек может считать, что она возникла на основе слова «мурашки». Вышеуказанные антропонимы, идентичные по значению, сходные по звучанию, возникли в далеком прошлом среди разных народов совершенно самостоятельно, но одинаковыми путями: в результате общения русских и марийцев с мурома.

В IX—XII вв. рядом с муромой жила *мещера,* которая впоследствии обрусела или была тюркизирована. Часть ее слилась с родственными финно-угорскими племенами. Живописная Мещерская низменность, расположенная на рязанской земле, получила свое название от этого племени, обитавшего на ее территории. У марийцев в далеком прошлом был род Мешер. Памятью о связи древних марийцев с мещерой являются антропонимы *Мешер* и *Мещер.* В переписной книге за 1678 г. по Галицкой дороге (волость третья Мусмора) (ЦГАДА, ф. 1209, МАМЮ, оп. 1, ед. хр. 6447, лл. 597—605) упоминаются Мишка *Мещерев* и Ерыпейка *Мещерев,* т. е. Мишка и Ерыпей, сыновья *Мещера.* В «Книге переписной выбывших мужского полу г. Царевосанчурска и Царевосанчурского уезда» (1747 г.) (Там же, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 4001, лл. 287) записан *Мешер,* живший в деревне Пинеж и умерший в 1728 г. *Мешер* жил в «новопоселенной деревне Торъялах» по Алацкой дороге Казанского уезда (Там же, ед. хр. 1136, л. 714—

720). В 1748 г. ему было 15 лет, но он имел уже годовалого сына.

В ряде случаев, вероятно, *Мещер* фигурирует в качестве прозвища. Так, *Мещер* Саткин записан в деревне Виловатов враг Аказиной сотни Козьмодемьянского уезда за 1747 г. (Там же, ед. хр. 1421, л. 877). В Царевококшайском уезде в переписи 1762г. (Там же, ед. хр. 3995, л. 17) упоминается «Большеошлинской волости сотник Михаил Матвеев *Мещер* (57 л.)». Тюркизированной угорской мещерой (мящар, можар) называли в прошлом татар-мишарей (мещеряков). Обрусевшую мордву-эрзю именовали русской мещерой (Алексеева 1954; Алексеева, Васильев 1959). Очевидно, эти марийцы были тюрко-мещерского происхождения.

Многие исследователи отмечают факт интенсивного общения древних марийцев с мордвой. Это определило многие черты марийского языка, которому свойственны явления, присущие мордовским языкам. В глубокой древности марийские племена по языку, по религиозным верованиям были наиболее близки к мордве (Серебренников 1967:175; Мокшин 1967:125—129; Грузов 1969:38). Однако вследствие серьезных исторических причин в дальнейшем эти связи нарушились, что получило своеобразное отражение и в антропонимии. Только один раз в Царевосанчурском уезде за 1651 г. нами был обнаружен Янгураш *Мокшин*, т. е. Янгураш, сын *Мокши*. Однако, если учесть, что в прошлом среди мари бытовал антропоним *Мокыш*, который мог быть передан переписчиком в качестве отчества как *Мокшин*, то и вышеприведенный пример может быть взят под сомнение.

И наоборот, в эпоху средневековья среди марийцев получили развитие и распространение антропонимы, связанные с этнонимами пермских народов (удмуртов, коми). И это не случайно. «Этнокультурный контакт древних марийцев и пермичей существовал, фактически не прерываясь, в течение длительного времени»,— пишет проф. К. И, Козлова (Козлова 1978:30). По мнению ученых, этим контактом обусловлены другие важные особенности марийского языка, сближающие его с пермскими (Серебренников 1967:176).

«Повесть временных лет» называет «черемис... пермь, печеру» живущими в «странах полунощных».

Здесь несомненно отмечен тот факт, что древние марийцы вплоть до XIII—XIV вв. обитали и по среднему течению реки Вятки до линии Киров—Котельнич. Исследователи находят их следы в Костромской области. Живя на севере, они могли вступать в контакты не только с мерей, но и с печерой, обитавшей в бассейнах рек Печора и Вычегда.

Печера — один из предков современного народа коми. И действительно, о связи древних марийцев с ней свидетельствуют антропонимы, связанные с этнонимом этого племени: *Пецыра, Печерей, Пецора,* записанные нами среди горных мари, в переписной книге Козьмодемьянского уезда за 1747 г. в деревнях Ср. Шешмарь, Кого Шудермаре и Сидулино (ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 1421).

Областью, где происходили активные экономические и культурные связи древнемарийских и пермских племен, было Прикамье, где они жили в близком соседстве. *Пермяками* в прошлом называли коми-зырян и коми-пермяков. Антропонимы, основанные на этнониме этого финно-угорского племени, в разных вариантах встречаются среди горных и луговых мари. Так, в указанной переписи 1678 г. по Галицкой дороге упоминается *Пермяк(ов).*

Однако в соответствии с особенностями устного произношения на марийском языке слово *пермяк* приобрело форму *пермак.* В таком виде оно стало, например, личным именем марийского юноши *Пермак* в деревне Аказино Аказиной сотни Козьмодемьянского уезда в переписи 1747 г. (Там же, л. 877). На основе этнонима *пермь* образованы записанные в том же уезде личные имена *Пермека, Пермекей, Пермеки, Пермет, Пермиш, Пермыт, Пермыш, Пермышка.* Пермишка жил в волости Бигишня Алацкой дороги по переписной книге 1748 г. (Там же, ед. хр. 1136, л. 673—692). Больше всего подобные антропонимы встречаются среди горных мари.

Антропоним *Пермак* в луговом наречии марийского языка из собственного имени впоследствии стал нарицательным словом, воплотив иное содержание. Прочно войдя в лексику, оно в образной форме стало характеризовать человека с чудаковатым, странным характером, который говорит несуразности, противоречащие

здравому смыслу, действует вопреки логике вещей. Нетрудно объяснить такую эволюцию, изменение смысла слова *пермак* в процессе исторического развития. Оно отражает, с одной стороны, тот факт, что малопонятная речь людей из чужого пермского племени казалась марийцам странной, не соответствующей ясной логике своего родного языка. С другой стороны, оно связано с прекращением контактов между двумя родственными народами из-за важных внешних причин.

Марийский этноним удмуртов *одо, одо мари* идентичен по значению самоназванию этого народа *удмурт:* перм. *уд, од* 'луг, росток'+*мурт, морт* 'человек'. Дореволюционные русские этнонимы удмуртов *вот, вотяк,* по мнению проф. В. И. Лыткина, происходят от марийского *одо, оды,* видоизмененного в русском произношении и правописании на *водь,* откуда получилось *воть, вот* (Лыткин 1954:60—62).

Марийские легенды и предания большое место уделяют удмуртам, их жизни, быту, верованиям, их связи с марийцами («Одо карман», «Марийский юноша Шуэт и красавица Сави из племени одо», «Как произошли курганы» и др.) (Тошто марий ой-влак 1972:120—124). Интересно отметить то обстоятельство, что марийские герои ряда преданий носят имена, основанные на этнониме удмуртов *одо: Одай, Одонька, Одыган.*

Большой интерес представляет предание «О том, как Одыган учил своих сыновей» (Там же: 150—151). Мы узнаем, что основателем деревни Ешпай (в Шурминском районе Кировской области, где оно записано) был марийский род *Одыган.* Он находился в близких связях с местным оном (князем) Штрек, приближенным марийского царька Тӱкан Шур. Антропоним Одыган, если его расшифровать, означает *род одо:* оды+суф.-ган (происходит от тюрк. *дыган* 'кровный род, родственник', а в результате совпадения двух слогов *ды-* один выпал). Иначе говоря, этот древний марийский род происходил из племени одо (удмуртов).

В горномарийской легенде «Одонька патыр» могучий марийский богатырь *Одонька,* который мог убить человека одним ударом кулака, носит имя, связанное с этнонимом *одо*+суф. *-нька* с ласкательным значением.

В ряде легенд и преданий рассказывается о спорах,

состязаниях, порой и столкновениях между марийцами и удмуртами, главным образом, из-за территории, места обитания. Логичны, жизненно достоверны их финалы. Конфликты противоположных сторон обычно разрешаются мирным путем. Если речь идет о земле, где живут современные удмурты, побеждают их богатыри («Как удмуртский богатырь Тутой победил марийского патыра»). И наоборот, в случае, когда тяжба идет из-за территории, где ныне живут марийцы, победителями оказываются они. Марийцы и их богатыри побеждают своих соседей искусной стрельбой из лука по заранее намеченной противниками цели, чтобы избежать потасовки, драки, кровопролития, а также ловкостью, смекалкой в действиях, хитростью.

Эти предания, очевидно, отражают тот исторический период, когда в XIII—XIV вв. после разгрома татаро-монголами Булгарского государства булгары отходили за Каму, тесня марийцев к северо-востоку, а те, оказавшись на территории, занятой удмуртами, теснили их.

В переписных книгах XVIII в. этноним *одо* прочно фигурирует в названии ряда марийских населенных пунктов. Так, в Уржумском уезде в 1722 г. отмечен починок *Одово* (в Биляморской волости), которому тогда было 136 лет. В Сабинской волости была деревня *Одегер* 'река Одо', имевшая к тому времени весьма солидный возраст в 252 года, т. е. она была основана в 1470 г. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 3717. 1722—1727 гг. К книге предпослан географический указатель Уржумского уезда, где указаны возрасты (лета) всех деревень, количество душ в них). По Алацкой дороге Казанского уезда указываются деревни *Оду беляк*, ныне расположенная в Куженерском районе, *Одесола* (на территории Сернурского района). В Яранском уезде в переписи 1747 г. упоминается деревня *Одошнур*.

И ныне можно обнаружить следы былого пребывания удмуртов на территории современной Марийской АССР. В Сернурском районе есть лесной массив, расположенный рядом с деревней Чашкаял. Через него проходит магистральное автомобильное шоссе Йошкар-Ола—Сернур. Местные жители называют этот лес *Мышкар чодра* 'лес Мышкар' в связи с тем, что там берет начало река *Мушка*. Мышкар играл в жизни

древних мари весьма важную роль. Не только тем, что там готовили строительный материал для жилищ, дрова, охотились на диких зверей и птиц, занимались бортничеством, собирали грибы и ягоды, а в случае необходимости он служил хорошим естественным местом защиты от опасностей, каких было много в темную эпоху средневековья. Более того, Мышкар был своего рода укрепленным городищем, на что указывает этимология этого топонима: *Муш* (суф. *-ка* выпал)+*кар* 'городище, крепость'. Именно в таком значении употреблялось слово *кар* в древнюю эпоху в финно-угорских языках (Галкин 1967:206—207). Об этом свидетельствуют и древние марийские слова *карман* 'укрепленная земля' и *кышкар* 'круглое оборонительное сооружение', *каршӱртӧ*.

Между деревнями Регеш и Большая Мушка есть возвышенная местность, которую здешние жители называют *Одо карман* 'укрепленное сооружение удмуртов'. А поблизости от деревни Нурсола расположено другое памятное место: *Камай санга* 'гора Камая'. Старожилы в связи с этими топонимами рассказывают предание о том, как некогда, в седой древности, марийский богатырь Камай и богатырь удмуртов Одо, живя на противоположных концах огромной лощины, вели тяжбу, кому остаться здесь, на жительство. Оба были сильными, и никто из них не хотел уступать. Камай долго думал над тем, как перехитрить противника. Когда Одо однажды пил чай у себя дома за столом, он метко выстрелил из лука и пустил стрелу в направлении жилища Одо-патыра. Стрела пролетела с визгом не только через окно, но и попала на деревянный ковш с чаем, застряв там. Одо-патыр, очень удивленный и пораженный меткостью Камая, испугавшись, что будет сражен им, быстро покинул эти места (Записано автором со слов учителя В. Г. Соколова, уроженца дер. Коклала Сернурского района).

В Сернурском районе есть и другие места, связанные с памятью об удмуртах. Так, на расстоянии полутора километров от деревни Верхний Кугенер расположена роща *Ода-салма*. Рассказывают, что здесь некогда жили одо, с которыми мари вели спор из-за территории. Противники устроили состязание на меткость стрельбы из лука. Одо проиграли его и, рассердив-

шись на марийцев, покинули это место, наглухо закрыв источник рядом с рощей большим ковшом. По мнению местных жителей, отсюда и происходит название этого топонима.

Антропонимы, основанные на компоненте *одо,* в наибольшем количестве нам встретились среди горных мари в Козьмодемьянском уезде, в переписи 1747 г. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 1421, 1747 г., лл. 1—1011). Имея разнообразные формы и варианты, они бытовали во многих деревнях: *Одерек* (в дер. Руткинская), *Одосе* (в дер. Шешмарская, Емангаш тоже), *Одеш* (в дер. Чертаково), *Одешка* (в дер. Шалдыково, в дер. Аказина), *Одигаш* (в дер. Виловатов враг), *Одоси, Одяр* (в дер. Шудермаре), *Одяш* (в дер. Большой Паратмар). Встречаются они и в моделях: *Одик*— бытовал в ласкательном значении, на что указывает суф. *-ик, Одяс* — вариант Одяш, оба имени употреблялись первоначально в смысле *Одаш* 'человек удмуртского происхождения, из племени одо', как, впрочем, все указанные имена подобного типа.

Многие из этих имен возникли еще в эпоху первобытнообщинного родового строя. Например, *Одяр* в древности употреблялось в полной своей модели *Одояр: одо+яр.* Второй компонент его *яр* перс. 'друг, сердечный, близкий человек' мог проникнуть в марийский язык еще в VII—III вв. первого тысячелетия до н. э., когда в Волго-Вятском междуречье обитали ираноязычные племена (Оранский 1963:35), пришедшие сюда из Средней Азии под натиском алтайских племен. Древние марийцы вступали с ними в контакты, результатом которых явилось заимствование многих слов, относящихся к разным сторонам их быта, обычаев, культуры (Гордеев 1967:180—203). Бытовало слово *яр* и у булгар, которые переняли его у ираносарматов.

Именно в те далекие времена, надо думать, проникли в марийский язык антропонимы с компонентом *яр: Алдияр, Одояр, Пахтияр, Шахтияр, Яндияр.* На этой основе возникли новые, более сложные марийские имена, включающие два компонента — марийский и заимствованное *яр.* Например, *Кугуяр:* кугу+яр 'большой друг'; *Кудояр:* кудо (древнее жилище мари)+яр 'домашний, семейный друг'; *Одояр:* одо+яр 'одо (удмурт)+сердечный друг' (марийцев). А первоначальны-

ми формами этих марийских имен в древности были: *Кугу, Кугай, Кугей* (в значении 'самый старший'), *Кудай, Одай.*

Древним марийцам была хорошо знакома и племенная организация удмуртов. «Все удмурты причисляют себя к большому племени *уд,* что в переводе означает 'росток'. Кроме того, они относят себя к двум племенам *калмез* (южные и западные удмурты) и *ватка* (северные удмурты) и нескольким родам» (Бушмакин 1970: 168). Удмуртский богатырь *Кӱлмезь патыр* рисуется в ряде марийских легенд (например, в легенде «Переселение марийцев»), обобщая в себе силу и мощь, разум и чувства племени калмез, предводителем которого он является (Тошто марий ой-влак: 127).

В переписных книгах разных лет немало марийских личных имен, связанных с племенным названием удмуртов *ватка* или напоминающих его. Так, на основе компонента *ват, вот* возникли марийские антропонимы *Вати, Ваткей, Ватрас, Ватуп, Ватык, Вотка.* Вышеуказанное говорит о том, что роль удмуртов в этногенезе марийского народа весьма значительна.

Круг знакомых у древних марийцев был более обширен, чем нам это представлялось до сих пор — он простирался до *чуди.* Еще в конце прошлого века известный историк А. А. Спицын опубликовал две интересные легенды о чуди, которые ныне напечатаны на марийском языке (Спицын 1893:67, Тошто марий ой-влак: 110—111).

Из них мы узнаем немало любопытного о быте, исчезновении со света этого древнего племени, жившего в лесу в землянках и молившегося пням. Оказывается, марийцы называли это племя *чучка, чюкча, чюкша.* «Название древнего племени *чудь* (по крайней мере в Заволочье — *чухари, чукча, чуча*) связано с обозначением глухаря в саамском и других языках Севера»,— сообщает нам Р. А. Агеева (Агеева 1970: 194—203). В связи с этим интересен тот факт, что в переписи 1678 г. по Галицкой дороге фигурирует марийский антропоним *Чюкча,* несомненно связанный с этнонимом чуди. В волости Коркетова, входившей в «Теникейковы сотни Телеткельдина» среди 212 дворов упоминается «двор Досайка *Чюкчина,* т. е. Досая, сына *Чюкчи*» (ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, ед. хр. 6447, лл. 540—554). То-

понимы Чюкша (река, деревня, волость), в прошлом бытовавшие по Алацкой дороге Казанского уезда, несомненно связаны с этнонимом чуди, часть которой, вероятно, слилась с марийцами.

В марийских легендах вообще немало загадочного, не исследованного, не раскрытого до конца. Например, в ряде легенд рассказывается о связи древних мари в далекие доисторические времена с какими-то племенами, названными *тӱтя* («Кугу тӱтя-влак»). Очевидно, на этой основе возникли марийские антропонимы *тутай, тутак, тутек, туткай.* Подобные антропонимы (например, *Тутой*) бытовали и среди древних удмуртов. Некоторые легенды именуют эти племена как *овда.* Сейчас нет возможности дать ясный ответ на то, кто такие были эти *тӱтя,* с которыми наши предки поддерживали таинственные контакты, поражающие воображение. Однако можно предполагать, что это были ирано-сарматские племена, память о которых обросла фантазией в последующие исторические времена.

В течение многих веков судьба древних мари была прочно связана с историей тюркских племен и народов Поволжья.

В эти времена происходят существенные изменения в марийской антропонимии, в которой огромный пласт составляют имена тюркского происхождения. Развитие их связано с тем, что древние марийцы вступали в контакты с кыпчаками (половцами), булгарами, татарами, монголами, чувашами, ногаями и другими. Об этом также наглядно говорят антропонимы, связанные с этнонимами тюркских племен и народов.

Еще в XVII в. среди марийцев бытовал антропоним *копчак,* являющийся вариантом этнонимов тюркских племен *кипчак, кыпчак.* В переписи 1678 г. по Галицкой дороге, в волости Третья Мусмора, входившей в «Матичковы сотни Якунина», среди 182 дворов (12 выморочных дворов, т. е. вымерших поголовно из-за эпидемии чумы) упоминается Ямалка *Копчаков,* т. е. Ямал, сын *Копчака,* «у него сын Богданко». (ЦГАДА, ф. 1209, МАМЮ, оп. 1, ед. хр. 6447, лл. 597—605). Нет сомнения, что этот антропоним в эпоху средневековья бытовал более широко, указывая на кыпчакское происхождение некоторой части марийцев. Контакты древних марийцев с кыпчаками находят отражение не толь-

ко в этом имени, но и в других антропонимах и словах, заимствованных из старокыпчакского языка, которые впоследствии прочно вошли в быт, в основной словарный фонд марийского языка (Курышжанов 1970; Черных 1978: 56—60).

Для древнемарийской антропонимии вообще характерна одна особенность: в ней много личных имен, общих для всех народов Поволжья: татар, мари, чуваш, удмуртов. Они обычно тюркского типа и, думается, унаследованы от булгар, культура и язык которых оказали решающее влияние не только на предков современных татар, чуваш, но и на волжских финно-угров.

Происхождение этнонима *булгар* до конца не выяснено исследователями. По мнению чувашского ученого М. Р. Федотова, который ссылается на авторитет М. Фасмера, слово *булгар* первоначально употреблялось в качестве тюркского племенного названия. Оно образовалось от древнетюркского *булуар* 'человек смешанного происхождения, метис', что происходит от *булуамак* 'мешать' (Федотов 1968:17). Затем оно утвердилось в качестве этнонима союза тюркских племен, в котором главенствующую роль играли буляры>бӱлгары.

В связи с вышеуказанным этнонимом уместно сопоставить и выяснить происхождение древнемарийского этнического названия *билямарий,* которое получило отражение в топонимике, в названиях ряда одноименных деревень. Оно включает два компонента: *биля+марий.* Первый из них весьма напоминает этноним тюркского племени буляр>булгар, где согласный *«р»* выпал вследствие того, что есть в следующем слове (марий), а *буляр* стало в разговорной речи *биля(р).*

Однако современные марийцы называют это слово *пыламарий,* что можно объяснить следующим образом. Вследствие того, что в марийском языке звук *«б»* в начале слова не встречается и переходит в *«п»,* а *«я»* — в *«а»,* слово *билямарий* приняло форму *пиламарий* (употреблялось так в XVIII в.)>*пыламарий,* но их древней моделью было *пуламарий* от *буля(р) марий.* Несомненно, данное выражение в древности употреблялось в конкретном значении: «Марийцы, которые пришли со стороны, с земли буляр — булгар», «марийцы, которые были в контакте с булярами — булгарами»,

или в отношении некоторой части: «марийцы буляро-булгарского происхождения», т. к. в глазах остального коренного населения они чем-то отличались. Отсюда и их прозвище *буля(р) марий>бӱля(р) марий>пӱлӓ(р) марий>пиламарий>пыламарий.*

Это наименование получило отражение в одинаковых названиях пяти марийских деревень. Они по переписной книге Уржумского уезда (1722 г.) входили в разные волости: в Буйскую волость — деревня Малая Билямори, в Биляморскую волость — деревни Большая Билямори и Малая Билямори, Ошлан Билямори и Сухой Билямори. Указывается их возраст: от 187 до 201 года. Однако самой древней названа в документе тогда исчезавшая деревня Малая Билямори Сабинской волости, которой было 290 лет, т. е. основана она была в 1422 г., но жителей в ней к 1722 г. осталось только несколько человек (ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 3717).

Среди древних мари бытовал антропоним *Сювас.* Это также имеет принципиальное значение для выяснения этнических отношений мари с булгарами. Личное имя *Сювас* несомненно является вариантом этнонима древнебулгарского племени *суваз.* Оно несколько раз фигурирует в переписи 1678 г. по Галицкой дороге (Там же), а в XVIII в. вообще не встречается. Антропоним *сювас,* возникший в эпоху раннего средневековья, указывает на булгаро-сувазское происхождение определенной части марийцев-носителей этого имени.

В связи с этим уместно привести мнение чувашского историка В. Д. Димитриева, который считает, что «там, где в процессе смешения булгар с предками марийцев преобладали булгары-сувазы, формировалась (до XIII в.) единая булгарская народность, а в XIII—XIV вв. сложилась чувашская народность. Значительное число финно-угров вошло в состав казанских татар. В этнических чертах поволжских тюркских народов марийцы оставили большие следы. Там же, где в процессе смешения численно преобладали финно-угры, складывалась марийская народность, ассимилируя пришлых тюрков» (Димитриев 1967:298).

Исследователи считают, что сувазы-язычники, не принявшие ислам, были предками современных чуваш, которые унаследовали их язык, культуру, обычаи, нра-

вы, верования (Федотов 1968:212). Чувашский язык развился на основе одного из булгарских диалектов (суваз). Некоторые исследвателн доказывают, что он испытал весьма сильное влияние со стороны старокыпчакского (древнетатарского) языка. Полагают, что не только чуваши, но и казанские татары являются потомками и наследниками традиций древних булгар (Ахметьянов 1978:246).

Весьма характерно, что еще марийская антропонимия XVII в. делает различия в понятиях *сювас* и *чуваш*. Если антропоним *Сювас* имеет непосредственное отношение к древнебулгарскому племени *суваз*, то этноним *чуваш* в тех же документах представлен в личных марийских именах *Цюваш, Цуваш, Чюваш,* которые воплощают в себе понятие «мариец чувашского происхождения». Такие имена в XVII—XVIII вв. бытовали прежде всего среди горных мари в Козьмодемьянском уезде.

Контакты между марийцами и татарами особенно усилились после образования Казанского ханства, в котором пустили глубокие корни феодальные отношения. Это оригинально отразилось в марийской антропонимии, куда хлынул поток новых тюркских имен с компонентами *бай, бек, бий, мурза, темыр, сеит* и т. д. Общее количество татарских заимствований в марийском языке, по подсчетам Н. И. Исанбаева, составляет около 2 900 слов, практически охватывающих все области жизни (Исанбаев 1978:3—51). В то же время ученые отмечают большой вклад марийцев в этногенез, культуру и язык казанских татар.

Естественно, в подобных условиях тесных взаимоотношений между двумя соседними народами в марийской антропонимии прочное место заняли личные имена *Татар* и *Сюас*. Они неоднократно фигурируют в переписях всех лет в ряде уездов и в качестве прозвища, указывая на марийско-татарское происхождение их носителей, и в качестве антропонима. Например, в «Строельной книге Царевосанчурского уезда» (1650/51 гг.) отмечен *Сюас* Кебеев, что вероятно является его прозвищем. А в переписи 1748 г. по Козьмодемьянскому уезду в деревне Виловатов враг записан молодой человек — мариец, носивший личное имя *Татар*. В переписи

1748 г. по Галицкой дороге в деревне Азъял жил другой мариец *Татар,* которому тогда было 18 лет.

Прозвище всегда является дополнением к личному имени человека. Если оно дается одному человеку, характеризуя его существенные стороны (происхождение, опыт жизни, свойства характера, внешний облик), то в отличие от него носителем одного и того же имени является группа людей, получивших его независимо друг от друга и живших в совершенно разные исторические времена. Однако многие личные имена, в их числе антропонимы из этнонимов, возникли на основе прозвищ. Они тесно связаны с теми или иными жизненными событиями, с коллективным опытом народа, с общественными и межэтническими отношениями марийского народа с братскими народами Поволжья. Эти факторы и вызвали к жизни марийские антропонимы *Сюас* и *Татар,* воплощающие в обобщенном виде тесные связи марийцев с татарами в течение многих веков, а также свидетельствующие об их уважении к братскому народу.

В качестве прозвища людей слово *сӱас* в разговорном марийском языке издавна употребляется в ироническом смысле «хитрый человек».

Исследователи единодушно подчеркивают тот факт, что этнический состав татарского народа чрезвычайно сложен и многообразен. Он включает много тюркских, монгольских и других племен, народностей, частично или полностью вошедших в состав татарского народа. А свой этноним татары получили от группы татарских племен, живших в V—XII вв. в пределах современной Монголии, которые впоследствии в составе полчищ Батыя переселились в Поволжье. Это разнообразие этнического состава соседнего народа также нашло своеобразное отражение в марийской антропонимии, в которой в качестве личных имен марийцев подчас фигурируют этнонимы некоторых татарских родов и племен.

В прошлом среди многих народов было весьма популярно тюркское имя *Китай,* носители которого не были потомками китайцев или выходцев из Китая. Но отдаленная связь между именем и названием государства есть. Государство названо по китайской династии, основателем которой было монгольское племя *китай.*

Название этого же племени стало и антропонимом (Федосюк 1972:93).

Г. Ю. Юсупов, исследовавший булгаро-татарские эпитафии, указывает, что для татар в далеком прошлом были характерны такие родо-племенные названия, как ширин, барын, аргын, кипчак, китай, Ар и другие (Юсупов 1970: 248—252). Интересен тот факт, что этноним татарского рода *китай,* который, вероятно, начал свою генеалогию от одноименного монгольского племени, в документах прошлых веков фигурирует в качестве марийского антропонима. Так, в «Книге по бортным ухожаям Яранского уезда» (1685 г.) отмечен Федька Китаев (Марийский край в XVII в. I:833). В Козьмодемьянском уезде (1747 г.) жил мариец *Китай* Озатиев, а по Галицкой дороге Казанской губернии (1748 г.) записан *Китай* Кандышев (ЦГАДА, указ. фонды и ед. хр.). На основе этого антропонима образовалась современная марийская фамилия *Китаев.*

В переписях XVII в. трижды встречаются марийские личные имена, основанные на этнониме тюркского племени *ногай.* Интересна их история. Монгольское слово *нугай* 'ногай' восходит к имени золотоордынского хана Ногая (ср. монг. *нокай, нохой* 'собака'). Эта кочевая тюркская народность, переходя на оседлость в прошлом, многократно вливалась в состав татарского народа, с чем и связан перенос этого названия на татар (Ахметьянов 1978:132).

В 1552—1557 гг. край луговых мари охватило пламя восстаний против русского царизма, в которых широкий размах антифеодального движения сочетался с эгоистическими устремлениями местной социальной верхушки. Сотные марийские князья под руководством Мамич-Бердея, решив основать самостоятельное царство, пригласили из Ногайского ханства царевича Али-Акрама, пообещав ему престол. Однако ногайцы, прибывшие с военным отрядом в триста человек, а может быть и больше, не оправдали надежд. Вместо обороны, защиты местного населения, они стали разорять и грабить марийскую землю. Тогда марийцы убили ногайского царя вместе со многими его воинами. Царевичу отрезали голову и воткнули на высокое дерево.

Надо думать, некоторая часть оставшихся на марийской земле ногайцев постепенно слилась с местны-

ми жителями. На этой почве появились марийцы ногайского происхождения, о чем нам говорят антропонимы, основанные на названии этого тюркского племени. В «Строельной книге Царевосанчурского уезда (1650—1651 гг.) записан Тошай *Ногаев,* т. е. Тошай, сын Ногая (Марийский край... 1968:366). В переписи 1678 г. по Галицкой дороге в волости Порат, входящей в «Пиркины сотни Крымова», среди 182 дворов и их жителей (мужчин) упоминается *Нугай* Чопоев (ЦГАДА, указ. ф. и ед. хр., лл. 470—479). В волости «Первая Мусмора за рекою Илеть» среди 124 дворов (9 дворов выморочных, т. е. вымерших полностью) записан *«Ногайка* Тойкеев. У него сын Собанайко» (Там же, лл. 584—590).

Исторические документы свидетельствуют о том, что марийский народ никогда не жил изолированно от других народов. Среди него поселялись на жительство представители многих племен, народностей, заброшенных судьбой в далекие края, где они нашли новую родину. Так, в переписи 1748 г. по Галицкой дороге в волости Бол. Яраморы среди 109 мужчин числился *Турчин* Иштеряков (56 л.) т. е. турок. По этой же дороге в «Книге убылых» (1748 г.) упоминается *«Лезтгинка* Рауков», т. е. лезгин, живший в деревне Коркетово и умерший в 1770 г. в возрасте 61 г. (Там же, ед. хр. 1152). Несколько раз в разных уездах встречается антропоним *цаган (цыган),* но, вероятно, он был прозвищем со значением 'хитрец, пройдоха'.

По Галицкой дороге в 1748 г. в волости Малая Кордем — Кужморы в числе 138 человек записан *'Калмак Ивацев'*. В волости Красный Яр жил *'Калмык* Толбеков, 80 лет' (Там же, ед. хр. 1137). Калмыки попадали в Марийский край и в конце XVIII в. В связи с этим уместно сказать, что в ЦГАДА, в фонде Царевококшайской воеводской канцелярии сохранились три дела, связанные с куплей царевококшайским купцом Ефремом Пчелиным в 1781 г.: «калмыцкого мальчика у киргиза Учарака Батыра», пленных калмыков «Маныса у киргиза Аралбая Батыра» и «Конгобара у киргиза Арпыка Калбаева». Это наглядно говорит о судьбе «инородцев» в прошлые времена.

К сказанному выше добавим: по данным окладных книг, хранящихся в Центральном Государственном

Историческом Архиве (г. Ленинград), в конце XVIII в. в Уржумском уезде находились «люди магометанской веры, купленные за товары: авганцы (3), киргиз (1), каракалпак, калмык». На основе общения марийцев с пришлыми тюркомонголами возникали новые прозвища и антропонимы, отражавшие эти взаимоотношения.

В 1618—1648 гг. в Германии бушевала страшная, опустошительная Тридцатилетняя война, скрываясь от которой тысячи ее жителей вынуждены были бежать за границу. Многие немцы нашли приют в России, поступив на постоянную службу к русскому царю. Появились они и в Поволжье, на земле, где жили марийцы. По данным исторических документов, в 1631 г. «на Уржуме воевода Офоносьев сын Кирикрейский; да подъячей Олексей Шахов, а с ними ратных людей: детей боярских 14 человек, литвы и немец и черкас и выходцев 49 чел. з головою стрелецким...» (Марийский край... 1968:92). Во второй половине XVII в., в период царствования Алексея Михайловича «служилые иноземцы» упоминаются в книге переписной по гг. Царевосанчурск и Кокшайск (ЦГАДА, ф. 1209, ед. хр. 6468, с. 662).

Это оставило следы и в антропонимии марийцев. Так, в переписных и писцовых книгах XVII в. антропоним *Немыч* встречается семь раз. Из них в пяти случаях он употребляется в качестве отчества в формах *Немчинов, Немечев, Немичев, Немычев,* (-ев, -ов, -ин), а два раза фигурирует в значении прозвища или личного имени. Впервые он записан в «Строельной книге Царевосанчурского уезда» (1650—1651 гг.), где среди марийцев, плативших «в государственную казну денежного ясаку и посопного хлеба» назван Озяка *Немчинов*, т. е. Озяка, сын *Немчина* (Марийский край... 1968: 379).

В переписи 1678 г. по Галицкой дороге, в волости Большой Корамас (ЦГАДА, ф. 1209, ед. хр. 6447, лл. 498—520), в починке по речке Шойре среди 33 дворов значится «двор Мекея *Немичева*». В волости «Первая Мусмора за рекою Илеть» (Там же, лл. 584—590) упомянуты: Яшпай *Немычев,* «Пойка Килкин. Платит отца своего Килкина именем *Немичева* четь ясака», т. е. Пойка платил четверть ясака именем отца своего Килки, сына *Немича,* который приходился ему дедом. В волости Третья Мусмора значился Ондрюшка *Неме-*

чев (Там же, лл. 597—605). В волости Красный Яр, входившей в «Акпарсовы сотни Акманаева, среди 162 дворов жил со своим хозяйством *Немичко* Толубаев (Там же, лл. 605—613). В «Книге доимочной» Яранского уезда (1699 г.) упоминается *Немичка* Юваев (Марийский край... 1968:892).

Приведенные выше записи показывают, что этот антропоним пустил корни среди марийцев значительно раньше середины и последней трети XVII в., т. к. в большинстве случаев он фигурирует тогда уже в качестве отчества.

Сейчас трудно установить, кто в вышеприведенных записях был подлинным 'немчином', а кто из марийцев носил прозвище, связанное с этнонимом немецкого народа. Интересна в этом смысле запись в «Книге переписной ясачных крестьян (мари и чуваш) нагорной и луговой стороны Козьмодемьянского уезда» (1717 г.) (ЦГАДА, ф. 350, оп. I, ед. хр. 192, лл. 1—806). В деревне Кузнецово Апшак пеляк жила семья: «*Немец* 30 лет, Митка 27 л., Мокеевы дети. У *Немца* жена Албака, Пахтанова дочь, 42 л., сын Петрушка 10. Пертеша 5. У Митки жена Ерсула, Цоракаева дочь — 32 л. Сын Митока 5. Мидяшка 2 лет. Платит 1/2 ясака» (Там же, л. 330). Новые любопытные данные об этой семье дает нам «Книга переписная мужского полу душ Казанской губернии Свияжской провинции Козьмодемьянского уезда, положенных в подушной оклад» (1747) (Там же, оп. 2, ед. хр. 1421, лл .1—1011). Здесь узнаем, что *Немец* Мокеев, глава семьи, умер в 1737 г. в возрасте 50 лет. Его старший сын Петрушка в год смерти отца стал рекрутом. Младший сын Пертеца *Немцев,* в предыдущей переписи записанный как 'Пертеша (5 л.)', стал взрослым.

По этой переписи в той же деревне Кузнецово Апшак пеляк среди 219 некрещеных и 4 крещеных марийцев значится другой «*Немец* Сергеев (47 л.), у него дети Семекей (15 л.) и Степан (10 л.)». В данном случае *Немец* также записан в качестве личного имени. Интересно, что его отец Сергей, будучи крещеным, носил календарное имя. У самого *Немца* и у старшего сына его Семекея — языческие имена, а младший, Степан, записан русским именем. Эта семья чем-то отличалась от остальных марийцев. Вместе с тем видно,

что наряду с христианством она продолжала чтить и языческие обычаи, как и многие марийцы в ту пору, приняв «Христову веру», приносили жертвы своим богам в священных рощах.

В переписных документах среди луговых мари антропоним *Немец* не встречается. Однако с полной уверенностью можно сказать, что в эпоху средневековья он бытовал и среди них. Доказательством этого являются топонимические названия, например: *Немецродо:* немец+родо 'род, родственник' в Верх-Ушнурском сельсовете Советского района, *Немецсола*—в Весьшургинском сельсовете Моркинского района, *Немыцсола* (Немцево) — в Виловатовском сельсовете Горномарийского района. Как и в первом случае, эти топонимы состоят из двух слов: *Немец, Немыц*+сола 'село, деревня'. Основателями этих деревень были люди, носившие антропонимы *Немец, Немыц.*

Интересна история марийского личного имени XVII и XVIII вв. *Латыш.*

В середине 20-х годов нашего века марийский ученый М. Н. Янтемир записал и опубликовал в своей книге «Описание Маробласти. Звениговский кантон» предание, которое свидетельствовало о каких-то тесных контактах марийцев с Литвой в прошлом: «Часть звениговских мари пришла в Среднее Поволжье позже, в XVI или даже XVII в. с прибалтийского края. Лет сорок или пятьдесят тому назад помарские мари уверяли, что они—потомки явившихся из Литвы мари. Действительно, окружающие мари помарских мари называют «Литвой». Любопытно далее такое сообщение: «Существует предание о князе-марийце Олегдере, который тоже явился из Литвы и погиб в сражениях с татарами» (Янтемир 1926:19). Однако из истории хорошо известно, что в прошлом никаких переселений мари из Литвы не было потому, что марийцы никогда не жили в Прибалтике. С глубокой древности они населяли территорию по среднему течению Волги, Вятки, Ветлуги, нижнему течению Суры, а затем — и до Урала. Достоверно только то, что вместе с русскими войсками марийские воины участвовали в Ливонской войне.

Однако в любом предании, как правило, бывает рациональное зерно, способствующее восстановлению исторической истины, обросшей фантазией в результа-

те устного творчества многих поколений. В вышеуказанном рассказе самое важное то, что речь идет о «пришельцах из Литвы». Предание сообщает и такие подробности: «Пришельцы были люди рослые и статные. Одежду они носили белую, вышитую красным рубаху и синие штаны, а на голове высокую валяную шляпу с перехватом в виде ленты». Однако возможности подтвердить все это историческими документами не было, и предание многими воспринималось несерьезно, как красивая выдумка.

В документах XVII в. нами зарегистрировано 17 имен в 12 волостях по Галицкой дороге, ныне входящих в состав Волжского, Звениговского и отчасти Моркинского районов, связанных с этнонимом *Латыш*. А в переписях XVIII в. они неоднократно встречаются и в волостях Казанского и Царевококшайского уездов.

Первая запись этого имени относится еще к 1616 г., т. е. непосредственно ко времени после эпохи Смуты. В «Подлинной переписной книге оброчных лугов по Галицкой, Арской, Нагайской, Зюрейской, Алацкой дороге» (1616 г., сентябрь) читаем: по Алацкой дороге «волости Бигишна у черемисина у *Якушка Латыша Бизигинскова* с сенного покосу, что косил черемисин Чюкши волости Мамтен Азиганов з двоюсот копен оброку взято рубль шесть алтын четыре деньги» (Марийский край... I:22). Можно считать, что в вышеуказанном упоминании *Латыш* является не собственным именем, а прозвищем Якушки, указывающим, что он имеет какое-то отношение к латышам.

Все дальнейшие записи относятся к переписи 1678 г. Они даны, как, впрочем, и другие личные имена, в уменьшительной форме, т. е. с суффиксами *-ка, -ко*, характерными в то время для записи имен простых «смертных» людей. В качестве собственного имени марийцев *Латыш* используется в следующих случаях. В волости Яран, где тогда всего было 132 двора, платил ясак «двор *Латышка Уразлина*, у него сын Едигерка трех лет», т. е. платил Латыш Уразл(ин) сын (Марийский край... II:442). Переписчик, в соответствии с нормами, принятыми в то время, пропустил слово «сын» здесь и во всех нижеследующих текстах, нами цитируемых. А форма *-ин, -ов, -ев* указывает в первую очередь на отчество человека, являясь в то же время пер-

вой формой фамилии, которой тогда еще не было как общего имени членов семьи, наследуемого в течение поколений.

Волость Мусмора, а Помар тож — из 112 дворов «двор *Латышка Юванова* платит полъясака» (Там же: 564), т. е. Латыш Юван(ов) сын.

Волость Два Машаран, в которой насчитывался 181 двор: «Айбулатка Утеев. У него детей: *Латышко* 10 лет, Килдыбайко 8 лет, Киншибайко 5 лет. Килдуганко году. Платит полъясака» (Там же: 627). Интересно то, что мариец Айбулат Утеев старшему сыну своему дал имя *Латыш* в связи с каким-то примечательным событием в его жизни.

В волости Красный Яр, где было 163 двора, этот антропоним носили двое: Латышка Иштыбаев и Латышка Янсарин (Там же: 776, 791).

В качестве отчества, выполнявшего одновременно функцию фамилии, этноним прибалтийского народа встречается в формах *«Латышев», «Латышов», «Латышков»*. В волости Порат, насчитывавшей 182 двора: «двор Пронки *Латышева,* у него Федька шести лет, платит полъясака», т. е. Пронка Латыш(ев) сын; «двор Чорачка *Латышова,* у него детей Кутлубулатко трех лет, Чолпанко полугода. Платит полъясака», т. е. Чорай Латыш(ев) сын (Там же: 533, 542).

Волость Абашай (56 дворов): «двор Крымпайка *Латышова* платит отца своего *Латышковым* именем Ахпахтина, целой ясак, а отец де ево умер тому десять лет» (Там же: 550). Иначе говоря, Крымпай Латыш(ов) сын платил ясак имени отца своего *Латыша* Ахпахтина сына, умершего, по его словам, лет десять тому назад.

В каждой волости указано немало пустых дворов «выморочных», хозяева которых «померли з женою и детьми в моровое поветрие. Земли и сенные покосы лежат пустые, поросли лесом». Чума, охватившая Поволжье в 1672—75 гг., унесла свыше 70 тысяч жизней, по подсчетам историков.

Волость Шали (всего в ней было 126 дворов): «Досайка *Латышов* платит полясака» (Там же: 597), т. е. Досай Латыш(ов) сын.

Волость Кужумора, насчитывавшая 283 двора: «двор Ипайка *Латышева.* Платит полъясака. Да з борт-

ного ухожея, что около их волости, полбатмана мёду, пошлин шесть денег», т. е. Ипай Латыш(ев) сын (Там же: 686).

Волость Большой-Кордем Кужмара (73 двора): «двор Келдешка *Латышева.* У него сын Келдыбайко 5 лет», т. е. Келдеш Латыш(ев) сын (Там же: 715).

Волость Другая Мусмора(в которой было 122 двора: «двор Токейка *Латышова.* У него сын Ванька», т. е. Токей, сын Латыша (Там же: 750).

Вышеприведенные примеры не означают, что носители этнонима латышского народа обязательно были латышами, хотя это не исключено. У многих из них «Латыш» могло быть и прозвищем, заменившим основное имя и указывающим на их какое-то отношение к латышам в смысле: «мариец на латышский лад», «мариец латышского происхождения». В эпоху средневековья прозвища были широко распространены, они фиксировались в деловых бумагах рядом с собственным именем человека, а затем превратились в фамилии.

Ключ к раскрытию тайны антропонима *Латыш* дают последующие записи В волости Бет-Кукмор среди 110 дворов значится «двор *Тудылатышева,* у него сын Кулайко году, платит полъясака» (Там же: 436). Если эту странную фамилию — Тудылатышев — переведем с марийского языка на русский язык и разделим на три части *(туды+латыш+ев),* то получим следующее: мар. *туды* «он»+рус. *латыш* (*-ев*—падеж. оконч.), т. е. *этот человек латыш.* Очевидно, когда переписчик Дмитрий Иванович Кошелев стал записывать имя хозяина дома, то соседи-марийцы сказали ему, что «туды латыш» («он латыш»). Эти слова были записаны им в качестве имени и отчества владельца двора, а настоящее его имя даже не зарегистрировано в книге. Наверно, непривычное, неудобное для произношения прибалтийское имя марийцы плохо запоминали. Так могло быть и в других случаях. К тому же, национальная принадлежность человека имела в их глазах доминирующее значение. В качестве антропонима стал использоваться этноним, заменивший собственное имя человека, который для окружающих марийцев был прежде всего «латышом».

В волости Большой Карамас среди 50 дворов запи-

сан «двор Ахтанайка Ахтаева, у него детей Килмамет ко 19 лет, Ахтышка 12 лет, Иштерячко 10 лет, Стенька 4 лет, платит деда своего *Тонайковым именем Куртелиса* полъясака. А Тонайко де умер тому лет с 15» (Там же: 580). Иначе говоря, Актанай Актаев платил ясак именем деда своего Тоная, сына Куртелиса. А дед его Тонай, по словам, умер 15 лет тому назад.

Эта запись важна в том отношении, что здесь мы впервые сталкиваемся с прибалтийским антропонимом *Куртелис,* не свойственным марийцам. Носитель его несомненно был латышом, положившим начало новой латышско-марийской семье.

Замечательно, что здесь, кроме того, последовательно названы пять мужских поколений Куртелисов, потомства Куртелиса (женщин тогда не записывали):

1. Сам Куртелис—родоначальник, основатель семьи;
2. Тонай, сын Куртелиса;
3. Актай, сын Тоная, внук Куртелиса;
4. Актанай, сын Актая, правнук Куртелиса;
5. Сыновья Актаная, праправнуки Куртелиса: Килмамет, Актыш, Иштереч, Стенька.

Попытаемся установить время, когда жил Куртелис. Сын его Тонай умер за 15 лет до переписи 1678 г., т. е. в 1663 г. Сам он, разумеется, покинул «белый свет» значительно раньше, возможно, лет 30 назад. Можно считать, что он жил в последней трети XVI в. и в первой трети XVII в. Из записи видно, что Куртелиса ценили, уважали, помнили в этой семье, хотя к моменту переписи он был уже прадедом.

Обращает внимание то, что в семье Куртелиса уже со второго поколения все мужчины носили марийские имена. Это говорит о том, что он был женат на марийке, о соблюдении им обычаев, верований местного населения, о том, что родным языком его семьи был марийский. В пятом поколении его младший правнук носил русское имя Стенька*.

Итак, распространение в прошлом среди марийцев этнонима латышского народа как марийского собствен-

---

* По рассказам доцента МарГУ М. Т. Сергеева, уроженца деревни Большой Карамас Волжского района, на его родине есть семья, членов которой односельчане и ныне именуют «латышами», называя их «Латыш Элей», «Латышка Онися», «Латыш Миколай» и т. д.

ного имени, их записи в переписной книге, а также народные предания о «марийцах, пришедших из Литвы» — отнюдь не случайны. Они отражают неизвестное нам и примечательное событие того времени, а именно — тесные контакты и связи марийского народа с латышами. Когда они начались, точно определить трудно, возможно, еще до XVII в. Ясно одно: в эпоху средневековья в Среднее Поволжье пришла группа латышей, поселившаяся здесь на постоянное жительство. Некоторые из них, видимо, стали жить и среди чуваш, т. к. антропоним Латыш включен в «Словарь чувашских языческих имен» В. Магницкого (Казань, 1905).

У латышей был свой предводитель *Олегдер,* имя которого названо в марийском предании, а в вышеуказанном чувашском словаре он значится как *Оледер.* Переписная книга, как мы уже знаем, называет имя еще одного латыша—Куртелиса. Имена остальных, неизвестные нам, символически воплощают марийский и чувашский антропонимы *Латыш,* носителями которых были и латыши, и марийцы, и чуваши.

Чем была вызвана миграция группы латышей на Среднюю Волгу? В каком веке они пришли сюда? Сколько их было? Думается, в выяснении этих и других вопросов нам могут помочь и латышские исследователи. Сейчас же мы сможем сделать только предположения.

Известно, что в XIII в. территорию Латвии завоевали немецкие рыцари-крестоносцы, подвергавшие местное население жестокой эксплуатации и истреблению. Латыши в течение многих веков вместе с другими прибалтийскими народами вели героическую борьбу с иноземными захватчиками. Немецкий Ливонский орден распался в результате Ливонской войны (1558—1583 гг.), но территория Латвии отошла к Польше и Швеции. Только во времена Северной войны (1700—21 гг.) северная часть ее была присоединена к России.

Возможно, в это тревожное время часть латышей, отколовшись от основной массы, решила найти более спокойное место для жизни в огромных просторах России.

Однако латыши могли оказаться на Средней Волге и во время взятия Казани Иваном Грозным (1552 г.), и особенно в составе польско-литовских войск в эпоху

Смуты. После провала интервенции некоторые поступили на службу к русскому царю. Так, в 1631 г. в Уржуме стоял отряд из «литвы и немец и черкас и выходцов з головою стрелецким», выполнявший карательные функции среди местного населения. Такие отряды были и в других городах. В Казани находился постоянный гарнизон стрельцов в количестве 2.200 солдат. Возможно, некоторым из латышей надоела служба, и они решили начать мирную жизнь. Возвращаться на родину им было и далеко, и опасно, и бессмысленно, т. к. там хозяйничали иностранцы. Они оценили преимущества здешнего края и его мирных, трудолюбивых жителей, нашли с ними общий язык. Обзавелись семьями, женившись на марийках, о которых известный ученый и путешественник Г. Миллер писал: «Черемисские женщины красотою других превосходят» (Миллер 1791:6). То, что антропоним Латыш в XVII .в. одновременно встречается в 12 марийских волостях, очевидно, объясняется тем, что пришельцы вынуждены были жить разрозненно, в различных местах, т. к. спутниц жизни они тоже должны были искать. И не так легко их было найти. «Черемисские деревни очень малы, и по большей части состоят из двух токмо, или трех дворов, и весьма редко бывает, чтобы в одной деревне дворов 10 или 20 было»,— писал Г. Миллер, в 1743 г. совершивший путешествие к марийцам.

Живя среди марийцев, латыши с течением времени растворились среди коренного населения, сами стали марийцами. Поэтому вполне исторически логично и понятно утверждение предания, которое считает их «марийцами из Литвы», что отражает исторический факт ассимиляции пришельцев-латышей с марийцами. Однако их дети, внуки, потомки в глазах окружающих людей еще долго были особыми, «латышскими марийцами», что отражено в их именах, прозвищах, фамилиях, а также в народной памяти.

В заключение отметим следующее. Со второй половины XVIII в. начинается новый этап в развитии марийской антропонимии. С этого времени в связи с христианизацией края широкое распространение получают календарные имена русского происхождения. Языческие имена, вытесненные ими, постепенно отходят на второй план, исчезая из официальных документов. Но

они еще долго продолжали жить в среде язычников, которых становилось все меньше. Бытовали они и у принявших православие, т. к. многие марийцы стали «двоеверцами». Посещая русскую церковь, они в то же время по старинке продолжали молиться в рощах «своим» богам. В соответствии с этим обычаем для них стали характерны двойные имена—христианские и языческие. Первое имя давалось церковью, а второе имя ребенок получал от родителей, дома.

Антропонимы, связанные с эпохой язычества, имеют для всех наук (истории, этнографии, языкознания, литературоведения, фольклористики) наибольшую ценность и интерес. Составляя древний лексический пласт языка, они дают своеобразный и богатый материал для изучения многих сторон материальной и духовной культуры нашего народа. В определенном и образном смысле антропонимику, как часть ономастики, можно назвать археологией современного языкознания. Действительно, если историк-археолог на основе находок в могильниках старинных вещей, остатков посуды, вооружения определяет своеобразие культуры тех или иных племен, устанавливает их связи, то древние имена и слова также могут сказать очень многое о наших предках, об их жизни и быте, об обычаях и нравах их, о многом другом.

Большое значение в этом смысле имеют этноантропонимы, в которых в обобщенном плане представлены целые племена и народности, с которыми древние марийцы вступали в те или иные отношения. Они вводят нас в малоизвестный и малоизученный нами мир их межэтнических связей, помогают решить сложный научный вопрос о путях формирования марийской народности. Они на новом дополнительном материале подтверждают тот факт, что основу марийского этноса составили марийские роды и племена. Но в процессе его этногенеза немалую роль сыграли многие родственные финно-угорские племена и народности. Об этом нам говорят их этнонимы, на основе которых возникли и получили распространение марийские антропонимы типа *мере, мурай, мешер, печерей, одай* и др. Это наглядно свидетельствует не только о связях, но и о «взаимопроникновении» родственных финно-угорских племен. Необходимо учитывать тот факт, что многие подобные

имена возникли в глубокой древности, продолжая по традиции бытовать среди марийцев до XVII и XVIII вв. Древнемарийские имена подчас обнаруживают поразительное сходство с именами древних финнов и древних венгров. Это также говорит о многом.

Тесные связи марийцев с тюркскими народами Поволжья, особенно с татарами и чувашами, хорошо представлены в антропонимии наших предков.

Огромную роль русского народа в исторической судьбе марийцев наглядно показывают марийские личные имена типа *Руш, Русак,* получившие издавна широкое распространение.

Марийский народ отдал должное всем племенам и народам, с которыми на протяжении тысячелетий он жил в близком соседстве, находился в контактах. Наши предки создавали из их этнонимов собственные личные имена, которые являются данью огромного уважения и признательности к братским народам, сыгравшим большую или малую роль в их исторической жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Р. А. 1970, Об этнониме чудь (чухна, чухарь).— В кн.: Этнонимы. М.

Алексеева Т. И. 1954, Антропологический состав мещеры (к проблеме славяно-финских взаимоотношений в Поволжье). АКД. М.

Алексеева Т. И., Васильев Б. А. 1959, К вопросу о генетическом родстве мещеры и мишарей. КСИЭ АН СССР, т. XXI.

Ахметьянов Р. Г. 1978, Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М.

Бушмакин С. К. 1970, Воршудные имена — микроэтнонимы удмуртов.— В кн.: Этнонимы. М.

Веселовский С. Б. 1974, Ономастикон (Древнерусские имена, прозвища и фамилии). М.

Галкин И. С. 1967, Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Геннинг В. Ф. 1967, Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности).— В кн.: Происхождение марийского народа.

Гордеев Ф. И. 1964, К вопросу о происхождении этнонима мари.— В кн.: Вопросы марийского языкознания, вып. I. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке.— В кн.: Происхождение марийского народа.

Горюнова Е. И. 1967, Меря и мари.— Там же.
Грузов Л. П. 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола.
Димитриев В. Д. 1967, Выступление на обсуждении докладов.— В кн.: Происхождение марийского народа.
Иванов И. Г. 1978, Еще раз об этнониме «черемис».— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола.
Исанбаев Н. И. 1978, Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке.— В кн.: Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола.
Козлова К. И. 1978, Очерки этнической истории марийского народа. М.
Курышжанов А. К. 1970, Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. «Тюрко-арабского словаря». Алма-Ата.
Лыткин В. И. 1964, Этимологии некоторых марийских слов.— В кн.: Вопросы марийского языкознания. Вып. I. Йошкар-Ола.
Мавродин В. В. 1978, Происхождение русского народа. Л.
Марийский край в XVII в. Сборник документов. Сост. Г. Н. Айплатов.— НРФ МарНИИ, оп. I, д. 346.
Миллер Г. 1791, Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.
Мокшин Н. Ф. 1967, Этнические взаимоотношения между мордвой и марийцами (по материалам дохристианских религиозных воззрений).— В кн.: Происхождение марийского народа.
Оранский И. М. 1963, Иранские языки. М.
Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
Повесть временных лет, ч. I. М., 1950.
Серебренников Б. А., 1965. Происхождение марийского народа по данным языка.— В кн.: Научная сессия по этногенезу марийского народа (Тезисы докладов и сообщений). Йошкар-Ола.
Серебренников Б. А. 1967, Происхождение марийского народа по данным языка.— В кн.: Происхождение марийского народа.
Спицын А. А. 1893, Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии.— В кн.: Материалы по археологии Восточных губерний России. Приуральский край. Императорское Московское археологическое общество. Вып. I. М.
Тошто марий ой-влак (Марийские легенды и предания). Составитель В. А. Акцорин. Йошкар-Ола, 1972.
Федосюк Ю. А. 1972, Русские фамилии (Популярный этимологический словарь). М.
Федотов М. Р. 1968, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары.
Черных С. Я. 1978, Шернур кундемысе вер-шӧр-влакын лӱмышт.— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола.
Юсупов Г. Ю. 1970, Антропонимы в булгаро-татарской эпиграфике.—В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем и будущем.
Янтемир М. Н. 1926, Описание Маробласти. Звениговский кантон. Краснококшайск.

В. А. Акцорин

ИСТОРИКО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОСНОВЫ СЛОВА *ОНАР*

Марийцы, как и другие народы, в своем эпическом творчестве имеют древнейшие сказания об исполинах или богатырях, способных вырвать дерево вместе с корнями и унести его, поднять пахаря вместе с лошадью, как земляного жучка. Сказания эти обычно связаны с курганами, возникшими якобы после вытряхивания великанами песка или земли из лаптей или другой какой-либо обуви.

Этих великанов луговые марийцы называют *онар*, горные марийцы — *нар*.

В специальных работах, посвященных легендам и преданиям о богатырях, марийский фольклорист К. А. Четкарев названия «онар» и «нар» вообще оставил без этимологического объяснения (Четкарев 1950:3—20; 1954:115—160; 1951:151—172).

Термины *онар* в лугово-марийском наречии и *нар* в горномарийском варианте в настоящее время выражают понятие «великан», «исполин». Подобное понимание, видимо, восходит в историческом плане ко второму периоду их развития. Первоначально их значение было несколько другим. Доказательством этому служит выражение *онар калык* «богатырский народ».

По мифологическим представлениям марийцев, до происхождения марийского народа жил другой народ, состоящий из одних исполинов, так называемый *онар калык*. В дальнейшем, в результате появления людей малого роста — пахарей и собирателей дикого меда из бортей, установленных на деревьях, этот исполинский народ исчезает или вырождается. Но интересно то, что марийцы в своих легендах признают онар калык за своих первопредков небесного происхождения: первый онар-богатырь сходит на землю с неба на белом коне,

чтобы установить там порядок. Это позволяет заключить, что лексическое значение слова *онар* первоначально было связано не с частным понятием «человек-богатырь», а с общим понятием «народ», т. е. «люди». *Онар* и *нар* понимались как определенная этническая общность, существовавшая до возникновения другой этнической общности — марийцев. Такое понятие бытовало среди предков марийцев еще до разделения общества на классы.

С появлением классового общества лексическое значение этого слова приобретает ярко выраженную социальную функцию, характерную для данного периода общественного развития. Главы родов, храбрые воины, князи, военные предводители характеризовались эпитетом «онар» (*онар князь-влак Урса, Ямшан* «князи-богатыри Урса, Ямшан»). Храбрый марийский воин Чумблат также имел эпитет «онар» (*Чумблат онар* «великан Чумблат»). Для феодального общества было характерно считать даже советы князей, военачальников — *онар канаш* (совет богатырей).

Таким образом, социальная верхушка феодального периода для того, чтобы выделиться от простых трудящихся, присваивает термин *онар* «богатырь» для возвеличивания своего сословия и для того, чтобы утвердить среди народа свое якобы богатырское происхождение, восходящее к небесному онару — первому великану.

В современном марийском языке этот термин употребляется в качестве эпитета в двух случаях: во-первых, для характеристики физической мощи, огромного роста отдельных людей (*онар капан ен* «человек богатырского телосложения», *онар ен, нар эдем* «человек-исполин», *онар гай виян* «у него сила как у великана, богатыря»); во-вторых, для характеристики великого вождя пролетариата В. И. Ленина, чтобы подчеркнуть величие его деяния, ленинского учения о социализме и коммунизме (*онар Ленин* «богатырь Ленин», *Ленинын онар пашаже* «великое творение Ленина»). Вследствие чего строящий по ленинским заветам коммунизм советский народ также характеризуется как *онар калык* «богатырский народ».

Следовательно, в связи с изменением социального строя, историческим развитием общества функция тер-

мина «онар», «нар» постоянно изменялась. При раскрытии этимологии данного слова следует обратить внимание на процесс изменения его социальной функции.

В конце XIX века профессор Казанского университета И. Н. Смирнов, собравший произведения об Онарах в Вятской, Казанской и Нижегородской губерниях, предполагал, что марийские онары, нары связаны с эпическим творчеством кавказских народов о нартах. Он писал: «Любопытно сравнить с черемисскими рассказами о нарах или онарах кавказские рассказы о великанах нартах» (Смирнов 1889:176). Подобной же точки зрения придерживался в 20-х годах и марийский исследователь М. Н. Янтемир, который писал: «Онары очень сильно напоминают легенду о нартах, существующую у многих тюркских народов Кавказа» (Янтемир 1928:17). Попытка возвести этимологическое значение *онаров, наров* к кавказским *нартам* относится к области гипотез. И. Н. Смирнов и М. Н. Янтемир, связывая марийских «онаров», «наров» с кавказскими «нартами», исходили лишь из фонетических созвучий этих терминов. Что же касается лексического значения, то на первый взгляд кажется, что они одного и того же происхождения. Например, дигорское слово *нур* «великан», иранское *нара* «мужчина», таджикское *наремон* «великан». В мордовской мифологии имеется богиня-покровительница брачного союза *нардавакай* «мать нарда» (Имайкина 1970:58). *Нард* в мордовских языках восходит, видимо, к *нарде* «крепкий», «прочный», «крепость», «прочность». Небезынтересно отметить, что и в самодийских языках существует близкое по значению слово. В ненецком языке *нар* — «величина», *нарка*—«большой», «крупный». По-видимому, термины *нар* (горномарийский), *нарде* (мордовский), *нур* (дигорский), *нар, нарка* (ненецкий), *нарт* (осетинский, абхазский, чеченский и т. д.) восходят к индоиранскому *нара* «мужчина».

Что касается слова *онар*, употребляющегося в луговом наречии марийского языка, то, как нам кажется, оно состоит из двух компонентов: *он+ар*. При этом *ар* является или индоевропейским элементом, означающим мужчину, человека, или же сокращенным *нар*. Мордовские и прибалтийско-финские данные, а также основ-

ное лексическое значение слова *он, оно* в марийском языке говорят, как нам кажется, о финно-угорском происхождении этого слова. Ср., например, мордовское *ине* «великий», «большой», *иневедь* «большая вода», «океан», «море», *инегуй* «большой змей», *инечи* «великий день», «пасха», *инязор* «царь» (букв. «великий мужчина»).

Среди марийского языческого жреческого сословия имелась особая группа, называемая *онаен*<*она*+*ен* (букв. «человек она»). Значение *она* раскрывается в синониме, заменяющем этот термин, *кугурак, кугу ен* («старший», «большой человек»). Первый компонент слова *онаен* можно найти в другом религиозном термине *онапу* «большое дерево», «священное дерево», в топонимических названиях *Оно Морко* «Старший Морко» (ср. *Изи Морко, Тыгыде Морко* «Младший Морко»), восходящих по историческим преданиям к именам трех братьев. Имеется название, связанное с *она,* с обозначением отдельной этнической группы марийцев Сернурского района *ономари* «марийцы оно». *Оно* в этом случае также восходит к древнему названию «старший», «большой», «великий». *Ономари* или *онымари* в конце XIX века считались «княжескими», «царскими марийцами» (Соколов 1904:127).

Следовательно, есть все основания полагать, что мордовское *ине,* марийское *оно, она* в древности выступали в значении «большой», «великий», поэтому указанные слова вряд ли имели какое-либо отношение к иранскому *нарт.* По-видимому, как мы указали выше, истоки *ине, оно, она* нужно искать в самих финно-угорских языках. Можно допустить, что в древности они выполняли функцию эпитета к получившим известность субъектам или определенной этнической группе. Примером могут служить *ономари* Сернурского района. Марийское *ономари* близко по своему фонетическому облику и значению к удмуртскому названию главного бога — *Инмару,* коми названию бога-творца *Ен* (ФКН, 1938:39—40), герою карело-финского эпоса *Ильмаринену,* общее происхождение которых признано как отечественными, так и зарубежными исследователями (Евсеев 1957:120). Финский исследователь Тойвонен, например, удмуртское *Иньмар, Инмар, Иммар, Илмер* связывает с финскими названиями божества неба (*il-*

man jumalan nimi): Ilmari, Ilmarinen, Ilmalinen, Ilmollinen (SKES:105).

Кажется вероятным, что марийское *оно, она, оня, онь,* удмуртское *ин,* карело-финское *иль* восходят к одному источнику с финским *ено, ена* «большой», вепсским *enamb* «больше» или *ani* «очень, весьма», *ana* «очень много». Ю. Тойвонен финское *ено, enoi* «брат матери» сравнивают с карельским *enoi,* водским *ono,* эстонским *onu, oni, uno* «дядя»; а также под вопросом с коми *унай* «дядя», удмуртским *нюнь* «старший брат», самодийским *ина* «старший брат» (SKES : 39). Кроме того, в финском языке *ено* обозначает еще большую реку, главное русло (SKES : 39). Между прочим, по мнению Ю. Тойвонена, слово *ено* одного корня со словом *ена «большой»* (Там же: 39). На основе этих примеров можно заключить, что *оно, она, оня, онь* (марийское), *ин* (удмуртское), *ине* (мордовское), *ин* (коми) были связаны с прибалтийско-финскими *ено, ensi* и означали «первый», «большой», «старший», «великий». Это дает нам основание предположить, что *онар* в древности выступал в значении «первый, большой, великий человек». Удмуртское *Инмар* мог означать «первый, великий человек». Такая гипотеза, как нам кажется, вполне соответствует древним эстетическим воззрениям финно-угорских народов, великаны, исполины у которых считались и первыми людьми на земле и первыми божествами, спустившимися с неба на землю для устройства жизни и порядка на ней. В марийском предании говорится, что *первый Онар* спустился с неба на красивой кобыле-исполине (Токмурзин 1920:6). В мордовских преданиях рассказывается, что сотворенный богом первый человек был исполином, великаном (Седова 1977:33).

Общими для марийского и прибалтийского эпоса являются не только *он, ено,* представляющие составную часть сложного слова «первый человек», «первожитель», «большой человек» (*Он+ар, Иль+маринен*), но и сюжетные мотивы о местожительстве великанов на курганах. Этот мотив был характерен как для марийцев (Четкарев 1951:158), так и для мордвы (Седова 1977:37), белорус (Касько 1974:209), эстонцев (Мелетинский 1963:155), латышей (Анцелане 1962:16—17). Кроме того, как карельское, финское *Ильмари-*

нен, Ильмойллинен, Илмари этимологизируется как «небесный, вселенная» (от *il*) (Евсеев 1960:284), так и марийские великаны *Онары, Нары* «великие люди» считались людьми небесного происхождения. Этот общий момент можно считать генетической связью между марийскими, карельскими, эстонскими, латышскими представлениями о великанах.

ЛИТЕРАТУРА

Анцелане А. 1962, Латышские народные предания. Рига.

Евсеев В. Я. 1957, Исторические основы карело-финского эпоса. Кн. 1. М.-Л.

Евсеев В .Я. 1960, Исторические основы карело-финского эпоса. «Калевала». Кн. 2. М.-Л.

Имайкина В. Л. 1970, Мордовская календарная обрядовая поэзия. Рукопись кандидатской диссертации. Саранск.

Касько В. К. 1974, Белорусские топонимические предания.— В кн.: Прозаические жанры фольклора народов СССР. Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции 21—23 мая 1979 г. Минск.

Мелетинский Е. М. 1963, Происхождение героического эпоса. М.

Седова Л. В. 1977, Мордовско-марийские связи в исторических преданиях.— В кн.: Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. I. Йошкар-Ола.

Смирнов И. Н. 1889, Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань.

Соколов Н. 1904. Летние экспедиции членов этнографического отдела и Музыкально-этнографической комиссии в 1904 году.— Этнографическое обозрение, кн. XII, № 3. Сообщение С. К. Кузнецова.

Токмурзин М. 1920, Эртыше. Тошто годсо марий илыш гыч. Казань.

ФКН 1938, Фольклор коми народа. Том первый. Предания и сказки. Архангельск.

Четкарев К. А. 1950, Богатырь нерген марий калыкын преданий-шамыч.— В кн.: Асылбаев А. А., Ибатов С. И., Столяров В. С., Четкарев К. А. Марий литература. Литературно-критический статья-шамыч. Йошкар-Ола.

Четкарев К. А. 1951, Марийские предания о родоплеменных богатырях.— УЗ МарНИИ, вып. IV. Йошкар-Ола.

Четкарев К. А. 1964, Значение топонимики для древней истории мари.— УЗ МарНИИ, вып. VI. Йошкар-Ола.

Янтемир М. Н. 1928, Описание Маробласти. Сернурский кантон. Вып. VII. Йошкар-Ола.

SKES — Toivonen Y. H. Suomen kielen etymologienen sanakirja. Tom I. Lexica societatie fenno-ugricae. XII, 1. Helsinki, 1955.

Ф. И. Гордеев

ЭТИМОЛОГИИ МАРИЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ

О личных именах марийцев написано несколько статей исследователями как нашей страны, так и за рубежом. Однако все они содержат лишь частные замечания. До сих пор не составлен полный словарь марийских антропонимов. Между тем изучение личных имен может оказаться полезным не только для самих лингвистов, но и для историков. Не случайно известный тюрколог Н. Ф. Катанов в своей работе «Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках» (Казань, 1920, с. 3—4) писал: «Инородцы Поволжья нарекают своим младенцам языческие имена не по календарю или какому-нибудь именнику, принятому у того или иного племени, а по случайным явлениям и причинам. Было бы весьма полезным собрать из разных документов и расспросных сведений все языческие имена чуваш и других инородцев, чтобы знать, какие имена преобладают у тех и других; тогда легко было бы отнести к тому или иному племени и погребенного, имя которого значится на эпитафии».

Марийцы являются одной из финно-угорских народностей, с глубокой древности населявшей территорию по среднему течению Волги, нижнему и среднему течению Вятки, нижнему течению Суры. Материалы лингвистических и археологических исследований свидетельствуют о том, что марийцы в ходе своего этнического развития вступали в связи с сарматами (I—IV—V вв. н. э.), булгарами (в V—XII вв. н. э.), позднее с татарами (с XIII в.) и в настоящее время (с XVI в.) продолжают жить в тесном сотрудничестве, в братской дружбе с русским и другими народами нашего многонационального государства. Все это находит отражение в марийской антропонимике.

В системе марийских личных имен можно выделить несколько пластов:

I. Собственно марийские имена.

II. Имена, заимствованные из тюркских языков.

III. Имена, вошедшие из русского источника.

Хотя марийский язык относится к волжской группе финно-угорской языковой семьи, однако в марийской антропонимике нам не удалось обнаружить ни одного собственного имени человека, которое представилось бы возможным интерпретировать на волжском или финно-угорском уровне. Тем не менее материалы исследований по личным именам родственных языков свидетельствуют, что в далеком прошлом и марийские антропонимы могли образоваться от обычных нарицательных имен существительных, что мы наблюдаем в языках родственных народов. Ср.: коми-зыр. *Кион,* манс. *Кион,* удм. *Коин* — от аппелятива *кион (коин)* «волк» (Теплоухов А. Ф.— ЗУОЛЕ 1924, т. XXXIX, с. 87); саам. *Нюлп-алд* — ж. и., букв. «безрогая важенка (самка оленя)» (Харузин Н. РЛ 1890, с. 99); ненецк. *Весако*—м. и., букв. «старичок» (Терещенко Н. М. НРС 77), т. д.

В настоящее время наиболее важным является правильное объяснение происхождения собственных имен, представленных как в именнике, так и в составе географических названий, что дает возможность судить не только о характере марийской антропонимики, но и точнее представить картину расселения и миграции марийского населения вообще. Ср. *Игисола Л* — мар. д., наименование дано по имени одного из основателей селения *Игий,* в свою очередь заимствованного из тат. источника [: *Игибаев: Муса Игибаев* 1735 г.— башкир (Вельям.-Зернов В.— ЗАН 1864, № 6, с. 22)]+*сола* «деревня». Отдельные антропонимы распространены, помимо Марийского края, и на территории былого пребывания других финно-угорских племен (в частности, мери, вепсов, карел). Поэтому без этимологического анализа их не может быть речи о возможности соотнесения этих наименований с каким-либо из ныне существующих или исчезнувших финно-угорских племен. Например, *Абатур* — м. и., сохранившееся в составе топонимов Горьковской, Калининской, Кировской областей: н. п. *Абатурово* в Кстовск. р. Горьк. обл. (Трубе Л. Л.—

ПМН 213), дд. *Абатурово* в Костр. и Яросл. губ. (Семенов Т.— Труды VII арх. съезда 1891, т. II, с. 99), д. *Абатурово (Оботурово)* в Корчевск. у. Твер. губ. (СНМРИ. XLIII Твер. губ. 1862, с. 219), д. *Абатырь* в Колянурск. в. Яран. у. Вят. губ., XIX в. (—ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 798, л. 27). Л. Л. Трубе, относя топоним *Абатурово* в Кстовск. р. Горьковской области к марийскому по своему происхождению, делает соответственно вывод о былом пребывании марийцев в южной части Горьковской области, откуда «они еще до расселения здесь русских были оттеснены к северу мордвой». Б. А. Серебренников (—ПНМ 178) склонен рассматривать как мерянское наследие в составе географических названий Ярославской, Владимирской, Костромской, Московской губерний, на территории которых десять веков тому назад действительно проживало племя меря, тем самым как бы примыкает к мнению Т. Семенова (—Труды VII арх. съезда 1891, т. II, с. 99). На самом же деле перед нами антропоним, заимствованный из русского языка. Ср. *Обатур (Оботур): Обатур (Оботур)* Федор, XV в., Н.-Новг.; Даниил Иванович *Обатуров*, 1613 г., Арзамас и Москва (Вес. С. Б. Он. 223, 225, 353) — образован от аппелятива *обатур* «упрямый, неслух» при *обада* «клевета», др.-русск. *обада* — от *об-* и *вадить* (Фасмер М. ЭСРЯ III, с. 97). Конечный компонент *тур: Обатур (Оботур)*, по нашему мнению, трудно отделить от глагола *дуреть*. Последний лишний раз подчеркивает важность этимологического анализа собственных имен.

Этимологии марийских антропонимов уделяли в свое время внимание составители марийских грамматик Ю. Вихман (ЧТ 1923), Х. Паасонен (ВЧС 1948). Интересные замечания мы находим в статьях И. Эрдеди (—JSFOu 64), Г. Н. Айплатова (—СФУ 1965, № 2). Богатый материал представлен в монографии А. А. Саватковой «Русские заимствования в марийском языке» (Йошкар-Ола, 1969).

В последнее время собственным именам посвятил немало статей марийский литературовед С. Я. Черных. К сожалению, отсутствие соответствующей лингвистической подготовки помешало С. Я. Черных дать правильные этимологии марийским антропонимам. Например:

1. *Кожа*—м. и., *Кождемыр* — м. и. (*демыр*<тат. *тимер* «железо»). Связывает с марийским аппелятивом *кож* «ель» (Черных С. Я.— ВМО 66), хотя в действительности же оно в мар. яз. представляет тат. заимствование. Ср. *Кажбулат* 1735 г.— башкир (Вельям.-Зернов В.— ЗАН 1864, № 6, с. 12)<*булат* «сталь». С тем же начальным композитом этимологически связано *Кажай Л* (пос. Советск) — м. и., *Кожаев Л.* (д. Кельмаксола) — ф. (:Н. В. *Кожаев* — известный мар. журналист).

Каж: Кажбулат (Кож: Кождемыр) в тюркские языки проник из иранского источника, ср. *ходжа* (Гаф. А. ЛК 234) «господин, наставник».

2. Таким же образом татарского происхождения *Уанай Л*—ж. и. (Кон. А. Ф. ТУ 99) превращается в мар. антропоним *ӱй гай ныжылге* «мягкое, приятное как масло» (Черных С. Я.— Ончыко, 1972, № 2, с. 100)— *ӱй* «масло». Этимологически восходит к тат. аппелятиву *юан* «полный (о человеке)»+уменьш.-ласкат. суф. *-анай.*

3. С легкой руки его ираноязычный компонент *кар* «город»: *Кукарка* — прежнее назв. г. Советск (Киров. обл.) превращается в мар. *корка* (с. 94) «ковш»: *кугу корка* «большой ковш»>*Кукарка* — урбоним?

По этим соображениям вызывает сомнение попытка выделения С. Я. Черных древнемарийского пласта антропонимики. Вероятно, время любительского сбора и этимологизации каких бы то ни было лингвистических фактов, что обычно бывает в начальной стадии становления науки, кануло в прошлое... В настоящее время исследователь должен иметь не только факты, должен знать не только историю изучаемого языка, его диалектов, народа, но и должен быть глубоко осведомленным в истории, этнографии, археологии, антропологии других соседних языков, в том числе, как совершенно справедливо отмечает известный финно-угровед И. С. Галкин (—ЭСМЯ I, с. 3), в огромной научной литературе вообще.

Конечно, неточности были и могут быть. Ср. в статье «Старинные мордовские имена» (Литературная Мордовия. Саранск, 1961, № 25, с. 111—114) выделяющийся своими исследованиями этнограф Н. Ф. Мокшин приводит целый ряд имен, которые, по его мнению, соб-

ственно мордовского происхождения. Например: *Кудай, Кудас, Кудаш* — м. и. — этимологически якобы связаны с морд. аппелятивом *куда* «дом», осложненным теми или иными суффиксами. Они встречаются как в марийском, так и в чувашском языках как татарское заимствование: чув. *Кудекей* (Магн. В. К.— ИОАИЭ 1905, т. XXI, в. III, с. 53), тат., *Кудайбергенов* при аппелятивах *кот* «счастье; душа, дух», *биргән* «дал (а, о)». *Кудас* трудно отделить от русск. *кутáс* «шнур на кивере, кисть, веревочка на шее с колокольчиком», укр., блр. *кутас* «кисть», др.-русск. *кутазъ* «кисть». 1589 г. Заимств. из тур. *kutas* (Фасмер М. ЭСРЯ II, с. 433) «украшение на голове», *kutaz* «украшение, навешиваемое на шею лошади; украшение для головы». С русск. *кудас* связана *Кутасов* Л (с. Кокшамары) — ф.

То же касается ряда положений Т. И. Тепляшиной (АМПЯ 55). Например: *Асылко Низнегов сын Кайсин*, у него дети Олешка 1 1/2 года, *Силка* 10 недель, 1615 г. Этимология имен у Т. И. Тепляшиной:

Асылко может происходить из тюркского *асыл* «драгоценный» и из общепермского *ас-* «утро» (с. 30).

Кайсин — *Кайса* < *Кайсы* < коми *кайсы* «щегол» (с. 31).

Силка < *Силь* < коми *силь* «птичка, курица» (с. 33).

Примечательно то, что почти все эти имена, приведенные и этимологизированные Т. И. Тепляшиной, встречаются не только в марийском, но и в других языках народов Среднего Поволжья, Урала, Центральной России. А это дало бы повод для рассуждений о пермских заимствованиях в русском и других языках Восточной Европы... Вернемся к тем же антропонимам:

1. *Асылко* < *Асыл* + русск. *-к(о)* следует рассматривать только как тат. проникновение. Ср. *Асыл* — начальный компонент в составе мар. антропонимов: *Асылбай* (*бай* «богач, богатый») — м. и., *Асылбий* (*биби* «госпожа; дама; хозяйка») — ж. и. Восходит к араб. источнику (АТРСЗ 25).

2. *Кайсин* < *Кайса* + русск. *-ин*. Ср. *Кайсан* Темьян «Демьян Кайсанович» — настоящее имя и отчество известного марийского ученого В. М. Васильева В (д. Сус-Эбал.), что связано с принятием христианства будущим выдающимся марийским ученым при поступлении в Казанскую духовную семинарию. Сюда же сле-

дует отнести русск. *Кайса: Кайса* Дмитрий, воевода, 1438 г. (Вес. С. Б. Он. 131). Все эти имена марийского, коми и русского языков через татарское посредство восходят к арабско-еврейскому *Гайса* (Гаф. А. ЛК 175) — м. и.

3. *Силка*<*Сил*+русск.-*к(а)*. Русское проникновение. Ср. *Сила*—представляет ласкат. вариант имен: *Павсилип, Силан, Силуан* — м. и.; *Василла* (Петр. Н. СРЛИ 356) — ж. и. Ср. мар. *Силин Л* (д. Ильпанур) — ф.

Отсюда и вывод об общепермской основе антропонимической системы удмуртов, коми и коми-пермяков несколько следует пересмотреть. Принципы номинации и типологическая структура не только волжско-пермских языков, стоящих в едином волжско-камском географическом ареале, но и ряда других народов Восточной Европы весьма сходны между собой. Они отражают результат взаимодействия языков различных типов в ходе исторического развития. На последнее указывает и обычай давать имена детям.

У марийского народа в прошлом существовал обычай называть своих детей именами, образующими по определенным формальным признакам своеобразный цельный антропонимический ряд, называемый в науке, как обычно, антропонимической серией. «Антропонимическая серия — это группа имен, характеризующаяся общностью аффиксации (все имена имеют один и тот же префикс или суффикс) или формально совпадающая какими-то одинаковыми сегментами имени и использующихся в пределах одной и той же семьи для наречения детей (братьев или сестер)»,— совершенно справедливо отмечают исследователи Л. И. Ройзензон, А. И. Исаев (—ТСУ НС 1971, в. 214, с. 39). Она в марийской антропонимике проявляется в следующем: имена детям одной семьи даются с учетом созвучности начальных или конечных частей имени ребенка с именем отца, матери или старших братьев и сестер. Например: *Абдулла Алыксандр* В (д. Староарзамат.) «Александр Абдуллович», *Сайфулла Серге* В (д. Б.-Кельтей) «Сергей Сайфуллинович», *Шайбак Шаяхмет* В (д. Тынбаево) «Шаяхмет Шайбакович», *Сагида Сания* В (с. Калтаса) «Сания Сагидовна», т. д. Иными словами, поэтическая ритмика в имяслове мари суще-

ствовала и она проявлялась по-своему. По всей вероятности, такая традиция сложилась под влиянием тюркских соседей, так как антропонимическая традиция широко представлена во всех тюркских языках. В настоящее время антропонимическая серия продолжает нарушаться не без русского влияния, поэтому встречаются полутатарские-полурусские собственные имена. Ср., например: *Айплатов Геннадий Николаевич* Г (д. Шактенважы), *Исиметов Михаил Исиметович* В (д. Н.-Сусадыбаш), *Иванова Алима Ивановна* Л (д. М.-Лебляк), т. д. Часто даются имена умерших или живых родственников, близких и дальных, но отличившихся своими успехами в работе, вообще в жизни. Однако в целом происходит процесс сокращения количества употребляемых у марийцев собственных имен. Нередко в одной и той же деревне, селе мы встречаем несколько Славиков, Юриев, Миш, Саш. В науке идут споры: хорошо или плохо это. «Бьет тревогу И. В. Бестужев, предсказывая кризис имен, при котором все будут носить одинаковые имена; сдержанно его поддерживает Н. А. Белык»,— восклицает известный антропонимист В. А. Никонов (ИИО 1974, с. 252). Унификацию имен одного и того же народа, не говоря уже о соседних народах, вряд ли возможно квалифицировать как положительное явление. Лишь по этим соображениям в «Справочнике личных имен народов РСФСР» (А—Я. М., 1979, с. 263—271) представлены те марийские имена, которые имеют лишь в ряде случаев узко диалектное распространение, но в то же время могли бы быть использованы. Мы далеки от той мысли, чтобы по именам можно было бы определить национальную принадлежность людей, как это предлагают отдельные исследователи (Саадиев Ш. М.— ЛИПНБ 1970, с. 184). Но в то же время «формы имен, лишенные опоры на национальные языки, превратятся в безжизненные и никому не нужные знаки». Поэтому, как справедливо отмечает известный советский лингвист А. В. Суперанская (—ВО 1979, с. 201), «необходимо установить разумные пределы стандартизации».

1. А б а д и л Л, В (У илыш, 1924, с. 32) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Абайдилла* (<араб.: Гаф. А. ЛК 157), букв. «раб Аллаха».

2. А б а к у м о в Г (д. Тепаево), Л (д. Карай) — ф.,

Аввакум XIX в. Л 1891 г. (д. Шургиял Ирмучашск. в. Уржумск. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1788, л. 9) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Аввакум*, разг. *Абакум* (<др.-евр.: Петр. Н. А. СРЛИ 33) — имя библейского царя.

3. Абакыр В (дд. Калмаш, Калтак., Семенк. Калт.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Абубакер* (СЛИН 1979, с. 129), *Абубакир* (<араб.: Гаф. А. ЛК 160) — м. и., букв. «отец молодого верблюда».

4. Аббай В (д. М.-Сухояз. Бир.), *Аббай* В (д. Яндыган.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: аппелятив *аби* «ведущий в игре» + зват. суф. *-ай*.

5. Абдрахманов В (д. Тюльди) — ф. Заимств. из тат. яз.: (башк.) *Абдрахман* (СЛИН 1979, с. 129) < араб. *Абдуррахман* (Гаф. А. ЛК 159) — букв. «раб Милостивого (Аллаха)».

6. Абдраш В (д. Кушкеть Ципьинск. в. Малмыж. у. Вят. губ., 1891 г.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1701, л. 9) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Абдрашит* (СЛИН 1979, с. 129) <араб. *Абдуррашид* (Гаф. А. ЛК 159), букв. «раб Наставляющего (Аллаха)».

7. Абдрей В (д. Акборис).— м. и., *Абдреев* В (д. Пектыш Шаран. в.: У илыш, 1924, № 9, с. 44; дд. Акборис., М.-Буляр) — ф. Заимств. из тат. яз.: «*Абдрей* Ибраев — татарин, сподвижник восстания Е. И. Пугачева, 1773 г. (ДСППВ 1975, с. 329) <араб. *Абдур* (Гаф. А. ЛК 159).

8. Абдул В 1891 г. (д. Черем. Посенур Уржумск. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1676, л. 9), В (д. М.-Ерыкса Елабуж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1634, л. 9) — м. и., *Абдул* Л (МИ 1950, с. 5) — имя сказочного царя, *Абдула* В (д. Н.-Татья), *Авдул* Л (д. Кужмара Зв.), *Аптул* В (д. Ново-Дюртюк.), *Аптыла* В (д. Н.-Татья) — м. и., *Абдулов* В (дд. Калтак., Староарзамат.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Абдулла* (СЛИН 1979, с. 129) <араб. (Гаф. А. ЛК 158), букв. «раб Аллаха».

9. Абдулвалей В (д. Калмиябаш), *Абдулвали* В (дд. Маг.-Алм., Т.-Елга) — м. и., *Абдулвалиев* В (д. Янтимир.: Ямде лий, 1973, 14 июля, с. 4) — ф. Заимств. из тат. яз. *Абдулл* (см. выше) + *Вали* (<араб.: Гаф. А. ЛК 173), букв. «святой, угодник; близкий».

10. Абдулгалимов В. (дд. В.-Иван., Васило-

во) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Абдулгалим, Абдулхалим* (Гаф. А ЛК 159)<араб., букв. «раб Мягкосердечного».

11. Абдулгани В (д. Н.-Кульчуб., Кузеево Балт.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Абдул* (см. выше)+*Гайний* (<араб.: Гаф. А. ЛК 176), букв. «торжество раба Аллаха».

12. Абдулгäрäй В (д. Ст.-Яш) — м. и., *Абдулгареев* В (д. Кадряк.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Абдул* (см. выше)+*Гарай* (СЛИН 1979, с. 71).

13. Абдулла В (дд. Бабаево Калт., Калтак., Маняк) — м. и., *Абдуллин* В 1891 г. (д. Пукшинеры Малмыж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1702, л. 9) — ф. Заимств. из тат. яз., см. *Абдул.*

14. Абдулман В (д. Бабаево Калт., Изимарино, Тынбаево), *Абдульман* В (Алонз.— Алонз., свящ.— ПКОГ 1865, с. 6), *Аптылман* В (д. Тынбаево) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Абдулманнан* (<араб.: Гаф. А. ЛК 158), букв. «Раб Щедрого (Аллаха)».

15. Абдульман В — м. и., см. *Абдулман.*

16. Äбзий В (д. Н.-Иван.) — м. и. Заимств. из тат. яз.— вероятно, от аппелятива *äбзи* (ДСТЯ 439) «старший брат», если не представляет усеченный вариант *Äбузäр* (СЛИН 149) — м. и.

17. Абзялилов В. (д. Тогашур Малмыж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф.— 574, оп. I, ед. хр. 1701, л. 9) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Абзал* (СЛИН 1979, с. 139) — м. и.

18. Абигечев: *Абигечев* Кюгеш Г, 1670 г. (Порф. С. И. РКК 1916, с. 69) — ф. Заимств. из тат. яз.: *äби* «ведущий в игре»+*геч* «?».

19. Абкадыров В (Ст.-Васьк.), *Äпкäдыр* В (д. Маядык), *Апкадыр* В (с. Калтаса) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ап* «очень»+*кадер* «почет, честь; уважение, почтение» при араб. *Кадир* (Гаф. А ЛК 197) «всемогущий».

20. Абкай~*Апкай* В (с. Мишк.) — м. и. На тат. характер происхождения его указывает присутствие в данном антропониме ласк. суф. *-кай (-кäй)*, что дает основание усматривать в начальном компоненте рассматриваемого имени тат. (тюрк.) *абу* (<араб.: Гаф. А. ЛК 30) «отец».

21. Абкалеп В (д. Еммет.), *Äбкäлüп* В (дд. Искуш, Маядык) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Абу* (см. *Абкай*)+*Хäлеп* (СЛИН 1979, с. 147) — м. и.

22. Абкäни В (дд. Маг.-Алм., Староарзамат., Т.-Елга) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Абу* (см. *Абкай*) + *Гайни (Гани)*, см. Абдулгани.

23. Абла: *Абла он* В XVI в. (д. Акмазик. Шурмин. р. Киров. обл.: Акц. В. ТМОВ 126) — мар. князь (*он* «вождь»); *Абла* Л (д. Мустаево) — один из основателей мар. д. *Абленки,* то же м. и. — в составе микротопонимов как на территории Мар. АССР, так и Башкирии. Заимств. из тат. яз.: *Аблай* — татарский мурза, Сибирь, 1616 г. (Фирсов Н. А. — ИУЗКУ 1866, в. III, с. 248). Ср. *Аблай корем:* ЭСМЯ I, с. 33.

24. Аблек В (д. Василово) — м. и. Заимств. из тат. яз., см. *Аблекаев.*

25. Аблекаев В (д. Василово) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Аблей* [*Аблаев* (—татарин, 1774 г., Уфа (ДСППВ 1975, с. 328)] + ласк. суф. *-кай (-кäй).*

26. Аблик В (дд. Василово, Актуг. Калт.) — м. и. Представляет усеченный вариант формы *Абликäй* (см.).

27. Аблинов Л — широко распространенная среди марийцев Куженер., Серн., Новоторъяльск. рр. ф. Русское оформление от мар. *Абли* В (д. Актуг. Калт.) — м. и., см. выше. Ср. *Аблей Аблаев* — татарин, сподвижник Е. И. Пугачева, 1773 г. (ДСППВ 1975, с. 328), *Аблий* — назв. ключа в Белебеевск. у. Уфим. губ. (Бесс. А. Г. — ЗООРГО 1881, в. IV, с. 142).

28. Абрай В 1891 г. (д. Бима Елабуж. у. Вят. губ. — ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1631, л. 9; д. М.-Сарамак Кизнер.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Äбрар* (СЛИН 1979, с. 149).

29. Äбрäкäй В (дд. Маядык, Мешерово) — м. прозвище. Заимств. из тат. яз. — восходит к аппелятиву *äбрäкäй* «уборная», см. *äбрäкäй* (ЭСМЯ I, с. 33).

30. Абраров В (д. Чемаево) — ф. Заимств. из тат. яз., см. *Абрай.*

31. Абраси Л (д. Нурмучаш Волж.) — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима: *Абраси олык* — назв. луга (*олык* «луг»). Заимств. из русск. яз.: *Обраслан* Федорович Тушин-Квашнин, XVI в., Моск. губ. (Вес. С. Б. Он. 225); *Аброся* — ласк. вариант имени *Амвросий* (Петр. Н. А. СРЛИ 237).

32. Абратов В (д. Василово) — ф., *Äбрäт* В (д. Актуг. Калт.) — м. и. Заимств. из тат. яз. — восходит к аппелятиву *äврäт* (Радлов I, с. 935) «пример, образец».

33. Абросимов Л 1891 г. (д. Черем. Лебляк Ирмучаш. в. Уржум. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1788, л. 9) — м. и. Заимств. из русск. яз.: д. *Абросимовская* в Нолинск. у. Вят. губ. (МПСВГ т. V, Нолинск. у., с. 87) от имени одного из основателей *Абросим* — ласк. вариант м. и. *Амбросий*.

34. Абсадек В (с. Мишк.), *Абсäдик* В (д. Ирсаево), *Апсадек* В (д. Староарзамат.), *Апсäдек* В (д. В.-Сорок., с. Калтаса) — м. и. Заимств. из тат. яз.— вероятно, сращение *Абу* (см. *Абäкыр*)+*Садек* (СЛИН 81) — м. и.

35. Абсаликов В (д. Еммет.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Аб* (:*Абсäлам* — СЛИН 1979, 148)+*Салих* (СЛИН 142) — м. и.

36. Абсалямов В (д. Еммет.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Абсäлам* (СЛИН 1979, с. 149) — м. и.

37. Абсатар В (дд. Ирсаево, Маядык, М.-Буляр, Тынбаево) — м. и.. Заимств. из тат. яз.— вероятно, восходит к аппелятиву *алып-сатар* «спекулянт, перекупщик»: прозвище→м. и.

38. Абхаликов В (д. Еммет.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Аб*+*Халек* (<араб.: Гаф. А. ЛК 233) — м. и.

39. Абыкай В (дд. Н.-Васьк., Н.-Кульчуб.). *Абыкий* В (дд. Искуш, Маядык), *Авыкай* (д. Чормак) — м. и. Заимств. из тат. яз.— представляет редуцированный вариант имени *Абукай* (см. ЭСМЯ, с. 34).

40. Абыска В (д. М.-Сарамак)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Абусаид*+русск. *-ка* или тат. ласкательн. формант *-кай (-кäй)*.

41. Абыш Л 1630 г. (Каб. А. К.— ДНАУК Сб. III, вып. III, с. 10), *Абыш* В (д. Н.-Васьк.), *Авыш* В. (д. Староарзамат.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Абу* (см. *Абукай*)+суф. *-ша*, если он не представляет усечение ласк. варианта имени *Абдыш*: *Абдулла (Абдыш)* 1740 г. (МПИ БАССР, ч. I, с. 558) — тобольский татарин. Или вообще восходит к аппелятиву (башк) *абышка* «вдовец (в обращении к нему второй жены)».

42. Абъял *(Абъйал)* В (д. В.-Иван.), *Абъйали* В (дд. Бабаево, Калмаш, с. Калтаса) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Аб* «?» (возможно из *Абу*, см. *Абукай*)+*Ямали* (СЛИН 1979, с. 149) — м. и.

43. Авай В (д. Яндыган.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Аба* (см. *Ава*)+вокатив. формант *-(а)й*.

44. Аванаев В (Ялк. Я. КК 174) — ф. Заимств. из тат. яз. Представляет собой ласкательн. вариант имени *Аба* (см. *Ава*) + суф. *-анай*.

45. Авахон Г (д. Усола) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Авахон*.

46. Аввакум Л (д. Шургиял Ирмучаш. в. Уржум. у. Вят. губ.—ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1788, л. 9) — м. и. Заимств. из русск. яз. (см. *Абакумов*).

47. Августа Л (дд. Ашламаш, Лавраенер, Сергуш.), *Августи* Г (д. Еник.), *Афгусти* Г (д. Усола) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Августа* от *Август* (<лат.: Петр. Н. А. СРЛИ 34), букв. «величественный, священный».

48. Авдеев Л (д. Чодраял Волж.) — м. и. Заимств. из русск. яз. Ср. д. *Авдеево* в Солигалическ. у. Костр. губ. (СНМКГ 1908, с. 249), в котором имя одного из основателей селений восходит в свою очередь к тат. источнику, см. *Абдаево:* ЭСМЯ I, с. 32.

49. Авдий В (дд. Бабаево, Тынбаево) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Авдий* (<др.-евр.: Петр. Н. А. СРЛИ 34; Хавский МКС 1856, с. 1), букв. «раб, слуга».

50. Авдикий Г (д. Саутк.) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Авдикий* (<лат.: Петр. Н. А. СРЛИ 35) — м. и., букв. «отрицающий, отказывающий».

51. Авдония Г (д. Саутк.) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Авдоня* (<др.-евр.: Петр. Н. А. СРЛИ 35), букв. «служитель, рабыня».

52. Авдори Л (дд. Н.-Вершн, Янык.) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Афиндор* (<греч.: Петр Н. А. СРЛИ 61).

53. Авель Л (СЕНМЯ 1906, с. 80) — божество. Заимств. из русск. яз.: *Авель* (<РСИ 1912, с. 12) — м. и., сын Адама и Евы.

54. Авенир Г (д. Зап.-Пертн., Кожланг.) — м. и., а также прозвище мужчин. Заимств. из русск. яз.: (ПКВГ 1870, с. 32<др.-евр. (Петр. Н. А. СРЛИ 35).

55. Аверки Л (д. Сергушк.), Г (дд. Алешк. Красн., Кожланг., Мазик., Усола, Шерекей) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Аверкейко* 1646 г.— житель г. Яранска Вят. губ. (ЯП 1646 г.— ГАКО, ф. 170, оп. I, ед. хр. 97, л. 2), д. *Аверкиево* Псковск. губ. (Васильев И. И. ОСГСПУ 1882, с. 8<лат.; Петр. Н. А. СРЛИ 35—36).

56. Аверьян Л 1891 г. (д. Игисола Ирмучаш. в. Уржум. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр.

1788, л. 9), В (д. Кинерь Малмыж. у. Вят. губ.—ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1687, л. 9)—м. и. Заимств. из русск. яз.: Аверьян (<лат.: Петр. Н. А. СРЛИ 35—36).

57. Авес Л—м. и., сохранившееся лишь в составе гидронима *Авеснур* Л (д. Мустаево), где последний компонент восходит к аппелятиву *нур* «поле». Заимств. из русск. яз.: *Авсей* ~ *Абсей*—ласк. варианты *Евсевий* (Петр. Н. А. СРЛИ 105)—м. и.

58. Авзи В (д. Кайрак.)—м. и., *Авзи* Л (д. М.-Кошпай)—прозвище. Заимств. из тат. яз.: *Авыз* (Гаф. А ЛК 160)—м. и.

59. Авив Г (д. Саутк.)—м. и. Заимств. из русск. яз.: *Авив* (<др.-евр. Петр. Н. А. СРЛИ 36), букв. «время, когда начинают созревать колосья».

60. Авидә В (дд. Айгильд., Ивачево, Маядык, Чишма, Шелкан.)—ж. и. Заимств. из тат. яз., см. *Абида*.

61. Авли В (дд. Бахтыб., Кайрак.)—м. и. Заимств. из тат. яз., см. *Абла*.

62. Авон Г—м. и., сохранившееся лишь в составе лимнонима *Авонъяр* (Станк. С. ОФГ 1936, с. 109)—озеро около Рутки Мар. АССР (*яр*<*йар* Г «озеро»). Заимств. из русск. яз.: *Авдон* (Петр. Н. А. СРЛИ 35).

63. Автономов Л (дд. М.-Кошпай, Ильпанур)—ф. Заимств. из русск. яз.: *Автономов* (КПКВГ 1893, с. 15), *Автоном* (<греч.: Петр. Н. А. СРЛИ 37—38)—м. и.

64. Авуч В (д. Чишма)—ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Авдуся* (Петр. Н. А. СРЛИ 238)—ласк. вариант и. *Евдокия*.

65. Авӱк В (дд. Калмаш, Усть-Сакла)—м. и. Заимств. из тат. яз., ср. *Абӱгали* (СЛИН 1979, с. 149)—м. и.

66. Авӱс В (д. Чишма)—ж. и. Вероятно, представляет палатализованный вариант и. *Авдуся*, см. *Авуч*.

67. Авча В (д. Чемаево)—прозвище мужчин, *Авчи* Л (с. Ст.-Торъял)—ж. и. Вероятно, восходят к русск. *Авдуся*, см. *Авуч*.

68. Авызи Г (д. Саран.)—м. прозвище. Вероятно, восходит к аппелятиву *авызи* Г «неряха, нечистоплотный; грязный человек», см. *авызи*: ЭСМЯ I, с. 42.

69. Авылаз В (д. Н. Васьк.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Абулфазл* (<араб.: Гаф. А. ЛК 160), букв. «превосходный».

70. Авыш Л (д. Ирмучаш) — м. и. Тот же антропоним представлен в составе микротопонима *Авыш лук* В (д. Иванк. Суксун.— МДЭ МарНИИ—61, № 100, с. 78) — назв. изгиба реки (*лук* «изгиб, поворот, угол»). Ср. калмыц. *Абуш* 1735 г. (Добросмыслов А. И. МПИР 1900, т. 2, с. 26). Заимств. из тат. яз., см. *Абыш*.

71. Авышка — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Авышка корем* Л (д. Пинжан-Кукморь: *корем* «овраг», МДЭ МарНИИ—75, № 150, л. 15).

72. Агави Г (дд. Апшакб., Кожлананг., Саран., Сермянанг., Шерекей), Л (с. Курак. Пар., дд. Передовик, Приустье-Мушки, Б. Торешкибар), *Агапи* В (д. Н.-Татья) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: Агафия (<греч.: Петр. Н. А. СРЛИ 39), букв. «добрая, хорошая».

73. Аганин Л (к-з Мичурин Оршан.)—ф. Заимств. из русск. яз.: *Аганя* — ласк. вариант м. и. *Агафон* (< греч.: Петр. Н. А. СРЛИ 239, 38—39), букв. «благо, добро». Антротопоним (ойконим) *Аганино* (поч. Леметовский) в Яран. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1828, л. 9)].

Вероятно, к тому же корню (антропониму) восходит и гидроним *Аганаш* при д. Кушнур Юледурск. прихода Уржум. у. Вят. губ. (Там же, д. 771, л. 25) <*Аган*+ мар. суф. *-аш*.

74. Агапон Л, В (Мар. кал. 1920, с. 4) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Агапон*—просторечн. форма и. *Агафон* (<греч.: Петр. Н. А. СРЛИ 38—39), букв. «благо».

75. Агаче В (д. Сосново) — ж. и. Вероятно, представляет усеченный вариант *Айгалче* — ж. и. (см.).

76. Агелде — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Агелде* Мунар В (д. Актуг. Калт.) — назв. луга. Заимств. из тат. яз.— см. *Айгелде*.

77. Агенор Г (с. Еласы) — м. и. Происхождение неясно. Возможно, восходит к русскому источнику, хотя в то же время весьма трудно отделить от тюрк. (тат.) *Агил* (Гаф. А. ЛК 161) — м. и. и композита *-нур* (тат. «луч; сияние, блеск»), широко представленного в тат. именах.

78. Агеносов Г (д. М.-Сундырь) — ф. Заимств. из русск. яз.; *Агеносов* (Ник. В. А.— Этим. 1971, с. 216). Вопреки В. А. Никонову (Указ. соч., 216), мы этимологически связываем с др.-греч. *агеннос* «подло, низко»: прозвище → м. и.

79. Аги — псевдоним мар. журналиста-переводчика 20—50 гг. (Ким Васин. ПМЛ 9), *Аги* (Мар. кал. 1920, с. 8), *Агий* В 1883 г. (Еруел. П. ЧРС 9; д. Бима Елабуж. у. Вят. губ., 1891 г.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1631, л. 9); Л, В (Карм. Г. МИ 1929, с. 108), *Ӓгий* В (д. Сус.-Эбал.) — м. и. Заимств. из тат. яз., см. *Агибеков*, вопреки нашему предыдущему объяснению (*Агий*: ЭСМЯ I, с. 46) как возможно русское проникновение.

80. Агибеков 1678 г. Л (дд. Пинжан-Кукморь, Шали: Архив Айпл. Г. II, с. 428). Заимств. из тат. яз.: *Агида* (<араб.: Гаф. А. ЛК 161, букв. «вера») + *бек* (ЭСМЯ I, с. 211) «князь, господин».

81. Агитан 1804 г. (Ляжск. в.— ЦГАДА, д. 1355, оп. I, № 357, л. 32) — м. и., сохранившееся лишь в микротопонимике *Агитан Помаш* — назв. родника (*памаш* «ключ, источник, родник»).

Вероятно, вычленяется суф. род. п. *-н*, что дает возможность этимологически связать корень *Агита* с тюрк. *Агида (Акида)* — м. и., см. *Агибеков*.

82. Ӓглӓй В (д. Оръебаш) — м. и., *Агляев* В (д. Н.-Качмаш) — ф. при *Акля* Л (д. М.-Билям.) — м. и. Допустимо предположение как о тат. проникновении *Агиль* (*Акиль* — м. и.: Гаф. А. ЛК 161), так и об их русском характере, ср. *Аглай* (<греч.: Петр. Н. А. СРЛИ 40), букв. «блистающий, великолепный». Могло быть наслоение русского варианта на заимствованное из тат. яз. м. и.

83. Агляр — ложный антропоним в составе микротопонима *Агляр карем* Г (*карем* «овраг»), *Агляр шӧргӧ* Г (*шӧргӧ* «лес»). Распадается на *Аглай* — м. и., см. *Аглӓй* и *йӓр* Г «озеро».

84. Агни Г (дд. Алешк. Красн., Еник., Усола, с. Еласы), В (д. Н.-Кульчуб.) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Агния* (<греч.: Петр. Н. А. СРЛИ 40), букв. «чистая, непорочная».

85. Агнидӓ Г (д. Сермянанг.) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Агнида* — ласк. вариант и. *Агния*.

86. Агниса В (д. М.-Буляр) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Агнесса* (<греч.: Петр. Н. А. СРЛИ 40), букв. «чистая, непорочная».

87. Агнок В (д. Н.-Кульчуб.) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Агн* (Петр. Н. А. СРЛИ 40) — м. и. в ласк. форме (суф. *-ок*).

88. Агран Л 1891 г. (д. Яндимир. Ирмучаш. в. Уржум. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1788, л. 9) — м. и. Заимств. из русск. яз., ср. *Граний* (Петр. Н. А. СРЛИ 274) — м. и.

89. Аграннна Л (д. Веткина Серн.) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: представляет ласк. вариант ж. и. от *Агран* (см. выше).

90. Аграфи, *Аграфена, Аграфина* — офиц., разг. *Кропинä* Г (дд. Алешк. Красн., Паулк. Пертн.), *Крепинä* Г (дд. Саутк., Шерекей), *Кырпина* Л (дд. Ирмучаш, М.-Лебляк), *Кропиня* Л (Пинжан-Кукморь), *Кроп'ись* Л (д. Кр.-Яр), *Ко́пис* Л (д. Челыкино), *Крапиня* Л (д. Б.-Шигак) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Аграфена, Агриппина, Грипа* (Петр. Н. А. СРЛИ 41) — ж. и.

91. Агри Л (д. Нижняя) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Агрикола* (<лат.: Петр. Н. А. СРЛИ 40), букв. «земледелец».

92. Агу В (д. Редьк.) — м. и. Заимств. из тат. яз., на что указывает морд. антропоним *Агудай* (УПТМН 1963, т. I, с. 317) с конечным компонентом *-дай (-тай)* алт., тел., леб., сагай. (Горд. Ф.—ВМЯ 1968, с. 23) «дядя по матери». Основной композит следовало бы сопоставить с тат. аппелятивом *агу* «яд, зелье, отрава».

93. Агутан — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонимов: *Агутан корно* Л (д. Инерымбал: МДЭ МарНИИ — 75, № 148, л. 26). Восходит к *Актуган,* заимств. из тат. яз. (см. *агытан* III: ЭСМЯ I, с. 49).

94. Агызык — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Агызык лук* (д. Н.-Помъялы — лук «изгиб, поворот; угол»). Вероятно, заимств. из тат. источника, на что указывает анлаутный компонент *аг<ак* «белый».

95. Агычев Л (д. М.-Китня: МДЭ МарНИИ — 53, № 36, л. 13) — ф. Представляет редуцированный вариант ф. *Агачев* (см. *Агач:* ЭСМЯ I, с. 45).

96. Ада Л (д. Пуял.), В (д. Редьк) — м. и. Заимств. из тат. яз. (см. *Адай:* ЭСМЯ I, с. 50), вопреки Г. Ф. Саттарову (Авт. д/д 30), усматривающему в тат. ойконимах *Адай (Адаево)* Актанышск. и Кукморск. рр. ТАССР др.-тюркское слово *адай* «птенец; перен. дитя, птенчик», хотя в современных татарских словарях лексемы с таким значением не зафиксировано.

97. Адам Л (д. Данилк.) — м. прозвище, В (д. М.-

Возж.: МДЭ МарНИИ—61, № 92, тетр. 1, л. 37) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Адам* (<др.-евр.: Петр. Н. А. СРЛИ 41) — м. и., букв. «человек».

98. Адемаско Г 1646 г. (СНУАК 1913, т. XV, в. III, с. 11) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ада* (см. *Ада:* ЭСМЯ I, с. 50) «отец; дед»)+каритивн. формант *-мас* «не, без»+русск. *-ко.*

99. Адемыр В (д. Б.-Карзи Свердлов. обл.: МДЭ МарНИИ—60, № 70, л. 47) — сказочный герой-мужчина, Адемыр В (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у., 1897 г.— РФ НБ КУ, № 1406, № 1, л. 9) — м. и. Представляют вариант имени *Айдемыр,* заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*темир* «железо» (см. ВМО, 1978:76).

100. Адиäт В (д. Кузеево Балт.), *Ädият* В (д. Н.-Иван.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Хади* (<араб.: Гаф А. ЛК 233) — м. и.

101. Адиганов Л (д. Лужалу) — ф., также И. *Адиганов*—мар. поэт 20-30 гг. (Черных С.—Мар. комм., 1975, 31 янв., с. 4), *Одыган: Одыган тукым* В (Шурма Киров. обл.: Акц. В. А. ТМОВ 150) — родовое назв. (*тукым* «род; поколение»). Вероятно, заимств. из тат. яз., на что указывает конечный компонент *-ган,* представляющий суф. причастия наст. вр. *-ган (-гäн).* Не образование ли от глагола *ату* «стрелять, стрельнуть, выстрелить»?

102. Адмеке Л — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Адмеке куп* Л (с. Исменцы) — назв. болота (*куп* «болото»). По-видимому, восходит к тат. *адым* «шаг, поступь»+суф. *-мек.* Ср. *тере* «живой»+*-мек* (Ганиев Ф. А. ССТЛ 184) — «бойкий».

103. Аднäвикä В (д. Марино Илиш.), *Аднавыка* В (д. Кузеево Балт.), *Атнави* В (д. Ирсаево) — ж. и. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятивам *атна* «неделя» (первоначально «пятница», ср. *атнакич* «четверг», *атнакöн* «пятница»)+*бикä* «госпожа, барыня; хозяйка», букв. «родившаяся в пятницу».

104. Адис В (д. Кузеево Балт.) — м. и. Вероятно, заимств. из русск. яз., ср. *Адонис* (<лат.: Петр. Н. А. СРЛИ 41; Михельсон СТИС 1861, с. 7) — м. и., букв. «имя финикийского бога».

105. Адрäш В (дд. Маядык, Н.-Сорок., Сосновк. Мишк.) — м. и., *Адрашев* В (д. Сосновк. Мишк.) —

ф. Заимств. из русск. яз.: *Адряшка* (Петр. Н. А. СРЛИ 241) — ласк. вариант м. и. *Адриан.*

106. Адуся В (д. Киебак), *Адӱсь* В (дд. Искуш, Маядык), *Адыся* В (д. Актуг. Калт.) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Адуся* (Петр. Н. А. СРЛИ 241) — ласк. вариант ж. и. *Аделаида.*

107. Адӱк В (д. Чишма) — м. и. (<*Адюк*). Заимств. из русск. яз.: *Адька* (Петр. Н. А. СРЛИ 241) — ласк. вариант м. и. *Авдей.*

108. Адылкай В (д. Чупаево) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ӓдил* «справедливый, честный»+ласк. суф. *-кай (-кӓй).*

109. Адӹлшӓ В (дд. Маядык, Н.-Сорок., Староарзамат.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ӓдил* (см. *Адылкай*)+суф. *-ша (-шӓ*). Ср. *хатын* «жена, супруга; женщина; дама» и *хатынша* (Ганиев Ф. А. ССТЛЯ 130) «обабившийся мужчина».

110. Адӹмшӓ В (д. Рефанды) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Ӓдӹм* «?»+суф. *-шӓ (-ша)*, ср. *Адӹлшӓ.*

111. Адылӣӓн В (дд. Аккуб., Еммет., М. Ярмино, Маядык, с. Калтаса) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ӓдил+жьан* «душа, дух».

112. Адымаш — м. и., сохранившееся в составе мар. ойконима *Мари-Адымаш (Йыр)* Л и вторичное, образованное по месту расположения в соседстве с марийцами, *Русский Адымаш (Руш Адымаш)* в Морк. р. Заимств. из тат. яз.: *Адым* (аппелятив *адым* «шаг, поступь»+суф. *-аш*). Ср. тат. *туташ* «барышня» от *тута* (Ганиев Ф. А. ССТЛЯ 139).

113. Адыра — м. и., сохранившееся лишь в составе гелонима *Адыра куп* Л (д. Сергушк.— *куп* «болото»). Заимств. из тат. яз., см. *Адыркан* (ниже).

114. Адыркан В (д. Шелкан.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *адыр* «?»+*хан* «хан». Ср. *Аюхан* (СЛИН 1979, с. 130) — м. и.

115. Адырман Л (д. Кукмари) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Адыра* «?»+суф. *-ман*, ср. *чытырман* (Ганиев Ф. А. ССТЛЯ 128) «чащоба» от *чытырдау* «трещать хрустеть» с помощью суф. *-ман (-мӓн).*

116. Адӹрша В (д. Сосновк. Мишк.) — м. и. Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный компонент *-ша,* см. *Адӹлшӓ.* Поэтому основной компонент этимологически может быть увязан с *Адрӓш* (см.).

117. Адыш В (с. Мишк.) — м. и. То же представлено и в составе как мар. микротопонимов [*Адышевский шӹргӹ орол том* в Юксарск. кусте Горномар. р. Мар. АССР (РФ МарНИИ — 65, д. 275, оп. 2, № 9, л. 9), букв. дом лесной охраны *Адышево*], так и русских географических названий: с. *Адышево,* рч. *Адышевка,* займище *Адышевское* в Орловск. у. Вят. губ., (МПСВГ, т. III, Орловск. у., ч. II, с. 214, 52).

Вполне возможно, что мар. вариант восходит к русскому источнику, а последний представляет тат. заимствование — от аппелятива *атыш* «стрельба, перестрелка», «стрелок», так как суф. *-ыш (-ш, -еш)* характерен только для тюркских отглагольных существительных.

118. Азза (СЕНМЯ 1906, с. 16) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Азза, Аза* (<др.-евр.: Петр. Н. А. СРЛИ 42) — м. и., букв. «сильный, крепкий».

119. Азямбай В (д. В.-Иван.) — м. и. Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный компонент *бай,* см. *Адылбай.*

120. Азвай В — м. и., сохранившееся лишь в составе ойконима *Азвай* — мар. наимен. мар. д. *Азбаев ключ* Малмыж. р. Киров. обл .(МДЭ МарНИИ — 59, № 72, л. 9). Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный компонент *-вай* <*-бай,* см. *Адылбай.* Ср. *Азвяк* (Миллер Вс. ОРНС 1910, т. II, с. 68) — татарский царь.

121. Азет В (д. Шорабаш Мамсин. в. Казан. у., 1897 г.:Износк.И.А.—РФ НБ КУ, № 1406, л. 9) — м. и. Заимств. из тат. яз., что под вопросом сопоставляем с тат. *Газиз* (СЛИН 1979, с. 132) — м. и. от аппелятива *газиз* (<араб.: Гаф. А. ЛК 175) «дорогой, милый; любимый».

122. Азий В (д. Редьк.), *Азьий* В (д. Калмаш) — м. и. Заимств. из тат. яз., с. *Азибей* — м. и. в составе ойконима Татарский *Азибей* (Татар *Ажьбие*) в Мензелин. р. ТАССР.

123. Аистов Л (д. Нуктуж)—ф. Заимств. из русск. яз.— восходит к аппелятиву *аист.*

124. Айалче В (д. Чишма), *Айалче* В (дд. Аккуб., Кузеево Балт., Марино Илиш., Н.-Качмаш, Н.-Кильбахт., Н.-Сорок. Н.-Татья, Рабак, Ст.-Дюртюк, Ст.-Оръебаш, Тӧрсола Балт.) — ж. и. Представляет сложение основ тат. *ай* «луна, месяц» и *алчы* «получатель», см. алче: ЭСМЯ I, с. 92.

125. Айбарс В (д. Маг.-Алм.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: старокыпчакск. *Айбарс* XII в. (Курышж. А. К. ИПЛС 79) — м. и. от аппелятивов *ай* «луна, месяц» и *барс* «барс, пантера».

126. Айбат — м. и., представленное лишь в составе гелонима *Айбат куп* Л (с. Шиньша: МДЭ МарНИИ — 64, № 18, л. 23, *куп* «болото»). Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*бади* (<араб.: Гаф. А. ЛК 168), букв. «прекрасный, лучший».

127. Айбатор — м. и., сохранившееся лишь в составе ойконима Выс. *Айбаторов* 1793 г. (ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, № 407, л. 23). Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*батыр* «герой; богатырь, силач».

128. Айбатыр В (д. Кузеево Балт.) — м. и. Заимств. из тат. яз., см. *Айбатор*.

129. Айбахта В 1891 г. (д. Черем. Гондырь Грахов. в. Елабуж. у. Вят. губ.— ГАКО ф. 574, оп. I, ед. хр. 1634, л. 9) — м. и. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятивам *ай* «луна, месяц» и *бәхет* «счастье, удача».

130. Айбашев В 1891 г. (дд. Бима Елабуж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1631, л. 8; Черемн. Возж. Елабуж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1634, л. 9); В (дд. Бикшик., Ст.-Кульчуб.) — ф., *Айваш* В (д. Н.-Кульчуб.) — м. и. Заимств. из тат. яз.— восходят к аппелятивам *ай* «луна, месяц» и *баш* (Саттаров Г. Ф. Авт. д/д 31) «голова; начало».

131. Айберде В (дд. В.-Иван., Ст.-Дюртюк., Төрсола Балт., Илинстанбек, Маядык, Сосновк. Мишк.), *Айверде* В (д. Ст.-Ямурз. Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятивам *ай* «луна, месяц»+*бирде* «дал(а)».

132. Айби В (дд. Н.-Иван., Ст.-Дюртюк., Төрсола Балт.), *Айвий* В (дд. Анасьаул, Марино Илиш.), *Айвий* В (д. Н.-Качмаш) — ж. и., *Айви* В (д. Кадряк, Н.-Иван., Рабак, Ст.-Яш)—прозвище женщин. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*биби* «хозяйка дома, госпожа».

133. Айбикә В (д. Аккуб.), *Айбыка* В (дд. В.-Иван., Сосновк. Мишк., Ст.-Дюртюк.), *Айвика* Л (с. Кукнур, дд. Олоры, Яшметнольо), В (дд. Бахтыб. Бир., Н.-Иван., Кайрак., Рефанды), *Айвикә* В (д. Маядык), *Айвыка* В 1883 (Ерусл. П ЧРС 9), В (дд. Кельтей, Н.-Кульчуб., Н.-Васьк., Н.-Сорок., Н.-Татья, Ст.-

Ямурз. Балт., Шелкан.) — ж. и., *Айвика* — назв. пьесы мар. драматурга С. Н. Николаева. Заимств. из тат. яз.: *Айбикә,* казах. *Айбике* (Джанузаков Т. Авт. д/д 52) — ж. и. Восходят к аппелятивам *ай* «луна, месяц» и *бикә* (Саттар. Г. Ф. Авт д/д 31) «дама; госпожа».

134. Айболдо В (д. Калмаш) — м. и. Заимств. из тат. яз.—восходит к *ай* «луна, месяц» и *булды* «стало».

135. Айбук В (д. Сосновк. Мишк.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*бук* «?».

136. Айбукеч В (д. Бекмурз.), *Айбыкеч* В (дд. Быхтыб., Ирсаево, Калтак., Маядык, Н.-Качмаш, Н.-Сорок., Рабак, Ст.-Оръебаш), *Айвикеч* В (д. Н.-Васьк.), *Айвыкеч* В (дд. Н.-Иван., Н.-Татья, Рефанды, Ст.-Ямурз. Ст.-Яш), *Айвыгеч* В (с. Мишк.), *Айвӹкеч* В (д. Редьк.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятивам *ай* «луна, месяц»+*бӧгеч* «изгиб».

137. Айвай В (д. Калмаш) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*бай* «богатый; богач; хозяин».

138. Айвас — м. и. сохранившееся лишь в составе гелонима *Айвас куп* Л (Исменцы — *куп* «болото»). Восходит к тат. источнику: *ай* «луна, месяц»+*вас* «?».

139. Айга В (д. Бекмурз.), *Айка* В (дд. Староарзамат., Кайрак.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц» в форме направит. падежа с суф. *-га.* Такого же тат. происхождения русск. пос. *Айга* в Тарногск. р. Вологодск. обл. (ВЛГД обл. АТД 1974, с. 266).

140. Айгаби В (дд. Н.-Дюртюк., Ст.-Ямурз. Балт), *Айгабий* В (д. В.-Иван.), *Айгави* Л (д. Шлань), В (дд. Кузеево, Н.-Кульчуб., Ст.-Оръебаш), *Айгавий* Л (д. М.-Карамасы), В (д. Н.-Иван.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+суф. направит. падежа *-га*+аппелятив *биби* «хозяйка дома, госпожа».

141. Айгалче В — широко распространенное ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+суф. направит. падежа *-га*+*алучы* «получатель».

142. Айгаче В (д. Усть-Сакла)—ж. и. Заимств. из тат. яз.— представляет усечение ж. и. *Айгалче* (см.).

143. Айги В (д. Ст.-Дюртюк.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+направит. падежн. суф. *-га*+вокативн. формант *-и(й).*

144. Айгилов В (д. Ст.-Кульчуб.) — ф., в том числе и в составе ойконима *Айгилово* [в Пилин. в Уржум. у. Вят. губ., 1891 г.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 297,

л. 52)]. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*гилай* (СЛИН 1979, с. 71) — м. и.

145. Айгишев В. (с. Мишк., д. Бекмурз.) — ф., *Айгыш* В (дд. М.-Буляр, Митряево, Н.-Васьк., Новоселки, Н.-Сорок., Ст.-Кульчуб., Сюни, Чебык., Чишма) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*га*—суф. направит. падежа+*иш* «чета, пара; товарищ, друг».

К этому же антропониму восходит чув. ойконим *Айгиши* (чув. *Айкаш*) в Ядрин. у. (Нестер. В. А. НП 1974, с. 68).

146. Айглов Л (д. Н.-Турек: Ямде лий, 1976, 17 июля, с. 3) — ф., антротопоним (д.) *Айглово*—офиц. наимен. мар. д. *Айблат* Л. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+(тюрк.) *огул* «сын».

147. Айгоза В (дд. Айбылат. Бекмурз., Н.-Сорок., Ст.-Васьк.), *Айгуза* В (дд. Бабево, Камеево, Киебак), Л (д. Кукмарь)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна»+*хужьа* (<др.-тат. **гоза*) «хозяин, владелец». Неприемлемо сближение мар. *-года (-гуза)*, что мы видим у С. Я. Черных (Ончыко, 1972, № 2, с. 96), с мар. *оза* «хозяин, владелец», ибо последнее восходит к булг. (др.-чув.) источнику [чув. *хуҫа/хоҫа* «хозяин, владелец; купец»<перс. *хадже* (Егоров В. Г. ЭСЧЯ 310)], тем самым оно заимствовано намного позднее, чем мар. *оза*.

148. Айгӱльвай В (д. Айгильд) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Айгӧль*—м. и. Заимств. из тат. яз.: (АСЛИН 151) — ж. и., восходит к аппелятивам *ай* «луна, месяц» и *гӧл* «цветок, цветы».

149. Айгывай В (дд. Кузеево, Рабак) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Айга* (см.)+*бай* «богатый; богач».

150. Айдагул В (дд. Курман., Н.-Дюртюк., Сосновк. Мишк., Чупаево) — м. и. Заимств. из тат. яз.— представляет сращение *ӓйдӓ* «айда, пойдем, идем» и (тюрк.) *огул* «сын». Ср. аналогичное образование в русск. яз.: *Айда* Григорьевич Судаков-Сатин, 1550 г., г. Новгород (Вес. С. Б. Он. 10) — также от межд. *айда* «окрик: Живей! Скорей! Пошел!», которое в свою очередь сложилось не без тат. влияния.

151. Айдамас — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Айдамас нур* Л (д. Юж-Сапарово: МДЭ МарНИИ — 64, № 118, л. 91; *нур* «поле»). Заимств. из тат. яз.— представляет каритивн. форму с помощью суф. *-мас* от *ӓйдӓ*.

152. Айдармаш — м.и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Айдармаш пасу* Л (д. Н.-Помъялы: *пасу* «поле»). Заимств. из тат. яз.: *Айдар* (см. ЭСМЯ I, с. 62)+*-маш* «?».

153. Айдий В (д. Бикмурз.), *Айти* В (д. Н.-Бура), *Айтий* В (дд. Анасьаул, Маняк, Марино, Редьк.), *Айтий* В (д. Актуг. Калт., Коян.: МДЭ МарНИИ — 59, № 70, л. 86) — м.и. Тот же антропоним в составе *Айтий сир* Г (МФЭ МарНИИ — 65, № 24, л. 133 — *сир* «берег»). Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна»+*тий* «?».

154. Айдубан Л (д. Карай: МФЭ МарНИИ — 65, № 24, л. 31) — м.и. сохранившееся лишь в составе назв. лесного массива. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна»+*дубан* «?». Ср.? *Туфан* (СЛИН 1979, с. 143) — м.и.

155. Айдугул В (д.Маг.-Алм.), *Айдыгул* В (д. Кузеево Балт.) — м.и. Заимств. из тат. яз., см. *Айдагул*.

156. Айдул В. (д. Ст.-Оръебаш) — м.и. Заимств. из тат. яз.— представляет усеченный (ласк.) вариант м.и. *Айдугул,* см. выше.

157. Айдун В (д. Калмаш) — м.и. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятивам *ай* «луна, месяц» и ? *тун* «шуба».

158. Айдучко: двор *Айдучка* Политова Л 1678 г. (с. Пораты: Архив Айпл. Г. II, с. 543) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*туган* «родственник; родной».

159. Айдыбай В (дд. Н.-Иван., Сосновк. Мишк., Ирсаево), *Айдывай* В (дд. Кайрак., Ст.-Ямурз. Балт.) — м.и. Заимств. из тат. яз. *айдай* «айда»+*бай* «богатый; богач; хозяин».

160. Айдылеч В (дд. Андреевка Янауль., Семенк.), *Айдылеч* В (дд. Анасьаул, Маядык) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*дәүләт* «богатство; достоинство».

161. Айдырым — м.и., сохранившееся лишь в составе гелонима *Айдырым куп* Л (д. Ошланер Оршан.: МДЭ МарНИИ — 78, № 180, л. 12 — *куп* «болото»). Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*дирһәм* ист. «арабская средневековая серебряная монета».

162. Айза — м.и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Айза кутыр* Л (д. Подгорн. Шари: МДЭ МарНИИ — 75, № 148, л. 16) — назв. хутора (*кутыр* «хутор»), *Айзай* В (д. Ст.-Оръебаш: Ончыко, 1974, № 4,

с. 98) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна»+*жьай* «лад».

163. Айзок В (д. Ст.-Акбулат.) — ж. и., В (д. Уял Мишк.) — м. и. Заимств. из тат. яз., начальный композит которого могли бы связать с *ай* «луна, месяц».

164. Айма В (дд. Бекмурз., Ишим., Н.-Васьк., Н.-Кульчуб., Рефанды, Ст.-Васьк., Ст.-Ямурз. Балт.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *айман* (<араб.: ДСТЯ 27) «с благополучием».

165. Аймак (Мар. комм., 1974, 29 март, с. 1) — псевдоним: Михаил *Аймак; Аймаков* Л (д. Елеево, д. Помосъял Пар.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *аймак* «определенный участок, район».

166. Аймалче В (дд. Бабаево, Бахтыб., Бекмурз., Бикшик, Бирюбаш, Елыш., Ирдуган., Искуш, Маядык, Кайрак, Калмаш, Маняк, Н.-Бура, Н.-Васьк., Н.-Дюртюк., Н.-Кульчуб., Н.-Качмаш, Н.-Татья, Рабак, Рефанды, Ст.-Оръебаш, Ст.-Ямурз. Балт., Ст.-Яш, Тузлуб., Чишма), *Аймальче* В 1897 г. (д. Шорабаш Мамсин. в. Казан. у. Вят. губ.: Износк. И. А.—РФ НБ КУ, № 1406, л. 9), В (д. Редьк.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *айма* «благополучие»+*алучы* «получатель».

167. Аймаче В — ласк. вариант ж. и. *Аймалче* В (д. Н.-Кульчуб.). См. *Аймалче.*

168. Айманче В (д. Кузеево Балт.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *айман* (<араб.: ДСТЯ 27) «с благополучием»+суф. *-чы.*

169. Аймасов Г (д. Янгос.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+каритивн. (лишительн.) суф. *-мас* «не-, без-».

170. Аймелык В (дд. Актуг. Калт., Бабаево, Ишим., Маняк, Марино Илиш., М.-Буляр, М.-Кельтей, Н.-Иван., Н.-Татья., Редьк., Рефанды, Ст.-Тураево, Тузлуб., Янтимир. Балт.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* луна, месяц»+**мелик*[<*милек*<араб. «усадьба, дом»].

171. Аймера В (д. Ст.-Ямурз. Балт.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*Мира* (<араб.: Гаф. А. ЛК 206, букв. «повелительница») — ж. и.

172. Аймий В (д. Тибил.) — м. и. Заимств. из тат. яз.? *Амид* (<араб.: Гаф. А. ЛК 164), букв. «главный».

173. Аймола В (д. Ст.-Ямурз. Балт.), *Аймула* В (д. Н.-Кульчуб.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*мулла* «мулла».

174. Айморза В (д. Калтак.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: ай «луна, месяц»+*морза* уст. «господин».

175. Аймухамат В (д. Т.-Елга) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*Мухаммад* (<араб.: Гаф. А. ЛК 238), букв. «прославляемый».

176. Аймуч В (д. Сосновк. Мишк.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+? *муч* «?».

177. Аймыш В (дд. Айбылат., Бирюбаш, Рефанды, с. Мишк.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *айма* (<араб., букв. «благополучие»)+*ош* «чета; товарищ, друг».

178. Айникәй В (дд. Ирдуган., Ст.-Оръебаш) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Айниддин* (<араб.: Гаф. А. ЛК 162), букв. «сущность веры»+ласк. суф. *-кай (кәй)*.

179. Айнола В (д. Уял Мишк.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Айнулла* (<араб.: Гаф. А. ЛК 162), букв. «источник Аллаха».

180. Айпал Л (д. Куптюр Медв.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*бал* «мед».

181. Айпек В (д. Акб.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна»+*бек* (Гаф. А. ЛК 171) — букв. «господин, предводитель».

182. Айпол В (д. Н.-Иван.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Айбул* (СЛИН 1979, с. 68) — м. и.

183. Айпон В(д. М.-Кельтей) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*пон* «?».

184. Айпулин В. (д. Ст.-Васьк.) — ф. Заимств. из тат. яз., см. *Айпол*.

185. Айпуш В (Н.-Иван.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*пуш* «?».

186. Айруша В (д. Чураево)—ф. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*руша* «?».

187. Айса В (д. Аккуб.), *Айси* В 1891 г. (д. Бима Елабуж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1632) — ж. и. <*Айса*+вокативн. суф. *-и(й)*. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*Ниса* (<араб.: Гаф. А. ЛК 212), букв. «женщина».

188. Айсай В (д. Ст.-Оръебаш; Ончыко, 1976, № 4, с. 95) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*сай* «?».

189. Айсар В (д. М.-Ярмия) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*сар* «?». Ср. *Айсар* (СЛИН 129) — м. и.

190. Айстан В (дд. Кайрак., Кр.-Ключ, Маядык,

Маг.-Алм., с Мишк., дд. М.-Сухояз., Н.-Васьк., Н.-Кульчуб., Н.-Сорок., Ст.-Ямурз. Балт.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*стан* «?», что под вопросом могли бы сопоставить с *стан: Татарстан.*

191. Айстий В (дд. М.-Кельтей, Марино, Илиш.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*ст-* (<? *стан)*+вокатив. формант *-и(й)*.

192. Айсуб Л (д. Кораксола Совет.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*суб* (? *субай* «свая»).

193. Айсылтан В (дд. М.-Буляр, М.-Сухояз, Рефанды, Ст.-Акбулат., Уял) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*Солтания* (ЛИ СЛИН 1979, с. 161) — ж. и. от *Солтан* (<араб.: Гаф. А. ЛК 227) — м. и., букв. «власть, правитель, государь».

194. Айсыле В (д. Ст.-Оръебаш), *Айсьыле* В (д. Маядык) — ж. и. Заимств. из тат. яз.— вероятно, представляет редуцированный вариант ж. и. *Айсылу* (см. ЭСМЯ, I, с. 64).

195. Айыспу В (д. Еммет.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*ыспу* «?».

196. Айт — м. и., сохранившееся лишь в составе ойконима *Айтсола* Г (МФЭ МарНИИ—65, № 23, с. 118—*сола* «деревня»), *Атьсола* Г—мар. наимен. мар. д. Сосновки *Айт.* Согласно тополегенде (МФЭ МарНИИ — 65, № 24, л. 141), название последней деревни этимологически восходит к императивному межд. *айт* (см. *айт*: ЭСМЯ, I ,с. 64), что является поздним и возникшим на основе народной этимологии.

Заимств. из русск. яз.: *Аетий*[<*Аэтий* греч.: (Петр. Н. А. СРЛИ 43, 62), букв. «орел»] — м. и.

197. Айтеречко Л 1678 г. (с. Пораты: Архив Айпл. Г. II, с. 540) — м. и.<*Айтерек.* Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*тирек* «живой; бодрый».

198. Айтий В — м. и. Заимств. из тат. яз., см. *Айдий.*

199. Айток В (дд. Н.Акбулат., Нуреево, Рабак, Ст.-Оръебаш) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*тук* (<др.-тат. *ток*) «сытый, наевшийся».

200. Айтук В (с. Калтаса, дд. М.-Кельтей, Н.-Акбулат., Н.-Кильбахт., Н.-Татья) — м. и., *Айтуков* Л (дд. Ильпанур, М.-Кошпай), В (д. Маняк) — ф. Заимств. из тат. яз., см. *Айток.*

201. Айтулин Л 1678 г. (с. Пораты: Архив Айпл.

Г., II, с. 536, 531) — ф. Заимств. из тат. яз., см. *Айдул.*

202. Айтыген В (д. Н.-Татья) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*тыген* «?».

203. Айтык В (д. Н.-Татья) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна, месяц»+*тук*?

204. Айу В (с. Мишк.) — м. и. Заимств. из тат. яз. — возможно, представляет ласк. вариант *Ай* — м. и. (см. выше), образованный с помощью суф. *-у*.

205. Айыл В (д. Семенк.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Адиль* (<араб.: Гаф. А. ЛК 1661) <*Адила*, букв. «справедливая». Сомнительна связь рассматриваемого антропонима с тат. аппелятивом *аел* «подпруга (у седелки, седла)».

206. Айым Г — м. и., сохранившееся лишь в составе лимнонима *Айымйäр* Г (Тетр. И. С. Галкина, л. 27: РФ МарНИИ) при мар. аппелятиве *йäр* «озеро». Возможно, восходит к тат. источнику, см. *Айымкамат.*

207. Айымкамат В (д. Ст.-Ямурз. Балт.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Айым* «?»+*Камат*<*Камалитдин* (СЛИН 1979, с. 151) — м. и. (<араб.: Гаф. А. ЛК 197, букв. «совершенство веры»).

208. Айымыр Г — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонимов: *Айымыр гарем* Г, *Айымыр лык* Г (Тетр. И. С. Галкина, л. 27: РФ МарНИИ — *гарем, карем* «овраг», *лык* «изгиб, поворот; угол»). Вероятно, восходит к заимствованному из тат. источника *Айдемир* (см. выше).

209. Айып В (д. Аккуб.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Аюб.*

210. Айыш — ж. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Айыш олык Л* (д. Нижняя — *олык* «луг»). Заимств. из тат. яз.: *Айша* (<араб.: Гаф. А. ЛК 162) — ж. и., *Айшат* (СЛИН 1979, с. 68) — м. и.

211. Акадеев В (Ямде лий, 1976, 31 янв., с. 3) — ф., *Акäди* В (д. Ст.-Оръебаш) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*Кадим; Кадыйм* (СЛИН 1979, с. 136) — м. и.

212. Аказ Г — мар. сотник из д. Малый Сундырь, XVI в. (Шыңдыръял: Айпл. Г — Мар. комм., 1962, 14 окт., с. 3): «Смелые черемисские мужики Акпарс, *Аказ*, Ковяж и Яныгин поехали тайно от татар зимою по глухому лесу на лыжах до русской границы и лично явились к царю Ивану Васильевичу Грозному с просьбой

принять Марийский край в Русское государство»,— отмечают исторические документы (БКС.— ИПКЕ 1873, с. 220—221). Сюда же относятся топонимы *Акозе корем* Л (д. Ошлангер — *корем* «овраг»), *Акозино* — офиц. наимен. мар. д. *Акозын* [<*Аказ*+суф. *-(и)н*].

Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*Гази* (СЛИН 1979, с. 132) — м. и. (<араб.: Гаф. А. ЛК 175), букв. «воитель за веру».

213. Аказинов Л (д. Ст.-Крещ. Орш.: Мар. комм., 1971. 5 февр., с. 4) — ф. Заимств. из тат. яз.— представляет русифицированный вариант *Акази* (см.).

214. Ака — м. и., сохранившееся в составе ойконима *Ака Таврä* В (Сажин. р. Свердл. обл.: МДЭ МарНИИ—60, № 76, л. 2). Заимств. из тат. яз.: (башк.) *Акай* Иштакин, 1773 г. (ДСППВ 1975, с. 255) — сподвижник Е. И. Пугачева.

215. Акäй В (д. Тюльди) — м. и. То же представлено в микротопониме *Äкай көпыр* В (д. Маняк — *көпыр* «мост» <тат. *күпер* <др.-тат. **көпер*). Заимств. из тат. яз.— аппелятив (башк.) *äкäй* (Макс. Н. ВДБЯ 83) «дядя». Ср. *Акäй* IV: ЭСМЯ I, с. 68.

216. Акакий Г (д. Усола)—м. и. Заимств. из русск. яз.: *Акакий* (<греч.: Петр. Н. А. СРЛИ 43)—м. и., букв. «не делающий зла, незлобливый».

217. Акäн В (дд. Б.-Кельтей, Н.-Татья, с. Калтаса), *Аканай* Л (д. Норепсола) — м. и., *Аканаев* Л (дд. Н.-Азъял, Памашенер) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Аканайко* Тансарин 1675 г. (КА XVII в. 30) — кунгурский татарин при аппелятиве *ак* «белый»+*Канäфи* (СЛИН 1979, с. 136) — м. и. <араб. (Гаф. А. ЛК 234).

218. Акарт — м. и., сохранившееся лишь в составе оронима *Акарт курык* (Мар. комм., 1968, 8 авг., с. 4— *курык* «гора»). Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*карт* «?» (если не *карт* «старик»).

219. Акберде В (дд. Аккуб., Актуг. Калт., Калмиябаш, Туктаево Балт., Чупаево), *Акперде* В (дд. В.-Иван., Иванк. [Суксун.: МДЭ МарНИИ—60, № 81, л. 9], Н.-Кильбахт., Нуреево, Семенк., Ст.-Ямурз. Балт.) — м. и., также выступающее в составе микротопонима *Акперде агур* В (д. Семенк. *агур* «омут»). Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*бирде* «дал (а, о)». Ср. *Акбердин* 1669 г. (ДПК 1897, с. 230) — пензенский татарин.

220. Акбикä В (дд. Еммет., Нуреево), *Акбикä* В

(дд. Аккуб., Осиновка Муслюм.), *Акбика* В (д. Айгильд. Бир., М.-Буляр, Н.-Васьк.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*бикä* уст. «дама; госпожа, барыня; хозяйка» [при *Айбикä* (СЛИН 1979, с. 88) — ж. и.], вопреки Е. Койчубаеву (КТСТК 21), усматривающему в одноименном названии острова казах. *Акбике* (Аральск. море) сложение *ак* «белый» и *бике* «высокий», хотя последней лексемы с такой семантикой в тюрк. языках не встречается.

221. Акборисов В (д. Актуг. Калт.)—ф. Заимств. из тат. яз., см. *Акбарис* (ЭСМЯ, I, с. 72).

222. Акбӧрык В (МДЭ МарНИИ — 59, № 74, л. 9) — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Акбӧрык корем (корем* «овраг»). Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*бӱрек* «шапка», *бӱрке* (ДСТЯ III) «тж».

223. Акбулатко Л 1678 г. (с. Пораты: Архив Айпл. Г. II, с. 560), *Акбулат* В (дд. Ирсаево, Мариял Аскин., Нуреево), *Акпылат* Л (д. Михаленки), В (дд. Аккуб., Актуг. Калт., В.-Иван., Кузеево Балт., Н.-Качмаш, Н.-Кильбахт., Нуреево, Редьк., Семенк., Староарзамат., Ст.-Тураево, Токберд. Бакал., Филимон. Менз.), *Акбул* — м. и., *Акбулатов* В 1891 г. (д. Кадряк.—ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1631, л. 9) — ф., также — в составе топонимов *Акпылат олык* В (д. Староарзамат.— *олык* «луга»), *Акбулат* В (дд. Н.-Акбулат., Ст.-Акбулат.) — наимен. даны по имени одного из основателей данного селения Старо-Акбулатово.

Заимств. из тат. яз.: Шекаев *Акбулат,* 1594 г. (Вес. С. Б. Он. 164) — служилый татарин, г. Арзамас; *Акбулатов* 1675 г. (МПИ БАССР, ч. I, с. 190) — башкир.

224. Акбулдин В (д. Озерки Мишк., с. Мишк.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+имперфектн. форма глагола *булу* «бывать, быть, пребывать; происходить, произойти» (*булды* «произошло»).

225. Акгаверде В 1897 г. (д. Шорабаш Мамсин. в. Казан. у.: Износк. И. А.—РФ НБ КУ, № 1406, с. 9)— м. н. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый» в форме направит. падежа с суф. *-га*+*бирде* «дало, дал».

226. Акгас В (дд. Акуди, Чишма)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*Заггa* (<араб.: Гаф. А. ЛК 174), букв. «дорогая, любимая».

227. Акебак~*Акевак* В (д. Ст.-Яш) — м. и. За-

имств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*киебак*. Ср. *Киебак* В— офиц. назв. мар. д. Киябак В, что дает основание полагать о его сложном характере образования—могут быть вычленены два первичных самостоятельных компонента: *кияў* «жених» (вряд ли *киек* «дичь»)+*бак* при орх.-енис. *бäг* и *бег* «община, территория, организация племени», азерб. *бäк* «князь, господин»<перс. *бек, бäк* (Горд. Ф.— ВМЯ 1968, с. 19) «дворянин».

228. Акеев Л 1678 г. (с. Пораты: Архив Айпл. Г. II, с. 539)—ф. Заимств. из русск. яз.: *Ака* (Петр. Н. А. СРЛИ 242) — м. и.

229. Акелде В 1897 г. (дд. Шорабаш Мамсин. в. Казан. у.— РФ НБ КУ, № 1406, л. 1; дд. Ст.-Яшь, Тузлуб.), Л (дд. Варангуж, Оби-Памаш, Олоры, Руэм, Яндимир. Пар.) — м. и., соответственно *Акельдин* В 1891 г. (д. Пудшинеры Малмыж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1702, л. 9), 1793 г. (ЦГАДА, ф. 1355, оп. I, № 407, л. 3) — гидроним. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*килде* «пришел, пришла».

230. Акечук В (д. Редьк) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*кече* «маленький, малый»+мар. ласк. суф. *-ук*. Ср. *Миша — Мишук*.

231. Акзян В 1891 г. (д. Тогошур Малмыж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1701, л. 9) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*жьан* «душа, дух». «Имена со специфическим татарским звуком *жь* в русском написании могут иметь *дж, я* или *з* и очень редко *ж* — в зависимости от звукового окружения: *Жäлäлетдин—Залялетдин*—м. и.» — отмечают татарские исследователи (СЛИН 1979, с. 129).

232. Аки В (дд. Н.-Кильбахт., Рефанды, с. Мишк.), *Акий* Г (д. Усола), В (дд. Бабаево, Бирюбаш, Василово, Н.-Васьк., Н.-Качмаш, Семенк.) — м. и. Тот же антропоним выступает в составе микротопонимов: *Аки курык вуй* В (д. Ст.-Васьк.) — назв. поля (*курык вуй* «вершина горы»), *Аки памаш* В (д. Чураево: МДЭ МарНИИ — 74, № 154, л. 11) — лимноним *памаш* «родник, ключ, источник». Заимств. из тат. яз., см. *Акибечко*.

233. Акиба В (с. Мишк., д. Ирсаево) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Акиб* [ср. *Акиф* (<араб.: СЛИН 1979, с. 163), букв. «оседлый»]+формант женских имен *-а*, также типичный для арабоязычного происхождения

тюркских имен. Ср. *Акифа* — ж. и. (Гаф. А. ЛК 163) — вторичное от *Акиф* при *Насип* — м. и. ~ *Насибä* — ж. и. (СЛИН 1979, с. 139, 159).

234. Акибечко: *Акибечко* Байбарисов В 1675 г. (КА XVII, с. 22) — кунгурский мариец. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*кияў* «жених»+*бек* «дворянин».

235. Акилин Г (д. Усола)—ф., также м. и., сохранившееся в составе микротопонима *Акилин лук* Л (с. Кукнур — *лук* «изгиб, поворот, угол»). Заимств. из русск. яз., ср. русск. дд. *Акилово* Новотор. р. Мар. АССР и *Акилы* в Котельнич. у. Вят. губ. (—ГАКО, ф. 574, оп. 8, ед. хр. 94, л. 1). при антропониме *Акила* (<лат.: Петр. Н. А. СРЛИ 43) — м. и., букв. «орел».

236. Акилбайко Л (д. Ковали: Архив Айпл. Г. Н. II, с. 401) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Акил*[(<араб.: Гаф. А. ЛК 163) — м. и., букв. «разумный»]+*бай* «богатый; хозяин».

237. Аким Г (дд. Усола, Яштуга), В (д. Н.-Кульчуб.), Л (дд. Курукумбал, Тошнер), *Акимайко* Л 1678 г. (д. Пинжан-Кукморь: Архив Айпл. Г. Н. II, с. 414) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Аким* (<др.-евр.-: Петр. Н. А. СРЛИ 117) — м. и., букв. «бог воздвигает».

238. Акима — офиц. назв. ж. и. *Окима* Л (д. Ирмучаш). Заимств. из русск. яз.: *Ахимья* (Смирн. И. Т.— СОРЯС 1901, т. XX, № 5, с. 194) — ласк. вариант ж. и. Евфимия. *А*~*О* вызвано особенностями севернорусского говора.

239. Акиндулка — м. и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Акиндулкино* Л (по имени основателя селения: Мар. АССР АТД 1955, с. 65), в настоящее время — *Киндулкино*. Заимств. из русск. яз.: *Акиндин* и его ласкат. варианты *Кинденька, Киндюшка, Киня* (<греч.: Петр Н. А. СРЛИ 299, 43), букв. «безжизненный».

240. Акитäр В (дд. Айгильд. Бир., Чишма), *Акитäр* В (д. Акуди), *Акитар* В 1888 г. (д. Ильнеть Елабуж. у.: ВЕВ 1888, № 18 и дд. Актуг. Калт., Бабаево), Акитарь В 1891 г. (дд. Кулегаш и Усть-Сакла Бимск. в. Елабуж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1691, л. 9)—м. и. и соответственно *Акитаров* В (д. Шелкан.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*китäрў* «снятие, бритье, сбривание...»

241. Акишев СЗ 1678 г. (Кундушск. в. Яран. у. и

д. Шали Царевококшайск. у. Вят. губ.: Архив Айпл. Г. II, с. 512) — ф.

Необоснованна попытка отдельных финно-угроведов (ПМН 1967, с. 178—179) вслед за Д. П. Европеусом (—Тр. VII арх. съезда 1876, т. I), с Т. Семеновым (—Тр. VII арх. съезда 1891, т. II) и марийского историка-краеведа Ф. Егорова (см. его. МПИНМ 1929, с. 9) в топониме *Акишево* [дд. *Акишево* (Кинешемск. у., Александровск. Влдм. губ.: МПОЗВ Г, т. XI, Александровск. у., в. II, с. 226) и *Акишенки* Ивановск. обл. (Ивановск. обл. АТД 1955, с. 221); сел. *Акишенки* (Кинешемск. у. Костр. губ.: СНМКГ 1908, с. 110), д. *Акишево* Влгд., Ивановск., Московск., Ярославск. и Вят. губ. (д. *Акишевская* Вят. у.: МПСВГ 1887, т. IV, ч. II, с. 38)] усматривать следы пребывания мерян, одного из близкородственных марийцам финно-угорского племени. Рассматриваемое нами выше географическое название встречается и на крайнем Севере европейской части СССР, где в отдаленном прошлом не могло быть ни мери, ни древнемарийских племен. Ср. д. *Акишевская* (Окишевская) в Влгд. губ. (—АХУЕ 1908, кн. III, с. 426).

К тому же сам антропоним, от которого образовались эти топонимы, в русском языке представляет зап.-европ. (<др.-евр.) проникновение: *Акиша, Акишечка, Акишка* (Вес. С. Б. Он. 117, 242) — ласк. варианты *Иаким,* что в севернорусских говорах дало *Окиша,* ср. д. *Акишевская (Окишевская* в Влгд. губ. (—АХУЕ 1908, кн. III, с. 426, 255) >мар. СЗ *Окишев* (д. Починга Пижан. р. Киров. обл.: *Окишев П. В.*— известный деятель марийской культуры).

242. Акияр В (д. Н.-Качмаш) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Ахияр* (СЛИН 1979, с. 130) — м. и.

243. Аккужьа В (д. Аккуб.), *Аккузьа* В (д. Калтак) — м. и. Заимств. из тат. яз., ср. *Акхужьа*—тат. наимен. тат. д. Акузино. См. *Акоза.*

244. Аккуратов (Ончыко, 1962, № 2, с. 58) — ф. Заимств. из русск. яз.— литературное новообразование прилаг. аккуратный.

245. Аклай В (дд. В.- и Н.-Иван.)—м. и. Заимств. из тат. яз. *Аглă* (СЛИН 1979, с. 87) — м. и.

246. Акланов Л (с. Цибикнур) — ф., *Аклан* В (д. Калтак.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *аклан* (ДСТЯ 29) «поляна, прогалина».

247. Аклат — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Аклат пасу* Л [(с. Петъялы) — *пасу* «поле»]. В ЭСМЯ I, с. 71 мы отмечали как неясной этимологии лексема. Следует расчленить на два тат. компонента *ак* «белый» и *дәүләт* (СЛИН 1979, с. 134) «богатство, достоинство».

248. Аклечко Л 1678 г. (с. Пораты: Архив Айпл. Г. II, с. 533) — м. и. Русифицированный вариант заимствованного из тат. яз. м. и. *Акля* < тат. *Ағлә* (СЛИН 1979, с. 68) — м. и. *(Агля)*.

249. Акля — м. и., сохранившееся лишь в составе оронима *Акля курык* Л (д. М.-Билямор: МДЭ—МарНИИ—53, № 36, л. 16) — *курык* «гора». Заимств. из тат. яз., см. *Аклечко*.

250. Акли В (д. Н.-Васьк.), *Аклий* В д. Ст.-Яш и Мурзаш. А. МП 77), *Әклий* В (дд. Ст. Тураево, Семенк.), *Әкыли* В (д. Н.-Васьк.) — м. и. и соответственно *Аклин* Л (дд. Лажъял, Н.-Тамшинер) — ф. Вероятно, образовано от тат. *Ағлә «Агля»* — м. и. в ласкат. (вокативн.) форме с суф. *-и(й)*.

251. Акмәдгәли В (дд. Маядык, Н.-Кильбахт., Ст.-Оръебаш), *Әкмәткәлий* В (дд. В.-и Н.-Иван.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Әхмәд* (СЛИН 1979, с. 150) + *Гали* (там же) — м. и.

252. Акмәдемә В (д. Т.-Елга) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый» + *Мәдинә* (СЛИН 1979, с. 158) — с. 158) — ж. и. (< араб.: Гаф. А. ЛК 202), букв. «город».

253. Акмәдешә В (д. В.-Иван.), *Акмәдишә* В (дд. Н.-Иван., Ст.-Дюртюк.), *Әкмәдшә* В (дд. Н.-Кильбахт., Ст.-Оръебаш, Ст.-Тураево, Тынбаево), *Акмадиша* В (д. Курман.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Әхмәтшә* (СЛИН 1979, с. 150) — м. и.

254. Әкмәди В (дд. Актуг. Калт., Айвылат, Бикмурз., Маядык, Н.-Иван., Ст.-Дюртюк., Ст.-Оръебаш), *Акмәди* В (дд. Акуди, Бирюбаш, Маг.-Алм., Уял), *Акмадий* В (Гор. Гр.— ЭС 1864, в. VI, с. 24; дд. Калмаш, Курман., Н.-Бура, Н.-Качмаш, Чупаево) — м. и., Заимств. из тат. яз.: *Әхмәди* (< араб.: Гаф. А. ЛК 167; СЛИН 1979, с. 88), букв. «прославленный».

255. Акмадыков СЗ 1678 г. (Яран. в. Вят. губ.: Архив Айпл. Г. II, с. 446) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Ахмади* (см. *Әкмәди*). + ласк. суф. *-ик*.

256. Акмаз В (д. Сосновк. Мишк.) — м. и., *Акмазов*

«взгляд». Ср. кирг. *Эрназар* (Караев С. К.— ОСА 1978, с. 217) — м. и.

275. Акнаш Л, В (Глезд. П. ТМК 1907, с. 44; Упым. МОВ 1926, с. 10; Чав. С. Оп. 107; Элнет С. ИШ 33), Г (д. Усола), В. (д. Староарзамат.), Л (дд. Кораксола Морк., Кужмара, Кукмарь Сов., Н.-Верш., Новая, Норепсола, Шуледур) — м. и., *Акнашев* Г (д. Усола) — ф. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+? *Наби* (<араб. «пророк»)+*ишь* «чета; товарищ, друг».

276. Акоза В (дд. Бирюбаш, В.-и Н.-Иван., Кузеево Балт., Маг.-Алм., Н.- и Ст.-Дюртюк., Рефанды) — *Аккозья* В (д. Нуреево) — м. и. *Аккозин* 1678 г. Л (д. Пинжан-Кукморь: Архив Айпл. Г. II, с. 428) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Аккозин* Кудячко 1669 г. (ДПК 1897, с. 229) — пензенский татарин, тат. д. *Аккузино* Елабуж. у. Вят. губ. (МПСВГ, 1889, т. VI, ч. II, с. 16).

Представляет сращение тат. *ак* «белый» и *хужьа* «хозяин, владелец». Ср. Новое *Аккузино* — офиц. наимен. тат. д. *Янга Акхужьа* в Елабуж. р. ТАССР (ТАССР АТД 1963, с. 63). Переосмысление *Акозын* Г (—мар. д. *Акозино,* или Малый Сундырь), что мы допускаем, в *Йӱксӹ кек вӓр* «место белых лебедей» (см. *Акозын: ЭСМЯ* I, с. 70—71) могло произойти позднее в результате сближения *ак хозьа* «белый хозяин (владелец)» с тат. *ак каз* «белый гусь»→«лебедь» на мар. почве.

277. Акон В — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Акон мӱкш пакча* В (д. Янтимир.: *мӱкш* «пчела», *пакча* «огород») — назв. пасеки. Заимств. из тат. яз.: *Ахун* (СЛИН 1979, с. 180) — м. и.

278. Аконъян — м. и., сохранившееся лишь в составе лимнонима *Аконъян памаш* В (д. Туктаево Балт.) — *памаш* «ключ, родник, источник». Заимств. из тат. яз.: *Ахун* (см. выше)+*жьан* «душа, дух».

279. Акор — м. и., сохранившееся лишь в составе оронима *Акор курык* В (д. Коян.— *курык* «гора»). Заимств. из тат. яз.: *Ахрор* (<перс.: Гаф. А. ЛК 167) — м. и.

280. Акпарьев Г 1645 г. (МПИНК 1913, т. XV, в. IV, с. 27) — ф. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*Барый* (СЛИН 1979, с. 70) — м. и. *(Бари)*.

281. Акпат Л (д. Шуледур) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*батый (бату)* «сила, крепость». Ср.

также мар. *Бати* В (д. Н.-Дюртюк.) — м. и. См. *-бат* II (:ЭСМЯ I, с. 203—204).

282. Акпаш — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Акпаш корем* В (д. Курки: МДЭ МарНИИ — 60, № 81, л. 3 — *корем* «овраг»). Заимств. из тат. яз., см. *Акбаш:* ЭСМЯ I, с. 69 при старо-тюрк. (кирг.) *Акпаш* XII—XIV вв. (Джумагулов Ч. ЯСТП 1971, с. 99). — м. и.

283. Акпекä В (д. Аккуб.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*бикä* «дама; госпожа, барыня». Ср. *Акбикä.*

284. Акперде В (дд. В.-Иван., Иванк. Суксун.: МДЭ МарНИИ — 60, № 81, л. 9) — м. и., также сохранившееся и в составе микротопонима *Акпердын лук* В (д. Семенк. — *лук* «изгиб, поворот, угол»). Заимств. из тат. яз., см. *Акберде.*

285. Акпика В (дд. Бекмурз., Н.-Васьк.), *Акпикä* В (дд. Аккуб., Нуреево), *Äкбикä* (дд. Искуш, Маядык) — ж. и. Заимств. из тат. яз., см. *Акпекä.*

286. Акпля Л (д. Торешкибар) — м. и. Заимств. из тат. яз..: *ак* «белый»+*бӱлä* «?».

287. Акполдо В (дд. Елыш., В.-Иван., Кузеев. Балт., с. Мишк., Н.-Васьк., Редьк., Рефанды, Семенк., Ст.-Васьк.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: см. *Акбулдин.*

288. Акпосалка Л 1678 г. (с. Параты: Архив Айпл. Г. II, с. 539) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*Восе* (<араб. м. и.: Гаф. А. ЛК 174, 173), букв. «опекающий, защитник».

289. Акпоска 1678 г. Л (д. Б.-Корамас: Архив Айпл. Г. II, с. 578) — м. и. Заимств. из тат. яз. — вероятно, усеченный вариант предыдущего антропонима *Акпосалка* (см.).

290. Акпылат — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Акпылат олык* В (д. Староарзамат. — *олык* «луг»). Заимств. из тат. яз., см. *Акбулатко.*

291. Äкрäм В, Г (д. Маядык) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Äкрäм, Äкрам* (СЛИН 1979, с. 150) — м. и. от араб. *акрам* (Гаф. А. ЛК 163) «самый щедрый».

292. Акрет — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Акрет вова корем* Л (д. Учейк — *вова* «яма, пруд», *корем* «овраг»). Заимств. из тат. яз.: *ахирäт* «приятельница, подруга», также «загробный мир».

293. Äксäит В (д. Ст.-Тураево) — м. и., сохранив-

шееся лишь в составе микротопонима (назв. лесного массива). Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*Сäит* (СЛИН 1979, с. 82) — м. и. от араб. аппелятива *сайид, сейид* (Гаф. А. ЛК 222) «глава, предводитель».

294. Аксайкин Г (д. Четаево) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Аксай* (см. *Аксай:* ЭСМЯ I, с. 73)+русск. *-к(а)* в притяжат. форме.

295. Аксалек В (д. Рефанды) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*Салих* (СЛИН 1979, с. 142)—м. и. от араб. аппелятива *салих* (Гаф. А. ЛК 223) «хороший, добрый».

296. Аксана В (д. Н.-Татья) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Аксанка* — ласк. вариант ж. и. *Ксения* (< греч.: Петр. Н. А. СРЛИ 242, 137).

297. Аксанай Л (д. Варангуж)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Ахсäн* (СЛИН 1979, с. 150)—м. и.<араб. (Гаф. А. ЛК 167), букв. «самый лучший»+суф. ласк. *-ай.*

298. Аксäндäрлä В (д. Укозяш) — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонимов *Аксäндäрлä корем* (*корем* «овраг»), *Аксäндäрлä пасу* (*пасу* «поле»). Заимств. из тат. яз.: *Ахсäн* (<араб.: СЛИН 1979, с. 150; Гаф. А. ЛК 167) — м. и.+? *Дäртле* (от аппелятива «страстный, пылкий»).

299. Аксарт—м. и., сохранившееся лишь в составе лимнонима *Аксарт йäр* Г [Кумьинск. лесничество Козьмодемьянск. кантона Мар. области (Воробьев Н. И.— ТОЕ при Казан. ун-те., 1926, т. X, в. 3, с. 50; Станков С. ОФГ 1936, с. 109)]. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*сарт* «?», что под вопросом могли бы сопоставить как праноязычное проникновение: пушту *sarai*<**sard* «человек, мужчина» при санскр. *s'ardha* (Моргенстр. Г. AEV 1927, с. 70) «хозяин (дома, трактира)».

300. Аксатар В (д. Калмаш) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*Саттар* (<араб.: Гаф. А. ЛК 225), букв. «прощающий».

301. Аксенти Г (д. Березово) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Аксентий* из *Авксентий* (<греч.: Петр. Н. А. СРЛИ 43, 36) — м. и.

302. Аксьет В — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Аксьет олык* (д. Чемаево Караид.— *олык* «луг»). Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*Сäет, Сäит* (СЛИН 1979, с. 142) <араб. (Гаф. А. ЛК 222), букв. «счастливый».

303. Акси В (д. Шелкан.), *Аксий* В (д. Бекмурз.), Л (д. Шоркинер) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Аксинья* — в мар. варианте выступает вокативн. формант *-ий*.

304. Аксибаев В 1897 г. (д. Шорабаш Мамсин. в. Казан. у.— РФ НБ КУ, № 1406, тетр. № 1, л. 9) — ф. Заимств. из тат. яз.: (башк.) *Аксыбий* (Кузеев Р. Г. БШ 1960, с. 156) — м. и., в конце которого выступает *би(й)*, уст. «князь; вельможа, дворянин; господин».

305. Аксима В (д. Бекмурз.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Гасима* ~ *Асима* (<араб.: Гаф. А. ЛК 177, 166) — ж. и. с переоформлением на русский лад под влиянием *Аксинья* — ж. и.

Тот же антропоним представлен в составе гидронимов *Аксиманерка* В 1887 г. (Ветошкинск. р. Уржум. у. Вят. губ. (МПСВГ, т. II, Уржум. у. 96). при поч. Кончара; Аксинер—рч. и д. в Кизнерск. р. Удмуртии, в которых, по утверждению И. С. Галкина (—ПМН 209), топоформант *-нер* этимологически восходит к мар. апеллятиву *энер* «река».

306. Аксион Г (д. Усола)—ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Аксюнечка, Аксютка* — ласк. варианты ж. и. *Ксения* (Петр. Н. А. СРЛИ 242).

307. Аксолу В (д. М.-Буляр) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*солу* (<араб.: Гаф. А. ЛК 227), букв. «красивая».

308. Аксоня В (д. Акуди) — ласкат. вариант ж. и. *Аксыле*, что является переоформлением последнего (см. ниже) под влиянием русск. *Ксеня*.

309. Акстан В (д. Кузеево Балт.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ак*. «белый»+*стан*, ср. Татарстан.

310. Аксубай — м. и., сохранившееся лишь в составе околодка *Аксубаев*, или Мурзанаев, Кулаковск. в. Козьмодемьянск. у. Казан. губ. (Спир. С. А. НПКУ 1898, с. 10). Заимств. из тат. яз., ср. тат. с. *Аксубаево* в Октябрьск. р. Татарии (ТАССР АТД 1963, с. 116) и назв. в.— *Аксубаевская* волость Чистопольск. у. Казан. губ. (ОКЗКГ 1896, с. 36).

311. Аксуло В (д. Ст.-Ямурз.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*сулу* (<араб.: Гаф. А. ЛК 227), букв. «красивая».

312. Аксыбай Л, В (Элекс. Я. ТТ 58; Олык Ипай ПЖ 73) — м. и., также — в составе микротопонима *Ак-*

сывай лук или *Аксывай илем* около д. Нурсола Волж.— назв. хутора [согласно тополегенде, относится к XVII в. в местности, называемой *Мырзагот куподо*<*Мырза* (<тат. *морза* «господин»)+тат. компонент м. и. *кот* «душа, дух; счастье; уют»+*куп* «болото»+*ото* «роща; лесок»; *илем* «жилье, жилое место; усадьба», *лук* «изгиб, поворот; угол»], см. *Аксубай*.

313. Аксыбы Л 1887 г. (Яковлев Г. РОЧ 1887, с. 51), *Аксыве* Л (дд. Варангум, М.-Лебляк, Олоры, Помосъял, с. Ст.-Торъял), В (д. Н.-Васьк.), *Аксывы* В (д. Шорабаш Мамсин. в. Казан. у.— РФ НБ КУ, 1897, г., № 1406, л. 1) — м. и. Заимств. из тат. яз.: (башк.) *Аксы-бий* (Кузеева Р. Г. БК 1960, с. 156) — др.-башк. м. и., конечным композитом которого выступает *би(й)* уст. «князь; вельможа, дворянин; господин; чиновник».

314. Аксыле В (дд. Айбылат, Аккуб., Актуг. Калт., Бекмурз., Ишим., Калмаш, Кельтей, Киебак, Кузеево Балт., Маг.-Алм., Маядык, Мариял Аскин., с. Мишк., дд. Н.-и Ст.-Васьк., Н.-Дюртюк., Н.-Кульчуб., Н.-Татья, Нуреево, Памаш Мишк., Редьк., Рефанды, Ст.-Акбулат., Старо-Арзамат., Ст.-Ямурз., Сус.-Эбал., Усак. Бир., Уял, Чишма), *Аксыле* В (д. Ст.-Ямурз.) — ж. и., ласкат. вариант *Аксылу* — ж. и. (д. Маядык). Заимств. из тат. яз.— представляет редуцированный вариант ж. и. *Аксылу*, состоящего из тат. аппелятивов *ак* «белый»+*сылу* «красивый, миловидный; изящный; красавец, красавица».

315. Аксылтан В (дд. Айвылат, Аккуб., Акуди, Баймурз., Бирюбаш, Ишим., Калмаш. Кузеево Балт., Маядык., М.-Буляр, с. Мишк., дд. Н.- и Ст.-Васьк., Н.-Иван., Н.-Кульчуб., Памаш, Нуреево, Редьк., Ст.-Ямурз. Балт., Усак. Бир., Уял, Турбек., Чишма, Шелкан.)— ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*сылтан* «?».

316. Аксымпан В (д. Кузеево Балт.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*сым* [<? *Сөембика*<*сөем*<*сөен* «радость»+*бикә* «дама; госпожа; барыня»]+? *бан* [*Бану* (<араб.: Гаф. А. ЛК 169) ж. и.].

317. Аксырт В (д. Кузеево Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*сырт* «хребет; спина».

318. Аксытов Г 1630 г. (Кабанов А. К.— ДНУАК 1912, т. XII, в. III, с. 23) — ф. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*сыт*<? *сырт*, см. *Аксырт*.

318. Аксюба Л 1891 г. (дд. Ирмучаш, Котяминер,

Елеево, Тошкемнур, Яндимир. Уржум. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1788, 1805, л. 9) — м. и. и *Аксюбин* Л (д. Ильпанур: Мар. комм., 1973, 16 янв., с. 3) — ф. Заимств. из тат. яз., см. *Аксыбы.*

319. Аксюбаев Л 1891 г. (с. Елеево Уржумск. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1788, л. 9) — ф. Заимств. из тат. яз., см. *Аксыбай.*

320. Аксюк В 1733 г. (Миллер Г.—ЕС 1756, с. 99) — м. и., *Аксюков* В (д. Василово, Кинбак: Ямделий, 1971, 15 мая, с. 3) — ф. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*сӧк* «?». Ср. ? *аксӧяк* «аристократ», букв. «белая кость».

321. Аксюн В 1733 г. (Миллер Г. Ф.— ЕС 1756, с. 23; Артемьев А.— АГО СССР, р. 14, оп. I, ед. хр. 4, л. 9)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*сӧн* «?». Ср. *Сӧенеч* (СЛИН 1979, с. 142) — м. и.

322. Аксья В (д. Норк.) — м. и. Заимств. из тат. яз., см. *Аксай:* ЭСМЯ I, с. 73.

323. Акт В (дд. В.- и Н.-Иван.)—м. и., представленное лишь в составе микротопонима: *Акт олык (олык* «луг»). Вероятно, заимств. из тат. яз., ср. *Актавий* (ниже).

324. Актави Л, В (МИ 1950, с. 244) — теоним (дочь бога), *Актавий* (Васин К. МА 153)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Актай* «?»+*бий*<*биби* «госпожа; дама; хозяйка», хотя под вопросом могли бы сопоставить и с русск. *Октавиана* — ж. и.

325. Актäер В (д. Шелкан.), *Актäир* В (д. Усак. Бир.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Ак* «белый»+*Таир*~ *Тахир* (<араб.) — м. и.

326. Актазиков: Актазиков Акчорка 1675 г. В (Кунгурск. у.: КА XVII в., с. 23) — ф. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*таз (тажь)* «корона, венец». К тому же тат. источнику восходит ойконим *Актазики* (Помашинерь) в Кураковск. в. Елабуж. у. Вят. губ. (МПСВГ 1889, т. VI, Елабуж. у., ч. II, с. 26).

327. Актай Г 1901 г. (Ашм. Н. БЧ 59), Л (Олык Ипай. ПЖ 35) — м. и., *Актаев* Л 1678 г. (с. Пораты: Архив Айпл. Г. II, с. 551; дд. Б.-Сердеж, Чашкаял), Г (д. Б.-Емангаши), Л, В (Четкарев К. А. МС 1941, т. I, с. 67) — м. и. Заимств. из тат. яз., ср. *Актаев: Актаев* Сапаргул 1734 г. (МПР 1900, т. I, с. 213) — башкир, *Актай* XIII в. (старокипчакск. яз.: Курышж. А. К. ИПЛСК

99) — м. и., рассматриваемое тюркологами как сращение тюркских *ак* «белый» и *тай* «жеребенок».

Тот же антропоним представлен в мар. ойкониме *Актаюжи* в Кумьин. обществе Яран. у. Вят. губ. (Спир. С. К. НМ 1898, с. 29) <Актай — м. и.+финно-угорского происхождения др.-мар. гидроним *Южа*[*ю* «река» при коми-з. *ю* «тж»+топоформант *-жа*)], последний из которых выступает в географических названиях селений *Юж-Изыгачево, Юж-Озерный, Юж-Сапарово, Юж-Толешово, Южинский* производственный участок Медв. р. Мар. АССР.

328. Акталче В (Ӱпым. 108) — ж. и., В (Шурминск. р. Киров. обл.: МНС 1945, с. 5) — дочь мар. богатыря Алымпатыра.

Совершенно неоправданно расчленяет С. Я. Черных (—Ончыко, 1972, № 2, с. 98) *Акталче* на два компонента: *ак* «белый» и *талче*, усматривая в последнем мар. аппелятив *тулаче* [заимствованное из булг. (др.-чув.) яз.: *тулаче* Л, В *тыклацы* Г «сваха» — соответственно *тулар* «сват»<общемар. **туклар* «сват», *тукларче* «сваха» — чув. *тахлач, тахлача* «сватья (мать невестки, зятя; замужняя родственница зятя или снохи; пожилая женщина»<булг.**тукларсьи*. В. Г. Егоров (ЭСЧЯ 241) склонен связывать его с чув. *тăхăм* «потомство; род, племя; отпрыск»].

Представляет уменьш.-ласкат. форму, образованную с помощью суф- *алче* от *Актай* (см. выше) — м. и.

329. Ăктăм В (дд. Чишма, Шелкан.)—м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Ăктăм олык* В [(д. Н.-Кильбахт.) *олык* «луг»]. Заимств. из тат. яз.: *Ахтам* (<араб.: Гаф. А. ЛК 167), букв. «беззубый».

330. Актанай Л (дд. Коркат.; Руясола Сов.— Ямде лий, 1936, 26 апр., с. 3), также герой пьесы «Вӱдшӧ йога» С. Н. Николаева (—Ончыко, 1976, № 3, с. 82), *Актанайка* СЗ 1678 г. — (Иванов И. Г.— ПМН 256)— м. и., *Ахтанаев* Л 1678 г. (с. Пораты: Архив Айпл. Г. II, с. 552) — ф. Заимств. из тат. яз., ср. башк. *Актанай* (Кузеева Р. Г. БШ 119) — м. и. Производное от *Актай* (см. выше) с помощью уменьш.-ласкат. суф. *-анай* (о последнем форманте см. *-анай*: ЭСМЯ I, с. 107—108).

331. Актаналче Л (д. Шуледур)—ж. и. Заимств. из тат. яз.— производное от *Актанай* (см. выше) с помощью уменьш.-ласкат. суф. *-алче*, см. *Айгалче*.

332. Ӓктӓр В (д. Н.-Качмаш), *Ӓктӓри* В (дд. Бирюбаш, Ирдуган., Кузеево Балт., Н.-Иван.), *Ӓктӓрий* В (дд. Айгильд., Актуг. Калт., Семенк., Ст.-Тураево), *Актарий* В (дд. Бабаево, Василово, Калмиябаш, Маядык — м. и. и соответственно *Актариев* В, *Актареев* В (д. Еммет) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Ӓхтӓри* (СЛИН 1979, с. 150) — м. и. <араб. (Гаф. А. ЛК 167), букв. «звезда». В абсолютном исходе антропонима выступает вокативн. суф. *-и(й)*.

Тот же антропоним *Ӓктӓрий*: *Ӓктӓрий олык* В (Н.-Иван.) — *олык* «луг».

333. Актемес СЗ — м. и., сохранившееся лишь в составе мар. поч., *Актемесов* (Семионки) в Яран. у. Вят. губ. (СНМ по свед. 1859—1873 гг., т. X, Вят. губ., с. 795). Заимств. из тат. яз.: *Актай*+каритивн. (лишительн.) суф. *-мас (-мӓс)* «не-, без-».

334. Актемир В 1766 г. (д. Кика Казан. у.— Ник. Н. В. СИМ 1920, с. 476), Л 1776 г. [д. Морки Аренск. дороги Казан. у. (—ТВУАК 1909, в. I, с. 37)], В 1891 г. (д. Пукшинеры Малмыж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1702, л. 9), *Актимӹр* В (д. Аккуб.) — м. и., *Актимирова* В (д. Токперд. Бакалин.— Ямде лий, 1971, 29 мая, с. 4; д. Маняк) — ф. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*тимер* (др.-тат. *темир*) «железо».

335. Актерыш Л 1887 г. [(Яковлев Г. РОЧ 51); д. Токперд.], В 1897 г. (д. Шорабаш Мамсин. в. Казан. у.— РФ НБ КУ, № 1406, л. 1)—м. и., *Актерыш* В—мар. назв. мар. д. Тузлубино, *Актиреш*—тат. наимен. той же д.; *Актыреш* — в составе микротопонима *Актыреш корем* В (д. Н.-Иван.—*корем* «овраг». В основе последних двух географических названий — имя одного из основателей селения.

Заимств. из тат. яз.: *Ӓхтӓри* (СЛИН 1979, с. 88) — м. и.+аппелятив *иш* «чета, пара; товарищ, друг».

336. Ӓктийӓр В (дд. Чишма, Шелкан.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Ӓхтиӓр* (СЛИН 1979, с. 88).

337. Актимӹр В — м. и. Заимств. из тат. яз., см. *Актемир*.

338. Актӱбӓ В (д. Ст.-Откуст. Караид.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*тӱбӓ* «темя, макушка головы»: прозвище→собст. имя.

339. Актулатка Л 1678 г. (д.-Корамас) и *Актул-*

ко СЗ 1678 г. (Яран. в. Вят. губ.— Архив Айпл. Г. II, с. 572, 442) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*Дәүләт* (СЛИН 1979, с. 73) *«Давлет»* — от аппелятива *дәүләт* (<араб.: Гаф. А. ЛК 180) «богатство; счастье».

340. Актыбали В (д. Кузеево Балт.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*туй* «свадьба»+*Вәли* (СЛИН 1979, с. 132) — м. и. (<араб.: Гаф. А. ЛК 172— букв. «святой, угодник; близкий»).

341. Актыбе В (д. Рефанды) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*туй* «свадьба»+*би* уст. «князь; вельможа, дворянин; господин, чиновник».

342. Актыбай Л (д. Токтарово Серн.), *Актывай* Л (д. Шеклянур) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*туй* «свадьба»+*бай* «богатый; богач; хозяин».

343. Актылве В (д. Рефанды) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*тыл* «?» (<? *тулы* «полный»)+*би* «князь; вельможа; дворянин; господин».

344. Аку В (д. Кинягор Елабуж. у.: Васильев В. М.— ИО 1915, кн. V, с. Мишк.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+? ласк. суф. *-у*, если не родственно *Аки* (см.).

345. Акубек В (дд. Аккуб., Гарейка и Тибил. Балт., Василово, Ст.-Откуст. Караид., Ст.-Яш) — м. и. Заимств. из тат. яз., см. *Аккубяково:* ЭСМЯ I, 71.

346. Акуза В (дд. Кузеево, Н.-Дюртюк., Маг.-Алм.), *Акузьа* В (д. Аккуб.) — м. и. Заимств. из тат. яз., см. *Акоза.*

347. Акук В (д. Ст.-Яш) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ахак* «сердолик (драгоценный камень)» при *акук* В «тж».

348. Акулина Л (дд. Ильпанур, Куркумбал Сов., Морки, Ошурга, Янык.), 1891 г. (поч. Ляж-Вершина Уржум. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1788, л. 9), Г (д. Саутк.) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Акулина* (Петр. Н. А. СРЛИ 43) — ж. и. (лат., букв. «орлиная»).

349. Акулов Л (д. М.-Пуял Орш.) — ф. Заимств. из русск. яз.— акающий вариант *Акул, Окуловы*—очень распространенное прозвище от аппелятива *окуя* «плут, хвастун, обманщик» (Вес. С. Б. Он. 230), *окула* (Фасмер III, с. 131) «обманщик, мошенник» от *акула.*

350. Акульшин В (с. Мишк.) — ф. Возможно, заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*Гуль* «?»+*Шайх*

(< араб.: Гаф. А. ЛК 237), букв. «старец, духовный глава».

351. Акусь В (д. Калмиябаш) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Агуська, Агуся* — ласкат. варианты *Агнии* — ж. и. (Петр. Н. А. СРЛИ 240).

352. Акуча В (д. Усола Волж.) — ж. и. Заимств. из русск. яз., см. *Акусь* (выше).

353. Ӓкӱсь В (д. Сус.-Эбал.) — м. и., ласкат. вариант м. и. *Аркадий*. Происхождение неясно. Возможно, представляет незафиксированный вариант русск. м. и.

354. Ӓкӱш В (дд. Актуг. Калт., Н.-Бура, Н.-Иван.) — м. и. Происхождение неясно. Перед нами не диалектный вариант *Ӓкӱсь* (см. выше) — м. и.?

355. Акчавий В (дд. Н.-Бура, Редьк.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *акча* «деньги; монета»+*биби* уст. «хозяйка дома, госпожа». Ср. *Акча* Исалов 1773 г.— башкир, сподвижник Е. И. Пугачева (ДСППВ 1975, с. 255).

356. Акчай В (д. Н.-Кульчуб.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *акча* «деньги; монета»+вокативн. (уменьш.-ласкат.) суф. *-й*.

357. Акчас В (дд. Бекмурз., Усак. Бир., Чишма, Шелкан.), *Акчась* В (дд. Н.-Бура, Редьк.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *акча* «деньги; монета»+суф. *-са (-сӑ)*, который, по утверждению Ф. А. Ганиева (ССТЛЯ 104), «присоединяясь к какой-либо основе, не вносит нового значения, но закрепляет его значение и самостоятельность. Ср. *ин* «плечо» — *инса* «тж».

358. Акчермыт В (д. Ст.-Васьк.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*чермыт* «?».

359. Акчермыш В (д. Елыш.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+уст. *чирмеш* «черемис (мариец)».

360. Акчи Л (д. Сардаял) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *акча* «деньги; монета»+уменьш.-ласкат. суф. *и(й)*.

361. Акчорка В (Кунгурск., у., 1668 г.: КА XVII в., с. 23) — м. и. Заимств. из тат. яз., ср. *Акчора* XVI в. (СКО 1838, № 1, с. 25) — казанский татарин.

362. Акчура СЗ — м. и. одного из основателей мар. д. Акчурино в Санчурск. р. Киров. обл., *Акчурин* В (д. Васьк. Перм.: МДЭ МарНИИ—60, № 77, л. 9) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Акчурин* XVII в. (Ахметзянов М. И.—МЧКМУ 1976, с. 130) — казанский татарин. Кто-

му же тат. источнику восходят морд. *Акчурин* Бичура 1602 г. (Вес. С. Б. АПА 1915, с. 215), с. *Акчурино* в Горбатовск. у. Нижегородск. губ. (СНМНГ 1916, с. 160), д. *Акчурино* в Калуж. у. в 12 верстах от Калуги (ГСРИ 1801, ч. I, с. 95).

363. Акш Л — м. и., представленное лишь в составе микротопонима *Акшполко олык* [(с. Кр. Яр), *полко* «род; поколение; родня», *олык* «луг»]. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*ш-* «?», что вряд ли сравнимо с гидронимом *Акша* — р. в Белебеевск. у. Уфим. губ. (Бессонов А. Г.— ЗООРГО 1881, в. IV, с. 159), возводимый к *акча* «беловатый». Вероятно, мар. *Акш* представляет усечение др.-мар. *Акшак* — м. и., сохранившееся лишь в составе географического названия *Акшак ныр карем* Г [(д. Топаево) — *ныр* «поле», *карем* «овраг»], также восходящее к тат. источнику: *ак* «белый», что и вверху,+*Шахи* (СЛИН 1979, с. 148; <араб. *Шайх:* Гаф. А. ЛК 236, букв. «старец, духовный глава»).

Сближение *Акшак: Акшак ныр карем* Г с мар. *акшак* «хромой» вторично на основе омонимии.

364. Акыбек В (д. Елыш., с. Мишк., д. Н.-Иван.), *Акывек* В (д. Ст.-Ямурз.) — м. и., также — в составе микротопонима *Акывек памаш* В (д. Туктаево Балт.— *памаш* «ключ, родник, источник»). Заимств. из тат. яз.— представляет редуцированный вариант м. и. *Акубек,* см. выше.

365. Акывай Л — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Акывай кӱсото* (д. В.-Кугунер Серн.— *кӱсото* «мольбище»), букв. «место, где собирались на моление члены рода Акывая». Заимств. из тат. яз.: *акыл* «ум, разум, рассудок»+*бай* «богатый; богач; хозяин».

366. Акылвай Л — м. и., согласно тополегенде, одного из основателей мар. д. Матародо (ныне с. Куракино Пар.: Иванов И.—Мар. комм., 1967, 15 июля, с. 3), также — в составе микротопонима *Акылвай тайыл* Л (там же — *тайыл* «покатость, уклон; склон, косогор, откос»). Заимств. из тат. яз., см. *Акывай.*

367. Акйлий В (д. Актуг. Калт.) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Акилина, Акуля* (<лат.: Петр. Н. СРЛИ 43) — ж. и.

368. Акынаш Л (д. Чодраял Волж.) — м. и. Веро-

ятно, заимств. из русск. яз.: *Акиня, Акинька, Акинфушка* (Петр. Н. СРЛИ 242) — м.и.

369. Акынтий Л (д. Ошурга) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ахунд* (<тюркск. *ага* «господин»+перс. *худаванд* «господин» — Гаф. А. ЛК 167)+уменьш.-ласкат. (вокативн.) суф. *-ий*.

370. Акыш В (д. М.-Буляр)—м.и. Заимств. из тат. яз.—вероятно, представляет редуцированный вариант *Акуш* (см.: ЭСМЯ I, с. 75) — м. и. Вряд ли правомерно усматривать контаминацию *ак* «белый» и *кыш* «зима».

371. Алабайка В 1675 г. (Кунгурск. у.: КА XVII в., с. 37) — м.и. Заимств. из тат. яз.— представляет сложение *алла* «бог; господь; всевышний»[ср. башк. *Аллаяр* СЛИН 1979, с. 69 при *яр* «возлюбленный, милый, любимый»]+*бай* «богатый; богач; хозяин». Ср. *Алабердин* Ижбулатка 1669 г. (ДПК 1897, с. 63)— пензенский татарин и русск. (из тат. источника) *Алабердеев* Ефим 1685 г., Вотск. пятина Новг. у. (ОПК по Новуг. и Пск. 1841, с. 72).

Не подходит для этимологии этого имени тат. *алапай* «неопрятный, неряшливый».

372. Алавий В (д. Уял) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *алла* «бог; господь; всевышний»+*биби* «хозяйка дома, госпожа»+уменьш.-ласкат. (вокативн.) суфф. *-ий*.

373. Аладин Л, В (МИ 1950, с. 9) — м.и. сказочного героя. Заимств. через русское посредство из тат. источника: *Аладин* — м.и. от аппелятива *алла* «бог»+*дин* «вера, религия».

374. Алаев Л, В (Орай Дм. ОВ 1974, с. 48) — ф. Заимств. из русск. яз.: *Алай* (Чечулин Н. Д. ЛИ 1880, с. 7) — прозвище Артёма; *Алай:* Осип Никитич *Алай* Львов 1606 г. (Вес. С. Б. Он. 11) — м.и.

375. Алафузов В 1904 г. (д. Черем. Тука Малмыж. у. Вят. губ.: ВЕВ 1904, № 20, с. 512)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Халаф* (<араб., букв. «сын, преемник»)+*Уз: Узайр* (Гаф. А. ЛК 233, 230; букв. «сила, мощь».

376. Албай — м.и.: Албайка СЗ 1678 г. (Яран.в. Вят. губ.: Г. Айпл. Архив II, с. 447) — м.и., *Албаев* СЗ (Суксун. р. Вят. губ.: ДАОИВК 1881, 174) — «черемисин Сабацкой деревни» и Л (дд. В.-и Н.-Кугенер Серн.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Али* (<араб.: Гаф. А. ЛК 162; букв. «возвышенный»)+*бай* «богатый; богач; хозяин»; *Албай*—тат. с.в Мамадыш.р. ТАССР (ТАССР

АТД 1963, с. 117). Ему паронимичны гидронимы *Алба* в Москов. у. (СНМ по свед. 1859, Моск. губ., т. XXIV, с. 18), *Альба* в Старицк. у. Твер. губ. (СНМРИ 1862, Твер. губ., т. XLIII, с. 387) — основа которых—возможно *Алба* (Петр. Н. СРЛИ 244) — ласкат. в. м. и. *Албин*.

377. Албате Л 1897 г. (д. Изишурга Себеусадск. в. Царевококшайск. у. Казан. губ.: РФ НБ КУ, № 1406, тетр. № 2, л. 1) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Али* (см. *Албай*)+*Бату* (СЛИН 1979, с. 130) — м. и., хотя в то же время более вероятна связь с *Албахтин* (см. ниже).

378. Албахтин Л (д. Руясола Сов.) — ф., *Албахтко* Л 1678 г. (с. Пораты: Архив Айпл. Г. II с. 427) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Али* (см. *Албай*)+аппелятив *бәхет* «счастье, удача».

379. Альберт Л 1678 г. (с. Пораты: Архив Айпл. Г. II, с. 527) — м. и., также широко распространенное ныне во всех мар. диалектах. Заимств. из русск. яз.: *Альберт* (Петр. Н. СРЛИ 46). — м. и.

380. Албй В (д. Акуди), *Алви* В (д. Шелкан), *Алвий* В (д. Чишма), *Алвий* В (дд. Айбылат, Ст.-Акбулат.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Али* (см. *Албай*)+*би*<*биби* «хозяйка дома, госпожа»+вокативн. суф. *-ий*.

381. Албикә В (дд. Акуди, Усак. Бир.), *Әлбикә* В (дд. Искуш, Турбек., Чишма, Шелкан.), *Албика* В (дд. Бирюбаш, Елыш., М.-Сухояз., Сосновка Миш.), *Алвика* В (Асаев А. ОЙ 166) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Али* (см. Албий)+*бикә* уст. «дама; госпожа, барыня; хозяйка».

382. Албикеч В (д. Ирдуган.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Али* (см. Албай)+*бикә* (см. Албикә)+суф. *-еч* «?».

383. Албикин Г (с. Еласы) — ф. Заимств. из русск. яз., см. антротопоним *Алба : Албай*.

384. Альбина — широко распространенное ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Альбина* (Петр. Н. СРЛИ 424) — ж. и.

385. Алва В (д. Айгильд.) — ж. и. Заимств. из русск. яз.—вероятно, представляет ласкат. (усеченный) вариант ж. и. *Альбины* или ж. имен *Сальвий, Сальвия*, как это полагает Н. А. Петровский (СРЛИ 244).

386. Алвий В (д. Калмаш) — ж. и. Заимств. из тат. яз., см. *Алби*.

387. Алгалче В (д. Чупаево) — ж. и. Заимств. из

тат. яз.: *алга* «серьги; серьга»+ласкат. суф. *-алче* от аппелятива *алучы* «получатель».

388. Алгилда Г 1646 г., *Алгиде* 1647 г. (МПИНК 1913, т. XV, в. 3, с. 13, 149) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Али* (см. Албай)+*килде* «пришел *(-ла, -ло)*».

389. Алгырян В (д. Ст.-Ямурз. Балт.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *алгыр* «проворный, шустрый; цепкий, хваткий»+*жьан* «душа, дух».

390. Алдайкин Г (д. М.-Сундырь) — ф. Сюда же относится ойконим *Алдайсола* Г *(сола* «деревня») — мар. наимен. мар. д. *Алдайкино.* Более приемлемо предположение о русском характере м. и. *Алдай* [*Алда*+ласкат. (вокативн.) суф. *-й* при *Алдоня* — ласкат. вариант м. и. Ардалион (Петр. Н. СРЛИ 242)], нежели о его этимологической связи с тат. *Алдияр* от араб.-перс. *алда яр* (Радлов I, с. 419) «богу быть любимым» при *Алдакай* Кузяшев 1734 г. (Вельям.-Зернов В. В.— ЗАН 1864, № 6, с. 12) — башкир.

391. Алдаким Л (д. Кужмара Зв.) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Алдоха, Алдоша* (Петр. Н. СРЛИ 242) — ласкат. варианты м. и. Евдоким.

392. Алдир Л (д. Вонжедур) — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Алдир корем (корем* «овраг»). Вероятно, заимств. из тат. яз., ср. *Алдияр: Алдайкин* (см. выше).

393. Алдемыр Г (д. Усола) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Али* (см. Албай)+*темир* «железо», хотя не исключено и русск. наслоение, ср. *Ладимир* — ласкат. вариант м. и. Владимир (Петр. Н. СРЛИ 305).

Тот же антропоним представлен в составе ойконима поч. *Алдемерка* 1875 г. Кадамск. в. Яран. у. Вят. губ. (ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 796).

394. Альдина В (д. Ивач.) — ж. и. Заимств. из русск. яз.— вероятно, представляет ж. ласкат. вариант м. и. *Алдоня* от *Ардалион* (Петр. Н. СРЛИ 242) — м. и.

395. Алдругаш В 1679 г. (Кунгурск. у.: КПКТ Пермь 144) — м. и. Вероятно, сложного образования на основе *ал* (<тат. *Али,* см. *Албай)*+друг (русск.)+мар. суф. *-аш.*

396. Алдынов Г (с. Виловат., д. Шактенважы) — ф. Заимств. из русск. яз.— очевидно, представляет уменьш.-ласкат. форму *Ардалиона* — м. и.

397. Алдычка Л 1678 г. (дд. М. Корамас, Пора-

ты:) Архив Айпл. Г. II, с. 587.—м. и. Заимств. из русск. яз.— представляет уменьш.-ласкат. форму м. и. *Алдаким:Алдушок* — ласкат. вариант м. и. *Алдаким* (Васьянов.— ОР ВП 1840, кн. IV, с. 17).

398. Алдышка Г XVI в.— «летописный герой, который заманил на пир главаря из луговых мари антимосковского движения в Марийском крае сотника Мамича Бердея и, пленив его, отправил в Москву к Ивану IV» (Айпл. Г. НСР 1967, с. 106). Заимств. из русск. яз.— представляет уменьш-ласкат. вариант м. и. *Алдаким,* см. *Алдычка.*

399. Алт — м. и., сохранившееся лишь в составе ойконима *Алтсола* Л — мар. вариант названия мар. д. *Алдышка* (*сола* «деревня»). Заимств. из русск. яз.— восходит к тому же антропониму, что и *Алдышка* (см. выше).

400. Алтыш Л — м. и. героя в пьесе С. Н. Николаева «Акпарс» (Ончыко, 1976, № 3, с. 91). Заимств. из русск. яз.— представляет ласкат. вариант м. и. *Алдаким* — см. *Алдышка.*

К тому же, следует полагать, восходит *Алтыш: Алтышев* Бекбулат Л (ППК XVII в. по Н.-Новг. 1895, с. 325, 326).

401. Алей Г (д. Усола) — м. и. Заимств. из русск. яз.: Алешай — ласкат. вариант м. и. *Алексей* (Петр. Н. СРЛИ 243).

402. Алей В (д. Акуди) — м. и., *Алеев* В (д. Чемаево Карамд.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Алей* 1598 г. (АИСИАК 1841, т. II, с. 40; Новицк. Г. КОНО 1941, с. 100)—сын сибирского князя Кучюма; Чин *Алей* Монла 1608 г. (Гнев. А. М. АВПВШ 201) — ногаец. По-видимому, тат. *Алей* в свою очередь представляет вокативн. форму, образованную с помощью суф. *-ей* от *Али* — м. и.

403. Алек 1557 г. (Артемьев.— КВГ, 1848, № 22, л. 183) — «служилый черемисин в крепости на р. Меше»; Л (д. Отымбал), В (дд. Бикшик., Ишим., Кайрак, М.-Сухояз.) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Алёк* — ласкат. вариант м. и. Александр (Петр. Н. СРЛИ 242).

404. Алека (или *Олека*) В 1553 г. (Егоров Ф. МПИНМ 1929, с. 99) — мар. богатырь, *Алека* — «черемисин», славный «кропопиец христианский»,— отмечается в памятниках письменности (Золотн. Н. И.—

ТЧАС 1877, т. I, с. 155), убит в 1554 г.; *Алёка* В (д. Н.-Кульчуб.) — м. и. Заимств. из русск. яз. — по-видимому, один из вариантов м. и. Александр (см. *Алек*): *Алек*+вокативн. суф. *-а*.

405. Алекäй В (дд. Кузеево и Ст.-Ямурз. Балт.) — м. и., а также представленное в составе микротопонима *Алекäй лаке* В (д. Ст.-Дюртюк — *лаке* «яма»). Заимств. из русск. яз.: *Алека* (см. выше)+вокативн. суф. *-й*.

406. Алексе Г 1880 г. (д. Юнготы: РФ НБ КУ, № 1752, л. 4), *Алексе* Л (д. Уржум-Ноля), *Алексей* Л 1891 г. (д. Черем: Лебляк: ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1788, л. 9), *Алекси* В (д. Кузеево Балт.), *Алекси* Л 1894 г. — (РФ НБ КУ, № 1365, л. 1), *Альыкси* В (д. Н.-Татья), *Алыкси* В (д. Н.-Кульчуб.) — м. и. и производное от него *Алексеев* — ф., представленное также в составе ойконимов *Алексеевское* Л — офиц. наимен. мар. д. Усола Волж.

Заимств. из русск. яз.: *Алексей*, стар. *Алексий* (<греч.: Петр. Н. СРЛИ 44—45) — м. и.

407. Алем Л (д. Чодраял Волж.) — м. и. Заимств. из тат. яз. (ср. *Алембай*). То же касается как русск. *Алим* (Петр. Н. СРЛИ 45) — м. и., так и морд. *Алемаев* 1669 г., г. Пенза (ДПК 1897, с. 61), *Алемасов* 1677 г. (Мокшин Н. Ф. ЭИМ 1977, с. 99) — мордовские мурзы, в последнем антропониме из которых выступает каритивн. формант *-мас* (см. *Аймасов*).

408. Алемä В (дд. Ирдуган, Кузеево Балт., Марино Илиш.: М.-Ярмино, Н.-Дюртюк., Н.-Качмаш, Нуреево, Сус.-Эбал., Чабаевка, Чаки Илиш., Янтимир. Балт.), *Алема* В (д. Ст.-Яш), *Алема* В (дд. Н.-Иван., Ст.-Откуст.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Алима* — жен. вариант антропонима *Алим* (<араб.: Гаф. А. ЛК 163), букв. «знающий, ученый».

409. Алена В (Асаев А. ОП 127), *Алёнä* В (дд. Н.- и Ст.-Дюртюк., Н.-Татья), *Алёна* Л, В — ж. и. Заимств. из русск. яз.— представляют ласкат. варианты ж. и. *Елена* (Угрюмов А. РИ 67).

410. Аленьков Г (с. Виловат.) — ф. Заимств. из русск. яз.: *Аленька* (Петр. Н. СРЛИ 243) — ласкат. вариант м. и. Александр.

411. Алепа В (Юзык. А. КВ 28: д. Тузлуб.), *Алепа* В (дд. В.- и Н.-Иван, Кельтей, Кузеево Балт., Ст.-

Ямурз., Н.-Татья) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Алифа* (ЭСЛИН 1979, с. 165) — ж. и.

412. Алепти Г (дд. Паньк., Яштуга) — ж. и. Заимств. из русск. яз.— представляет ласкат. вариант ж. и. *Алевтина.*

413. Алетдин В (дд. Кузеево Балт., Т.-Елга) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Алит* ~ *Хәлит* (<араб., букв. «вечный, постоянный») + *Дин* (<араб.: Гаф. А. ЛК 147, 184), букв. «религия, вера») — м. и.

414. Алёш *(Альош)* и *Алёша (Альоша), Ольош* — широко распространенное м. и. Заимств. из русск. яз.: *Алёша* — ласкат. вариант м. и. *Алексей* (Петр. Н. СРЛИ 243).

415. Алече В — м. и., сохранившееся лишь в составе гидронима *Алече энер* В (д. Амзибаш — *энер* «река»). Заимств. из русск. яз.: *Алечка* — ласкат. вариант м. и. *Алексей* (Петр. Н. СРЛИ 243).

416. Али Л (с. Сотнур, дд. Кугенер Сов., Кукмарь Новотор.), В (дд. Баймурз., Ирсаево, М.-Сухояз., Рефанды), *Әли* В (дд. Акуди, Чишма), *Алий* В (дд. Байгильд., Н.-Бура, Н.-Васьк., Н.-Татья; д. Иванк. Перм.: МДЭ МарНИИ — 60, № 81, л. 50), *Әлий* В (дд. Бирюбаш, Кайрак., Ст.-Откуст.) — м. и. и соответственно *Алиев* — ф. Заимств. из тат. яз.: *Али* (<араб.: Гаф. А. ЛК 167) — м. и., букв. «возвышенный». Ср. *Али-Оглан* XIV в. (Лерберг А. Х. ИСОДИ 1819, с. 386) — хан сибирских татар.

В мар. вариантах выступает также уменьш.-ласкат. (вокативн.) *-ий.*

417. Алик — широко распространенное м. и. и *Аликов* Г (д. Юксары) — ф. Заимств. из русск. яз.: *Алик* (Петр. Н. СРЛИ 267) — ласкат. вариант м. и. *Александр.*

418. Алика Л (с. Ст.-Торъял), В (Ялк. Я.— Ончыко, 1962, № 2, с. 109; дд. Айбылат., Калмиябаш., с. Мишк., дд. Н.- и Ст.-Васьк., Рефанды, Уял), *Әлика* В (дд. Ишим., Кайрак., Ст.-Акбулат.), Әликә В (дд. Айгильд., Красн. ключ, Н.-Кульчуб., Усак. Бир., Турбек., Чишма, Чураево), *Алика* В (д. Акуди) — ж. и. Заимств. из русск. яз.— представляет ласкат. вариант ж. и. *Александра.*

419. Аликай В (д. Калмиябаш), *Әликәй* В (дд. Маядык, Т.-Елга) — м. и. и соответственно ф. *Аликаев.*

Заимств. из тат. яз.: *Аликей* Нарыков XVI в. (Смирнов А. ТИР 1901, с. 28)—казанский татарин. Представляет ласкательн. вариант., образованный с помощью суф. *-кай (-кäй)* от арабоязычн. *Али* — м. и.

420. К тому же источнику относится Аликеев Л 1678 г. (с. Пораты) и СЗ 1678 г. (Яран. в. Вят. губ.: Архив Айпл. Г. II, с. 560, 500), Г 1646 г. (МПИНК 1913, т. XV, в. III, с. 3) — ф.

421. Алим В (д. Байгильд.), *Алим* В (д. М.-Буляр)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Алим* (<араб.: Гаф. А. ЛК 162 — букв. «знающий, ученый»: СЛИН 1979, с. 130) — м. и.

422. Алима В 1897 г. (д. Шорабаш Мамсин. в. Казан. у.— РФ НБ КУ, № 1406, л. 1; дд. Бабаево, Ельш., Рефанды), *Алима* Л (дд. Кожлаер, Кугенер Сов., М.-Лебляк, Олоры, Сабактур, Торешкибар, Усола, Чодраял Волжск., Шланъ), *Алимä* В (дд. Айгильд., Аккуб., Бирюбаш., Ишим., Маг.-Алм., Н.-Кульчуб., Турбек., Чишма, Шелкан.), *Алима* Л (д. Арбор), В (дд. Н.- и Ст.-Васьк., Ст.-Акбулат.) — ж. и. при чув. *Елиме* (Ашм. III., с. 12) — ж. и. Заимств. из тат. яз.— представляет женский вариант антропонима *Алим* (см. выше).

423. Алимбай Л, В (С. Николаев. Мусьафа 19)— в составе отчества *Алимбаич*. Заимств. из тат. яз.: *Алим* (см. *Алим*)+*бай* «богатый; богач; хозяин».

424. Алимпов Л 1897 г. (д. Изишурга Себеусадск. в. Казан. у.— РФ НБ КУ, № 1406, тетр. № 2, л. 1) — ф. Вероятно, заимств. из русск. яз.: *Олимп* (<греч.: Петр. Н. СРЛИ 169) — м. и.

425. Алимъян В (д. Ст.-Ямурз.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Алим* (см. *Алим*)+*жьан* «душа, дух».

426. Алина (Ялк. Я. ППВ 1972, с. 51), В (дд. Айгильд., Акудибаш, Бабаево, Бахтыб., Бикшик., М.-Сухояз., Ст.-Акбулат, Н.- и Ст.-Васьк., Ст.-Акбулат., Н.-Дюртюк., Рефанды, Ст.-Ямурз., Чураево), *Алинä* В (дд. Маняк, Чишма) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Алина* — уменьшит. форма *Альбины* и *Акилины* (Петр. Н. СРЛИ 45) — ж. и.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВКДТ 1936 — Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии в XIX в. М.-Л., 1936.

АИСИАК 1841, т. II — Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею, 1598—1613 гг. СПб, 1841, том II.

АИСИАК 1842, т. IV — Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею, 1645—1676 гг. СПб, 1842, том IV.

Айпл. Г. Н.— Мар. комм., 1962, 14 окт., с. 3 — Айплатов Г. Н. Акпарс да тудын йолташыже-влак.— Марий коммуна, 1962, 14 октябрь, с. 3.

Айплатов Г. Н.— СФУ 1965, № 2 — Айплатов Г. Н. О марийских собственных именах XVII века.— Советское финно-угроведение, 1965, № 2.

Айпл. Г. Н. НСТР — Айплатов Г. Н. Навеки с тобою, Россия. Йошкар-Ола, 1967.

Акц. В. А. ТМОВ — Акцорин В. А. Тошто марий ой-влак. Йошкар-Ола, 1972.

Алонз.— ПКОГ 1865 — Алонзов, свящ. О религиозных верованиях некрещенных черемис Бирского уезда.— Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865.

Андриевский А.— СМИВК 1881 — Андриевский А. Дела о совершении языческих обрядов и жертвоприношений крещенными инородцами Вятской губернии (1828—1857).— Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1881.

Алексеев П. ЦС 1775 — Алексеев П. Церковный словарь или истолкование речений славенских древних. СПб, 1775.

Арсл. Л.— ПМН — Арсланов Л. Некоторые особенности татарской речи марийцев Актанышского района Татарской АССР.— Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

Артемьев А.— АГО СССР, р. 14, оп. I, ед. хр. 4 — Артемьев А. Описание Казанской губернии (1848 г.)— Архив Географического общества СССР, разряд 14, опись I, ед. хр. 4.

Артемьев.— КГВ 1848, № 22 — Артемьев. Очерк истории черемисов.— Казанские губернские ведомости, 848, № 22.

АР.— ПКВГ 1870 — Алфавитная роспись святых, находящихся в полном месяцеслове, с показанием времени, когда память их празднуется православною церковью.— Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Вятка, 1870.

Архив Айпл. Г. II — Марийский край в XVII в. Сб. документов. Сост. Г. Н. Айплатов.— Госархив МАССР, оп. I, д. 346, т. II.

Асаев А. О Й. 1971—Асаев А. А. Ошвичыжат-йӱксыжат. Йошкар-Ола, 1971.

Ахмаров Г.— ИОАИЭ 1903, т. XIX, в. II—Ахмаров Г. О языке и народности мишарей.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1903, том XIX, вып. II.

Ахметзянов М. И.— МЧКМУ 1976 — Ахметзянов М. И. Эволюция татарских шеджере и их виды. Материалы IV конференции молодых научных работников. Казань, 1976.

АХУЕ 1908, кн. III — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. СПб, 1908, книга III.

Ахунз. Э. М. РЗТЯ — Ахунзянов Э. М. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968.

Ашм. Н. И. БЧ 1902—Ашмарин Н. И. Болгары и чуваши. Казань, 1902.

Ашм. I, Ашм. II, Ашм. III — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1928, вып. I; 1929, вып. II; 1929. вып. III.

АЮСФСД 1838 — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб, 1838.

Баскаков Н. А.— РЯ 1975, в. III — Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения.— Русское языкознание. Алма-Ата 1975, вып. III.

Бессонов А. Г.— ЗООРГО 1881, в. IV — Примечания А. Г. Бессонова к статье Р. Г. Игнатьева «Названия вод, урочищ и проч. как памятники югров в Уфимской губернии.—Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. Оренбург, 1881, вып. IV.

БКЧ.— ИПКЕ 1873—Беседы к черемисам Кузнецовского школьного прихода учителя И. Я. Молярова — Известия по Казанской епархии. Казань, 1873.

Благовещ. И. СНМОГ 1905 — Благовещенский И. И. Список населенных мест Олонецкой губернии. По сведениям за 1905 год. Петрозаводск, 1907.

Бор. В.— ЧОИДР 1899, кн. I — Борисов В. Строельная книга г. Пензы (XVI—XVII вв.).— Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1899, книга I.

Борисов Т. К. УК 1932 — Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Ижевск, 1932.

Бояр. В. КК — Бояринова В. Кӱдыроҥгыр кугыжаныш. Йошкар Ола, 1974.

Бурн. В. ОТС — Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб, 1845.

Васильев В. М.— ИО 1915, кн. V; 1915, кн. X — Васильев В. М. Черемисы — язычники. Материалы для изучения верований и обрядов черемис.— Инородческое обозрение. Казань, 1915, книга V; 1915, книга X.

Васильев И. ИСГПУ 1882 — Васильев И. И. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков, 1882.

Васин К. и др. ИИРФ 1966—Васин К. К., Коробов С. А., Рейнфельдт Б. К. Из истории развития философской и общественно-политической мысли в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1966.

Васин К. Ушн.— Васин К. Ушнымаш. Йошкар-Ола, 1956.

Васин К. МА — Васин К. К. Муро апшат. Йошкар-Ола, 1974.

Васьянов.— ОР.— ВП 1840, кн. IV — Васьянов. Курское наречие.— Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. М., 1840, книга IV.

Вахидов С. Г. ТЛКВК 1926 — Вахидов С. Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края. Казань, 1926.

ВЕВ 1888, № 18 — Вятские епархиальные ведомости. Вятка, 1888, № 18.

ВЕВ 1904, № 20 — Вятские епархиальные ведомости. Вятка, 1904, № 20.

Вельям.-Зерн. В. В — ЗАН 1864, № 6 — Вельяминов-Зернов

В. В. Источники для изучения жалованного башкир русскими государями.— Записки Академии наук. СПб, 1864, № 6.

Верещагин Гр.— ИАОИЗРС 1911, № 7 — Верещагин Гр. Вотские боги.— Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1911, № 7.

Вес. С. Б. АПА 1915 — Веселовский С. Б. Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.). М., 1915.

Вес. С. Б. Он.— Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974.

Виногр. Н — СОРЯС 1904, ч. I — Виноградов Н. О народном говоре Шунгенской волости.— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб, 1904, т. LXXVII, № 8. Костромской уезд, ч. I.

Вихман Ю. ЧТ 1923 — Wichmann Y. Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischen Abriss. Helsingfors, 1923.

Влгд. обл. АТД 1974 — Вологодская область. Административно-территориальное деление. Вологда, 1974.

Воробьев Н.— ТОЕ при Казан. ун-те, 1926, т. LX, в. III — Воробьев Н. Озера Козьмодемьянского кантона Марийской автономной области.— Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1926, том LX, в. III.

Воронов С. П.— ЭС 1962, в. V — Воронов С. П. Исторический взгляд на двинских удельных крестьян.— Этнографический сборник, 1862, вып. V.

ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1701 — Государственный архив Кировской области, фонд 574, опись I, ед. хр. 1701.

Галкин И. С.— ЭСМЯ I — Галкин И. С. От редактора: Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1979, том I, буквы А—Б.

Гальченко И. Е. ГЛЯН 1975 — Гальченко И. Е. Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Учебное пособие. Орджоникидзе, 1975.

Гаф. А. ЛК — Гафуров А. Лев и Кипарис. М., 1971.

Герд А.— СРГ 1975, в. II — Герд А. С. По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии.— Севернорусские говоры. Л., 1975, вып. II.

Глезд. П. ТМК 1907 — Глезденев П. П. Тӱнгалтыш марла книга (на луговом черемисском языке). Казань, 1907.

Гнев. А. М. АВП 1914 — Гневушев А. М. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914.

Гор. Гр.— ЭС 1864, в. VI—Григорий Городской. О черемисах, проживающих в Красноуфимском уезде Пермской губернии.— Этнографический сборник. СПб, 1864, вып. VI.

Горд. Ф.— ВМЯ 1968 — Гордеев Ф. И. О происхождении тюркских этнонимов.— Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1968, вып. 2.

Горд. Ф. И. — ПМН — Гордеев Ф. И. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке.— Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

Горчаков М. ОПВ 1871 — Горчаков М. О земельных владениях российских митрополитов, патриархов, в. Синода (988—1738 гг.). СПб, 1871.

ГСРИ 1801, ч. I—Географический словарь Российской империи. М., 1801, часть I.

ДАОИВК 1881 — Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881.

Джанузаков Т. Авт. д/д — Джанузаков Т. Дж. Основные проблемы ономастики казахского языка. Алма-Ата, 1976. Автореферат докторской диссертации.

Джумагулов Ч. ЯСТП — Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971.

ДНУАК 1912, т. XIII, в. III — Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Сборник том XIII, вып. III. Нижний Новгород, 1912.

Добр. Н.— ЕВГСК 1876, т. I, в. II — Добрынин Н. К. Географо-статистическое описание Муромского уезда.—Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1877, том. I, вып. II.

Добросмыслов А. И. МПИР 1900, т. II — Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Оренбург, 1900, том. II.

ДПК 1897 — Десятни Пензенского края (1669—1696 гг.). СПб, 1897.

ДСППВ 1975 — Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975.

ДСТЯ 1969 — Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969.

Европеус Д. П — Тр. VII арх. съезда 1891, т. II — Европеус Д. П. Об угорском народе.— Труды VII археологического съезда. СПб, 1876, том. II, вып. I.

Егоров В. Г. ЭСЧЯ — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Егоров Ф. МПИН 1929 — Егоров Ф. Материалы по истории народа мари. Козьмодемьянск, 1929.

Жилин.— ИОАИЭ 1888, т. VI, в. II — Жилин. Материалы для русского словаря (Слова, имеющие особенное значение в говоре жителей села Великоречья (близ г. Царево-Санчурска) Яранского уезда.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1888, том VI, вып. II.

Зеленин Д. К. ОРУА 1915, в. II — Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества. Петроград, 1915, вып. II.

Золотн. Н. И.— ТЧАС 1884, т. I — Золотницкий Н. И. Алфавитный список древнейших, исторических инородческих имен, преимущественно встречающихся в исторических и юридических актах и служащих к объяснению названий населенных местностей Казанской губернии.— Труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. Казань, 1884, том. I.

Иванов И.— Мар. комм. 1967, 15 июль — Иванов И. Г. Легенда але чын? — Марий коммуна, 1967, 15 июль, с. 3.

Иванов И. Г.— ПМН — Иванов И. Г. К вопросу о происхождении тоншаевских марийцев.— Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

Ивановск. обл. АТД — Ивановская область. Административно-территориальное деление. Иваново, 1955.

Износк. И. А.— ТКГСК 1869 — Износков И. А. Горночеремис-

ские селения Кожважского прихода.— Труды Казанского губернского статистического комитета. Казань, 1869, вып. II.

Износк. И. А.— ТЧАС 1884, т. I — Износков И. А. О личных инородческих именах.— Труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. Казань, 1884, том I.

Износк И. А.— РФ НБ КУ, № 1406—Износков И. А. Имена марийцев-язычников с семействами (40 дворов) д. Шорабаш Мамсинской волости Казанского уезда, 1897 г.— Рукописный фонд Научной библиотеки Казанского университета им. В. И. Ленина, № 1406.

ИПГН ТАССР — Инструкция по передаче на картах географических названий Татарской АССР. М., 1964.

Ислентьев В. РПРЯ 1901 — Ислентьев В. Руководство к преподаванию русского языка инородцам по «Учебнику для инородцев» Ислентьева. Казань, 1901, № 114.

КА XVII в.—Кунгурские акты XVII века (1668—1669 гг.). СПб, 1888.

Кабанов А. К — ДНУАК 1912, т. XIII, в. III — Кабанов А. К. Материалы по истории Нижегородского края, 1629 г. Нижнего Новгорода книга платежная всяким денежным пошлинам и оброчным сборам и доимкам.— Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Сборник, том XIII, вып. III. Нижний Новгород, 1912.

Караев С. К.— ОСА 1978 — Караев С. К. Топонимы, антропонимы и этнонимы кишлака Тамтум.— Ономастика Средней Азии. М., 1978.

Кармазин Г. М. МИ 1929, I — Кармазин Г. Марий йылме лончыш. М., 1929, I кыдеж.

Китиков А. Е. МНЗ — Китиков А. Е. Марийские народные загадки. Йошкар-Ола, 1967.

Китиков А. Е. КТ 1979 — Китиков А. Е. Кӱслезе тукым. Йошкар-Ола, 1979.

Коведяев И — Мар. кал. 1918 — Коведяев И. Тошто марийын лӱмжӧ.— Марла календарь. Краснококшайск, 1918.

Козырева Т. З.— ОК 1976 — Козырева Т. З. Осетинская антропонимия древнего и средневекового периода.— Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

Койчубаев Е. КТСК — Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974.

Копор С. А. УЗКПИ 1945, т. X — Копорский С. А. Архаические говоры Осташковского района Калининской области.— Ученые записки Казанского пединститута им. М. И. Калинина. 1945, том X, вып. 3.

Коршунов К — Ончыко, 1976 № 1 — Коршунов К. Аксар ден Юлавий.— Ончыко, 1976, № 1.

КПКН — Кунгурские писцовые книги татар, письма и меры Михаила Кайсарова (1623—1624 гг.) с некоторыми современными пояснениями В. Шишонко. Пермь (без даты).

КПКВГ 1894 — Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 г. Вятка, 1893.

Крив. Г.— ТІУЗК, в. I — Кривощекова-Гантман А. С. Географические названия Коми-Пермяцкого округа.— Труды IV зональ-

ной конференции кафедр русского языка вузов Урала. Пермь, 1964, вып. I.

Кузеева Р. Г. БШ 1960 — Кузеева Р. Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960.

Курышж. А. К .ИПЛС — Курышжанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века. «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.

Крылов В.— Ямде лий ,1977, 20 авг — Крылов В. Пӳрӧ энгер воктене.— Ямде лий, 1977, 20 авг

Лерберг А. Х. ИСОДИ 1819 — Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб, 1819.

Лосс. М.— ЗООРГО 1881, в. IV — Лосиевский М. Черемисская свадьба.— Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. Оренбург, 1881, вып. IV.

Магн. В. МКО 1881 — Магницкий В. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.

Макар., арх. ПУД 1857 — Макария, арх. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб, 1857.

Макар, иеор.— АГО СССР, р. 23, оп. I, ед. хр. 100 — Макарий, иеромонах. Этнографические разговоры в Нижегородском уезде. Нижний Новгород, 1850.—Архив Географического общества СССР, разряд 23, опись I, ед. хр. 100.

Макаров М. Н. ОРПС 1848 — Макаров М. Н. Опыт русского простонародного словословника, М., 1848.

Макс. Н. ВДБЯ—Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976.

Малиев Н.— ТОЕКУ 1876, т. V, в. V — Малиев Н. Антропологический очерк башкир.— Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1876, том V, вып. V.

Малов С. Е. ПДП 1951 — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.

Мар. кал. 1918 — Марла календарь. Краснококшайск, 1918.

Мар. кал. 1920 — Марла календарь 1920 ийлан. Казань, 1920.

МДЭ МарНИИ — Материалы диалектологических экспедиций; по годам, напр. МДЭ МарНИИ — 53, № 36 — Материалы диалектологической экспедиции МарНИИ 1953 г., № 36 (хранится в фондах Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Йошкар-Ола).

Меркурьев И. С. — УЗКПИ 1968, т. XXII — Меркурьев И. С. Склонение местоимений в говоре Мурманской области.— Ученые записки Карельского педагогического института. Петрозаводск, 1968. Вопросы языкознания, том XXII.

Миллер Г.— ЕС 1756 — Миллер Г. Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно: черемисов, чувашей и вотяков.— Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб, 1756.

Миллер Г. Ф. ГЛРГ 1773 — Миллер Г. Ф. Географический лексикон Российского государства или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы... обширной Российской империи. М., 1773.

Миллер Вс. ОРНС 1910, т. II — Миллер Вс. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1910, том II.

Михельсон. СТИС 1861 — Михельсон. 7000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1861.

МП 1950 — Четкарев К. А. Марий йомак. Йошкар-Ола, 1950.
МНС 1945 — Марийские народные сказки. Йошкар-Ола, 1945.
МОЗВГ т. II, Владимир. у., в. II — Материалы для оценки земель Владимирской губернии, том II. Владимирский уезд, вып. II. Владимир на Клязьме, 1899.
МОЗВГ т. V, Яран. у.— Материалы для оценки земель Вятской губернии, том V, Яранский уезд. Вятка, 1903.
МОЗВГ, т. XI, Александровск. у., в. II — Материалы для оценки земель Владимирской губернии, том XI. Александровский уезд, вып. II. Владимир на Клязьме, 1906.
Мокшин Н. Ф. — СЭ 1975, № 3 — Мокшин Н. Ф. Вторые имена у мордвы.— Советская этнография, 1975, № 3.
Мокшин Н. Ф. ЭИМ 1977 — Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы. Саранск, 1977.
Моргенстр. Г. AEV 1927 — Morgenstierne G. An etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
МПИ БАССР, ч. I—Материалы по истории Башкирской АССР, М.-Л., 1936, часть I.
МПИНК 1913, в. III — Материалы по истории Нижегородского края. Нижний Новгород, 1913, вып. III.
МПР 1900, т. I — Материалы по России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Оренбург, 1900, том I.
МПСВГ, т. IX, Яран. у.— Материалы по статистике Вятской губернии, том IX. Яранский уезд, часть II. Вятка, 1893.
МПСВГ 1887, т. IV, ч. II — Материалы по статистике Вятской губернии, том IV. Вятский уезд, часть II. Вятка, 1887.
МПСВГ 1889, т. VI, Елабуж. у., ч. II — Материалы по статистике Вятской губернии, том VI. Елабужский уезд, часть II. Вятка, 1889.
МПСВГ 1887, т. V., Нолинск. у.— Материалы по статистике Вятской губернии, том V. Нолинский уезд. Вятка, 1887.
МПСВГ, т. III, Орловск. у., ч. II — Материалы по статистике Вятской губернии, том III. Орловский уезд, часть II. Вятка, 1886.
МПСВГ, т. VII, Сарапульск. у., ч. II — Материалы по статистике Вятской губернии, том VII. Сарапульский уезд, часть II. Вятка, 1892.
МПСВГ, т. II, Уржумск. у.— Материалы по статистике Вятской губернии, том II. Уржумский уезд, Вятка, 1887.
Мурзаш. А. МП — Мурзашев А. Мланде пуш. Йошкар-Ола, 1974.
МФЭ МарНИИ — 66, № 30 — Материалы фольклорной экспедиции Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, 1966, тетрадь № 30.
Невоструев К. И.— ТПАС 1869, т. II.— Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Булгарского царства в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской.— Труды археологического съезда в России, 1869 г. М., 1871.
Нестеров В. А. НП 1974 — Нестеров В. А. Населенные пункты Чувашской АССР. Словарь-справочник. Чебоксары, 1974.
Нестеров В. А. ППИ — Нестеров В. А. Практикум по истории Чувашской АССР «Чуваши в середине XVIII в. (1740—1760-е годы)». Чебоксары, 1978.
Ник. Н. В. ССОЧ 1913 — Никольский Н. В. Статистические све-

дения о черемисах за 1911 г. с указателем литературы о них на черемисском языке. Казань, 1913.

Николаев С. Н.— Ончыко, 1976, № 3 — Николаев С. «Акпарс» пьеса.— Ончыко, 1976, № 3.

Николаев С. В. Мустафа. Йошкар-Ола, 1976.

Никольск. Н. В. СИМ 1920 — Никольский Н. В. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1920.

Никон. В. А. КТС — Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

Никонов В. А.— Этим. 1971—Никонов В. А. Опыт словаря русских фамилий.— Этимология 1971. М., 1973.

Никонов В. А. ИИО 1974 — Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.

Новицк. Г. К. КОНО 1941 — Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком, 1715 г. Новосибирск, 1941.

Нос. И. И.— БАН, шифр 1.1.2.— Носович И. И. Собрание белорусских слов по алфавиту.— Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР (г. Ленинград), шифр 1.1.2.

НПК Кн. Бежецк. пят., т. VI — Новгородские писцовые книги. Книги Бежецкой пятины. СПб, 1910, том VI.

НСО — ВЕВ 1888, № 18 — Новый случай обращения к православию немалого числа язычников.— Вятские епархиальные ведомости. Вятка, 1888, № 18.

NyK LXX — Серебренников Б. А. К проблеме этнической и языковой принадлежности создателей гидронимики на *-ым (-им)*.— Nyelvtudomanyi közlemények, Budapest, 1968. Budapest, LXX Kötet.

Ожег. С. СРЯ — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1952.

ОКЗКГ 1896 — Обзор кустарных занятий в Казанской губернии. Казань, 1896.

Олык Ипай. ПЖ — Олык Ипай. Пеледме жап. Йошкар-Ола, 1957.

ОПК по Новуг. и Пск. 1841 — Обозрение писцовых книг по Новугороду и Пскову. М., 1841.

Орай Дм. ОВ — Орай Дм. Осып Ваня. Йошкар-Ола, 1978.

Орлов В.— ЖМВД 1851, ч. 33 — Орлов В. Памятники мордовской старины.— Журнал Министерства внутренних дел. СПб, 1851, часть 33.

ОРРП — ЖМВД 1858, ч. 28 — Очерк расселения русского племени в Царевококшайском уезде Казанской губернии (Извлеч. из Казан. губ. вед., 1857 г.).—Журнал Министерства внутренних дел. СПб, 1858, часть 28.

Паасонен Х. ВЧС — Paasonen H. Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki, 1928.

ПГСКГ 1892 — Приволжские города и селения в Казанской губернии. Казань, 1892.

Пекар. Э. К. I—Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. М., 1959, том I.

ПКВГ 1870 — Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Вятка, 1870.

ПКМГ XVI, ч. I — Писцовые книги Московского государства XVI века под ред. Н. В. Калачева. СПб, 1877, часть I.

Плотников А. Ф. НК 1901 — Плотников А. Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда Томской губернии). СПб, 1901.

ПМН 1967 — Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

ППК XVII в.— Писцовая и переписная книга XVII века по Н.-Новгороду. СПб, 1896.

Порф. С. И. РКК. 1916—Порфирьев С. И. Разинщина в Казанском крае. Казань, 1916.

Прохоров В. А. ННКВ 1977 — Прохоров В. А. Надпись на карте. Воронеж, 1977.

Радлов I — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб, 1893, том I.

Риттих А. Ф. МЭР 1870, т. XIV, ч. II — Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870, том XIV, часть II.

РК.— ВМОИДР 1851 — Родословная книга.— Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1851.

РСИ 1912 — Рассказы из священной истории на луговом наречии черемисского языка. Казань, 1912.

РФ НБ КУ, № 1406 — Имена некрещенных черемис д. Шорабаш (Шишор то же) Мамсинской волости Казанского уезда, 1897 г.— Рукописный фонд Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского университета им. В. И. Ленина, фонд № 1406.

РФ НБ КУ, № 1752 — Марийские песни, загадки и пословицы 80-х годов XIX века, записанные в дд. Цалымкина, Юнгота, Цартакмары, Челымкино.— Рукописный фонд Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского университета им. В. И. Ленина, фонд № 1752.

РФ НБ КУ, № 1365 — Тушто-шамыч. Загадки луговых черемис Казанского уезда Чебоксарского уезда Казанской губернии, 12 июля 1894 г.— Рукописный фонд Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского университета им. В. И. Ленина, фонд № 1365.

Рыбаков П.— Мар. комм. 1963, 25 сент.— Рыбаков П. Вер-шӧрла нерген.— Марий коммуна, 1963, 25 сентябрь.

Саадиев Ш. М — ЛИПНБ 1970—Саадиев Ш. М. Основные правила выбора имен для новорожденных (по азербайджанской антропонимии).— Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970.

Саваткова А.— МНС 1967 — Саваткова А. А. Некоторые итоги экспедиции 1967 года.— Материалы научной сессии по итогам исследовательских работ МарНИИ за 1967 г. Йошкар-Ола, 1968.

Саттаров Г. Ф. Авт. д/д — Саттаров Г. Ф. Антропотопонимия Татарской АССР. Автореферат докторской диссертации. Казань, 1975.

Сатуков С.— РФ МарНИИ, № 821, тетр. 2 — Сатуков С. Эрвел марий-влакын илышышт.— Рукописный фонд МарНИИ, № 821, тетрадь № 2.

Сбоев В. ЧВИРО 1865 — Сбоев В. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. М., 1865.

СГСОУ 1895, в. III — Статистическо-географический словарь Опоческого уезда Псковской губернии. Псков, 1895, вып. III.

СЕМЯ 1906 — Святое евангелие на марийском языке. Казань, 1906.

СГН Морд. АССР — Словарь географических названий Мордовской АССР. М., 1975.

Семенов Т.— ИОАИЭ 1897, т. XIV, в. I — Семенов Т. Черемисская сказка о том, как один черемисин обманул черта.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1897, том XIV, вып. I.

Семенов Т.— Тр. VII арх. съезда 1891, т. II — Семенов Т. К. Вопрос о родстве и связи мери с черемисами.— Труды VII археологического съезда, М., 1891, том II.

Серебренников Б. А.— ПМН — Серебренников Б. А. Происхождение марийского народа по данным языка.— Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

СКО 1838, № 1 — Сборник князя Оболенского, № 1. М., 1838.

СЛИН 1979—Справочник личных имен народов СССР. М., 1979.

Смирн. И. Т.— СОРЯС 1901, т. LXX, № 5 — Смирнов И. Т. Кашинский словарь.— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб, 1901, том. LXX, № 5.

Смирнов А. П. ТИР 1901 — Смирнов А. П. Три исторических рассказа. Серебряный руль. Темные люди. СПб, 1901.

СНМКГ 1908—Список населенных мест Костромской губернии. Кострома, 1908.

СНМ по свед. 1859, т. XXIV, Моск. губ.— Список населенных мест по сведениям 1859 г., том XXIV. Московская губерния. СПб, 1862.

СНМ по свед. 1859—1873 гг., т. 3, Вят. губ.— Список населенных мест по сведениям 1859—1873 годов, том X. Вятская губерния. СПб, 1876.

СНМНГ 1916 — Список населенных мест Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1916.

СНМР, т. XLIII, Твер. губ. — Списки населенных мест Российской империи, том. XLIII. Тверская губерния. СПб, 1862.

СНУАК 1913, т. XV, в. II — Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1913, том XV, вып. II.

СНУАК 1913, т. XV, в. III — Список с нижегородских платежниц 154 года.— Материалы по истории Нижегородского края. Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1913, том XV, вып. III.

СОЦК 1959 — Сказание о царстве Казанском. М., 1959.

Спасск. Н. ЧССШ 1909 — Спасский Н. Черемисские святыни села Шапов Царевококшайского уезда, Казань, 1909.

Спасская Л. Н. ПВ 1913 — Спасская Л. Н. Прошлое Вятки с ее заселения русскими. Вятка, 1913.

Спир. С. А. НПКУ 1898 — Спиридонов С. А. Населенные местности Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Козьмодемьянск, 1898.

Станков С. ОФГ 1936 — Станков С. Очерки физической географии Горьковского края. Горький, 1936.

Суперанская А. В.— ВО 1979 — Суперанская А. В. Ономастическая стандартизация. Допустимость. Возможности. Ограничения.— Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. М., 1979.

Теплоухов А. Ф.— ЗУОЛЕ 1924, т. XXXIX — Теплоухов А. Ф. Следы пребывания угорского населения в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермскими и

русскими народами.— Записки Уральского общества любителей естествознания в г. Свердловске. Свердловск, 1924, том XXXIX.

ТВУАК 1909, в. I — Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1909, вып. I.

Тепляшина Т. И. АМПЯ — Тепляшина Т. И. Антропонимические модели пермских языков. М., 1978.

Терещенко Н. М.— НРС — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.

Угрюмов А. РИ 1962 — Угрюмов А. Русские имена. Вологда, 1962.

Ус. Н.— ИОРЯС 1898, т. III, кн. I—II—Усов Н. Язык приугорских портных (д. Дошино Медынского уезда Калужской губернии).— Известия Отдела русского языка и словесности Академии наук. СПб, 1898, том III, книга I—II.

Учаев З. В. — К/д — Учаев З. В. Малмыжский диалект марийского языка. Рукопись кандидатской диссертации. Йошкар-Ола, 1968.

Упым.— Упымарий (В. М. Васильев). Марий мутер. М., 1928.

Упым. МОВ 1926 — Упымарий. Марла ойлымаш-влак. Чарла-Ола, 1926.

Фасмер III—Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971, том III.

Федотов М. ИСЧЯ I — Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965.

Фирсов Н. ЧИП 1920 — Фирсов Н. Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1920.

ЦГАДА 1804 г., ф. 1355, оп. I, № 359 — Центральный государственный архив древних актов, 1804 г., фонд № 1355, опись I, № 359; 1793 г., № 407.

Халан. М. Г. НГКГ 1904 — Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии. СПб, 1904.

Харузин Н. РЛ 1890 — Харузин Н. Русские лопари. М., 1890.

Худяков М.— ГАКО, ф. 170, оп. I, ед. хр. 91—Худяков М. Словарь древних названий по работам в Малмыжском уезде. Вятская ученая архивная комиссия.— Государственный архив Кировской области, фонд 170, опись I, ед. хр. 91.

Чав. С. ОП — Чавайн С. Г. Ойпого. Йошкар-Ола, 1959.

Черных С.— Мар. комм. 1970, 3 июнь — Черных С. Я. Кушеч лектын, кузе лийын? — Марий коммуна, 1970, 3 июнь.

Черных С. Я.— Ончыко, 1972, № 2 — Черных С. Я. Тошто марий лӱм.— Ончыко, 1972, № 2.

Черных С.— Мар. комм., 1975, 31 янв — Черных С. Я. Муреш моктен муренам.— Марий коммуна, 1975, 31 январь.

Черных С. Я.— ВМО — Черных С. Я. Марий калыкын ӧҥ лӱмжӧ-влак. Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1978.

Чери. В. И.— ИОРЯС 1898, т. III, кн. I—II — Черныше в В. И. Список слов портновского языка. СПб, 1898.

Четкарев К. А. МП 1941, т. I — Четкарев К. А. Марийские сказки. Йошкар-Ола, 1941, том I.

Чечулин Н. Д. ЛИ 1890 — Чечулин Н. Д. Личные имена в писцовых книгах. СПб, 1890.

Щепкина Е —ЧОИДР 1892, кн. IV—Щепкина Е. Тульский уезд в XVII в. Его вид и население по писцовым и переписным кни-

гам.— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1892, книга IV.

Элекс. Я. ТТ—Элексей Я. А. Тоймак тукым. Йошкар-Ола, 1963.

Элнет С. ИШ — Элнет Сергей. Илыш шолеш. Йошкар-Ола, 1958.

ЭПСЛС 1973 — Эхо. Предания, сказания, легенды, сказки. М., 1973.

Эрдеди. Й.— JSFOu 64 — Erdödi I. Zur tsheremissischen Namengebung — Journal de la Société Finnoe-ougrienne. Helsinki, B. 64.

ЭС 1961—Эрвел сем. Почеламут сборник. Мишкино (БАССР), 1961.

ЭСМЯ — Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка. Том. I. А—Б. Йошкар-Ола, 1979—256.

Юзык. А. КВ — Юзыкайн А. Кугызан вуй. Йошкар-Ола, 1967.

Яковлев Г. РОГ 1887 — Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань, 1887.

Ялк. Н.— Ончыко, 1962, № 2 — Ялкайн Н. Ушанле йолташ.— Ончыко, 1962, № 2.

Ялк. Я. Эрге — Ялкайн Яныш. Эрге. Йошкар-Ола, 1935.

Ялк. Я. ППВ 1972 — Ялкайн Яныш. Почеламут ден поэма-влак. Йошкар-Ола, 1972.

ЯР 1646 г.— ГАКО, ф. 170, оп. I, ед. хр. 97 — Яранский Посад и уезд по переписной книге Г. М. Юшкова 1646 г.— Государственный архив Кировской области, фонд № 170, опись I, ед. хр. 97.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

башк.	— башкирский язык
В	— восточное наречие марийского языка
венг.	— венгерский язык
Г	— горное наречие марийского языка
КУ, красноуф.	— красноуфимский говор восточного наречия
лит.	— литературный язык марийского языка
латышск.	— латышский язык
Л	— луговое наречие марийского языка
л. волж.	— волжский говор лугового наречия
л. морк.-серн.	— моркинско-сернурский говор лугового наречия
малм.	— малмыжский говор марийского языка
манс.	— мансийский язык
манс. сев.	— северный диалект мансийского языка
мар.	— марийский язык
морд.	— мордовский язык
общеперм.	— общепермский праязык
рус.	— русский язык
саам.	— саамский язык
саам. н.	— норвежско-саамский язык
С З	— северо-западное наречие марийского языка
С-З. тоншаев.	— тоншайский говор с-з. наречия
С-З. шаран.	— шаранский говор с-з. наречия
серн.	— сернурский говор марийского языка
тат.	— татарский язык
удм.	— удмуртский язык
фин.	— финский язык
чув.	— чувашский язык
эст.	— эстонский язык

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Кузнецов. Ойконимы Марийской АССР с топоформантом *-мас* 3
Н. С. Галкин. Топонимические этюды 16
А. Н. Куклин. Фонетическая адаптация тюркизмов в марийских фитонимах 22
В. И. Вершинин. К этимологии слова *шемер* . . 26
С. Я. Черных. Марийские антропонимы, связанные с этнонимами (этноантропонимы) 36
В. А. Акцорин. Историко-фольклорные основы слова *онар* 73
Ф. И. Гордеев. Этимологии марийских антропонимов 79
Список сокращений 132
Список сокращений языков и диалектов 143

Марийский научно-исследовательский институт
при Совете Министров Марийской АССР

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Выпуск 2
Труды, выпуск 45

Редактор Т. А. Товашова
Обложка художника Р. Е. Янгильдина
Технический редактор Е. М. Данилова

Сдано в набор 28.9.80. Подписано к печати 28.11.80. Э-03272. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 3. Гарнитура литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Учетно-изд. л. 8,09. Тираж 500. Заказ № 466. Цена 50 коп.

Марийская республиканская типография, 424700, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.